

*«Мечтая о достойном будущем, давайте
помнить о достойном прошлом»*

Нурсултан Назарбаев

БИГЕЛЬДЫ ГАБДУЛЛИН

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

**О тех, кто строил государство
Казахстан**

Исторические эссе

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТӘҢІРІ
баспасы

А Л М А Т Ы
2015

УДК 070
ББК 76.01
Г 52

Г 52 **ГАБДУЛЛИН Бигельды**
«ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ». — Исторические эссе /Б. Габдуллин
— Алматы: «Хантәңірі» баспасы, 2015 — 286 б.

ISBN 978-601-03-0358-4

Эта книга - скромная дань памяти тех, кто в течение веков строил государство Казахстан. Это попытка приблизиться к пониманию того, как непросто в наше грозное время стоять у штурвала одного из признанных мировым сообществом государств, каковым является Казахстан, и, сохраняя верность традициям предков, учитывая накопленный ими опыт, приумножать мощь державы, вести ее к процветанию.

УДК 94 (574)
ББК 76.01

ISBN 978-601-03-0358-4

© Б.Габдуллин, 2015
© «Хантәңірі» баспасы, 2015

*Посвящается 550-летию
образования Казахского ханства*

ОТ АВТОРА

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ШЕСТЬ ВЕКОВ

Дорогой читатель! Сей скромный труд - это, конечно, не историческое произведение или научное исследование, а ряд эссе, навеянных авторским осмыслением событий истории в эпоху становления нашей национальной государственности. Мною предпринята попытка поделиться мыслями о шестивековой истории родного народа, получившей свое отражение в перипетиях судеб известных исторических личностей - ханов, султанов, батыров, выдающихся наркомов, руководителей страны советского периода, включая ныне здравствующего Лидера нации - Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. При этом я придерживался мнения великого Т. Карлейля, заметившего: «История мира - это биография великих людей».

Выбранная непростая тема требовала от меня как автора большой деликатности, такта, выверенности фактов. Я неуклонно стремился соблюсти строгую историческую объективность. Ведь возвышая - казалось бы, из самых лучших побуждений - свой народ, можно невольно унижить соседний. А этого История не простит!

В 2011 году мы отмечаем славный юбилей нашей страны - 20-летие независимости. Поэтому честный

публицист, писатель, художник, обратившись к истории, обязан правдиво оценить пройденный страной путь, назвать своими именами то, что грубо фальсифицировалось в угоду конъюнктурным интересам, неоправданно замалчивалось или превозносилось до небес. Ведь и сегодняшние наши трагедии на этнической основе (слава Аллаху, что их у нас немного) в какой-то мере связаны с провалами в воспитании исторического сознания, приверженности исторической правде.

Работая над книгой, я постоянно думал именно об этом. Правда истории должна прочно войти в сознание народа, в память и лексикон нашей казахстанской духовной жизни. Как тут не согласиться с русским писателем С.Шуртаковым, однажды заявившим по этому поводу: «...гражданина, истинного патриота ни химией, ни кибернетикой (при всем уважении к этим и другим наукам!) не воспитать! Его воспитывают история, литература, родной язык...» От себя добавлю: «только правдивая история, только правдивая литература».

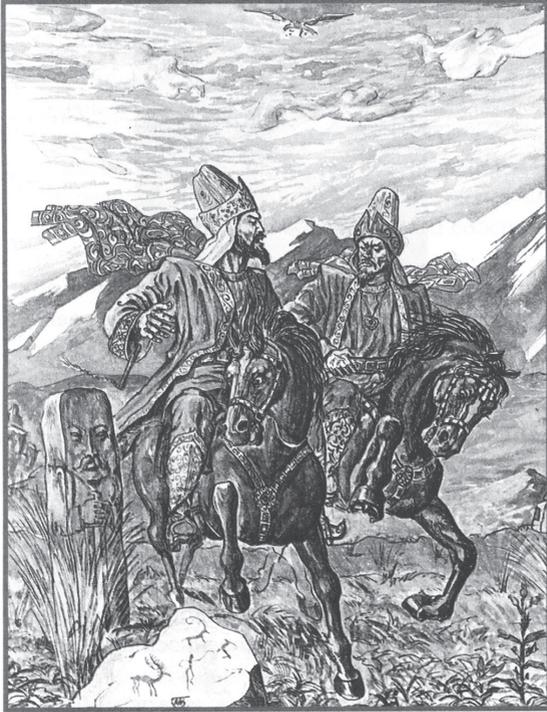
Уверен, что к этой благодатной теме вновь и вновь будут обращаться грядущие поколения историков и литераторов. Перед ними откроются еще не изученные архивные сокровища соседних стран. И тогда наши потомки получат новые произведения о великих сыновьях казахской Степи, раскрывающие глубину и правду далекой старины, реальный драматизм исторического процесса.

Представленные в книге эссе не касаются семидесятилетней колониальной эпохи, наступившей после смерти последнего хана Казахской Орды - Кенесары. И это неслучайно, так как данный исторический промежуток неинтересен мне по многим причинам. Прежде всего, потому, что это было время унижений и мытарств, время обидных упущений моего народа. В такие времена не рождаются настоящие герои.

Моя книга в основе своей - о нашей истории, о героических отцах нации, о славных сынах, рожденных для великих свершений в деле обретения казахским народом независимости и если она хоть в малой степени будет способствовать возрождению исторической правды духовному развитию народа, сочту поставленную перед собой цель достигнутой.

ГЛАВА I.

САГА О КАЗАХСКОМ ХАНСТВЕ

ЗАВЕТЫ КЕРЕЯ И ЖАНИБЕКА

Мне, со своим не столь уж искушенным интеллектом, долго не хватало решимости ступить в малознакомую реку истории, таящую не исследованные еще глубины, водовороты и омуты... И тем не менее наступил, наконец, момент, когда я погрузился в чтение исторических хроник, листал толстенные талмуды серьезных исследователей нашего прошлого.

В поисках недостающего фактологического материала я обращался к легендам и мифам, ибо за неимением письменности наш народ фиксировал события в изустных преданиях. Постепенно вникая в суть проблемы формирования казахской государственности, думал, сопоставлял и анализировал...

Казахи как таковые появились еще в домонгольскую эпоху, о чем свидетельствуют, прежде всего, русские летописи, а также византийские и арабские источники. В конце XIV века казахи пришли из Заволжья и Причерноморья в низовья Волги и при распаде Золотой Орды обособились в отдельный удел-государство. Термин «государство» в применении к казахам того времени употреблен условно, государство еще предстояло создавать.

Год 1459 есть некий рубеж, за которым понятие «казахская государственность» уже звучит не столь абстрактно и начинает наполняться конкретными реалиями. Речь идет о Казахском ханстве, которое возглавляли ханы Керей и Жанибек.

Вообще, термин «казах» вначале нес смысл не столько этнический, сколько социальный. То был особый кочевой способ существования номадов, собирающихся временами в различных регионах Вели-

кой Степи. «Казакование» - образ жизни, вольница, с трудом поддающаяся обузданию властью. Да и сами ханы, сообразно обычаям времени, не гнушались разбоем, нападая на соседние, чуждые им племена, а порой в ночной сумятице грабили и собственные, впопыхах приняв их за чужие.

Любопытную мысль высказали исследователи Д. Ашимбаев и В. Хлюпин в книге «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции» (Алматы, 2008): «Казахи», прежде чем стать этносом, сначала возникли как нация, в смысле политической общности населения, сплотившегося вокруг «казаковавших» ханов Кереея и Жанибека. Их так и называли поначалу - «узбеки-казахи», т.е. кочующие отдельно от кочевников-«узбеков» Абулхаир-хана. Произошло это именно в 1459 году в результате коварных сверхусилий Абулхаира, «переигравшего» тогда самого себя.

Следует заметить, что чингизид Абулхаир был достойным сыном своей эпохи. Стремление к абсолютной власти являлось для него альфой и омегой бытия. А состояло его бытие из бесконечного плетения интриг и козней, нескончаемых заговоров, в финале которых его противники непременно устранились.

Разумеется, делал это он не собственными руками, а говорил с глазу на глаз палачу, что султан такой-то «плохо себя чувствует, ему надо помочь». После внезапной гибели занемогшего султана летела с плеч и голова палача. Оно и впрямь: к чему ненужные свидетели?..

Кочевников близлежащей степи Абулхаир держал в железном кулаке, взимая с них непомерную дань. А двух султанов-аргынов, троюродных братьев Кереея и Жанибека, тоже чингизидов, честолюбивых и амбициозных, опекал особо, стараясь держать на коротком поводке. Братья были на редкость дружны. Абулхаир спал и видел, как столкнет их лбами.

Была в родстве этих трех людей одна тонкость, которая определяла особенности их отношений: и Абулхаир, и Керей, и Жанибек являлись потомками великого Джучи, но Абулхаир вел свое начало от младшего сына Джучи - Шейбана, а Керей с Жанибеком - от старшего - Орда-Ежена, стоявшего ко всему прочему у основания Ак-Орды. Таким образом, согласно степному закону о престолонаследии, ханом должен был быть не Абулхаир, а один из братьев - Керей. Честолюбие братьев не дремало, они лишь ждали удобного случая, чтобы сбросить с себя ярмо ненавистного Абулхаира и с полным на то основанием вернуть себе законный ханский титул.

Тревога в душе Абулхаира нарастала. На большом совете или курултае он искоса поглядывал на братьев. Керей высился неприступной скалой, его великовозрастный сын Бурундык, глыба из глыб, тяготясь собранием, осоловело клонился набок - оживал он лишь в предвкушении сечи. Жанибек внимательно наблюдал за происходящим, его глаза были, как омут. «Этот опаснее всех», - думал Абулхаир.

Однажды на большом приеме в ставке хана рядом с Жанибеком оказался его десятилетний сын Касым. В это время в ханскую юрту вошел любимый семилетний внук Абулхаира Мухаммед-Шейбани, один из наследников престола. Абулхаир погладил его по голове и вдруг перехватил взгляд Касыма. В нем было столько ненависти, что хану стало не по себе. «Да, этих надо убирать с пути побыстрее, всеми правдами и неправдами», - решил он, однако до времени затаился, словно в засаде, готовясь к прыжку.

Братьям нежданно-негаданно подыграл Кобланды-батыр. Интеллект был не самой сильной стороной этого каракипчака. Он жил во власти инстинктов и страстей и в какой-то недобрый момент воспылил ненавистью к Акжол бию - мудрейшему и достойнейшему аргыну.

Акжол бий был ближайшим советником Абулхаира, но желание досадить ненавистным братьям-аргынам заставило властителя раздуть огонек ненависти в душе доверчивого каракипчака, и тот при первой же встрече с бием вдребезги разнес ему булавой голову, разнес до основания, так что на смертном одре у Акжол бия вместо головы торчал лишь верхний шейный позвонок.

Естественно, согласно степным законам оскорбленные аргыны потребовали сатисфакции, т.е. голову незадачливого батыра. Абулхаир попал можно сказать в безвыходную ситуацию. Пожертвовать батыром он не мог - кипчаки были одной из опор его ханской власти. Ну а братья с полным на то основанием в одночасье, за ночь, откочевавшие из ташкентской ставки Абулхаира в сторону Моголистана, избавились от смертельной опеки хана, развязав тем самым себе руки в борьбе за ханский титул.

Наутро, выйдя из шатра, Абулхаир оцепенел от неожиданности. Вместо привычных и радующих его хищный глаз покорных кочевничьих юрт, разбросанных островками близ его ставки, он увидел полное запустение. Там, где еще вчера стояли юрты, виднелись лишь проплешины, курился одинокий дымок на месте бывшего очага, да кое-где возвышались кучи бытового мусора, которые лениво ревизовал утренний ветерок.

Вообще, такого рода внезапные откочевки, подалее от власти правителя, в те поры были в Дешти-Кипчак и Жетысу формой протеста и сопротивления. На этот раз его возглавили Керей и Жанибек. Они были хорошими стратегами, и все рассчитали очень точно. Народ Степи устал от грабежей и распрей. Люди хотели стабильной мирной жизни под крылом сильных и умных, рачительных владык, которые могли бы защитить своих поданных от разбоя.

Несомненно, братья-соправители, обладали определенной харизмой, кочевники верили им, тянулись к ним. Даже кипчаки, на которых так рассчитывал Абулхаир, откочевали вместе с Кереем и Жанибеком. К ним стекались все, кто пострадал от Абулхаир-хана, от распрей и самодурства других чингизидов. Вслед за главным караваном все шли и шли к ним аулы. Белая Орда становилась государством, но пока лишь государством на верблюдах - без земли и собственной столицы.

Братья-соправители понимали: Абулхаир не смирится с их демаршем, мечом и огнем накажет за непокорство. А расчет братьев был прост: укрыться на время под сенью тогда еще могущественного Моголистана, собраться с силами, выждать и нанести упреждающий удар. К тому же было ясно, что степному ханству не обойтись без присырдарьинских городов - Туркестана, Отрара, Сыгнака, Созака, Саурана, Узкента. Они имели на них все права: весь этот регион искони принадлежал джучидам старшей линии.

Кочевье двигалось к урочищу Алмалы, где находилась ставка Есен-Буги, правителя Моголистана. Вдали, словно царские ризы, сияли снега Заилийского Алатау. Лето было в своей зрелой поре, но солнце как бы щадило кочевье, живительный ветерок самал трогал гривы коней, оглаживал лица своей благодатной ладонью.

Керей и Жанибек, степенно беседуя, неспешно двигались бок о бок, стремя в стремя. Беседа эта началась давным-давно, еще в ранней юности братьев. Она была нескончаемой, стала жизненной необходимостью. Надо было осмыслить себя и свой народ в потоке времени. Надобно было знать: что делать сейчас, сегодня, чтобы завтра этот народ не канул в Лету... Народ хочет мира, но путь к нему пока лежал через войну...

Они прошли долиной Чу, вступили в Семиречье. А где-то далеко на Западе, в низовьях Едиля и вдоль Жаика, уже столетиями кочуют казахские аулы. Нужно дотянуться и до них, чтобы они почувствовали, что движутся в одном потоке со всем народом казахской Степи. Их тоже необходимо взять под свое крыло, ибо и там есть многоопытные и бывалые соседи, которые готовы прибрать к рукам удобные места кочевков казахов, да и самих казахов - простодушных и открытых миру детей Великой Степи...

Есен-Буга принял народ Керей и Жанибека с распростертыми объятиями. Еще бы! В авангарде 200-тысячного воинства двигалась многочисленная конница при пиках и саблях. Владыка Моголистана с готовностью уступил им западные окраины своих земель. Пусть себе кочуют на здоровье! А пики и сабли кочевников, готовые взметнуться по первому зову, это же неотразимый аргумент в давней тяжбе Моголистана с Китаем, с бандитствующими по соседству ойратами, с алчной сворой тимуридов - о, какой у них неукротимый аппетит!.. Тем более, сейчас, когда родной брат Жунус подбирается с их помощью к престолу Моголистана, страстно желая свалить с него Есен-Буга.

Пройдет несколько лет, и непривычное до того словосочетание «узбеки-казахи» (весьма органичное до той поры, пока Абулхаир держал при себе этих необузданных аргынов и кипчаков) лишится неуместного приложения. Останется одно понятие - «казахи». А племена и царства, живущие окрест Степи, вдруг увидят народ, назвавшийся этим именем. Народ, с которым будет невозможно не считаться.

Все так, но этому будет предшествовать ряд драматичных событий, одним из которых стал поход Абулхаира к западным границам Моголистана. Силен был хан, и войско его превосходило по мощи тумены бра-

тьев-соправителей. Казахи были подобны судорожно сжатому кулаку. Такое потом не раз будет происходить в их истории, и не раз будут стоять они на краю гибели.

Близ урочища Алмалы хан отдал приказ о привале. Стояла осень. Летели на юг с тревожными и печальными криками журавли. Светлая ночь заткала небо холодными крупными звездами. Казахам предстояла смертельная сеча. И войско Абулхаира отдыхало перед битвой. Не спали разве что чуткие стражники у ханской палатки, но и они не смогли уберечь ханский шатер от беды.

Среди ночи явилась неожиданная гостья, которой непочем были их кинжалы и сабли. Когда звезда Шолпан неистово заблестала на утреннем горизонте, из ханского шатра послышался леденящий душу женский вой. То кричала в смертной тоске одна из любимых жен хана Рабиа-султан-бегим, дочь легендарного Улугбека. Хан занемог накануне (говорили: укус комара, лихорадка), отчасти поэтому и был отдан приказ о привале. А под утро Абулхаир взял да и помер.

За отсутствием главного действующего лица битва не состоялась. Вмешалось Провидение, Аллах за что-то «осерчал» на Абулхаира. Так это было или не так, но, как не без иронии заметил один из умнейших историков средневековья Мухаммед Хайдар Дулати, «мы рассказываем об этом так, а Аллах лучше знает». И потому за всеми уточнениями - туда, в самую высокую инстанцию. Мы же здесь, по мере сил, даем свое видение того, что было и как могло быть...

Смерть Абулхаира вызвало вполне понятное замешательство у шейбанидов (самая влиятельная фракция среди чингизидов) - его наследников. Для казахов это была лишь краткая передышка. Предстояла долгая война с потомками Абулхаира за присырдарьинские города, которая растянулась на годы и годы. Ке-

рей к тому времени ушел из жизни, его прах покоился в усыпальнице степных владык у горы Хантау. Казахи подняли на белой кошме и обмыли молоком сорока белых кобылиц Жанибека.

В недолгий период затишья, оставив города на попечение сыновей, Жанибек сделает марш-бросок на северо-запад, к берегам Едиля и Жаика, сумеет помочь тамошним казахским племенам избавиться, хотя бы на время, от притязаний башкир, крымских и волжских татар. Казахи Едиля и Жаика признают над собой его ханскую власть. Хотя... уже тогда давало о себе знать то, что не всем сородичам была по нутру консолидация казахов в Степи. В душе каждый султан мнил себя ханом.

Жанибек был достаточно последовательным. Крикунам он готов был окоротить язык - отсечь его вместе с головой. А у тех, кто проявлял непримиримость к единению, сжигал юрты. Но эти, пожалуй, слишком уж крутые меры, были вполне в духе того времени.

Вообще же, в памяти народа Жанибек остался правителем мудрым и никак не жестоким. Он заложил основы демократии и своего рода парламентаризма. Все важные вопросы он решал на советах старшин и биев - большом и малом. Подобные советы были и у Абулхаира, но они выполняли скорее декоративную функцию, а приличные люди в этих советах как-то очень быстро перевелись. Жанибек помнил об этом. Ему не нужна была фикция. Сборище подхалимов и подпевал в совете его не устраивало. Он хотел, чтобы представители народа непосредственно участвовали в решении государственных дел.

Существование государства уже в зачаточном состоянии требовало принятия порою жестких и непопулярных мер. Нужна была более или менее регулярная армия, желательно более, чем менее. А на что ее прикажете содержать? Налоги - жесткая необходи-

мость, но налоги, как нетрудно догадаться, народ издревле платить не любил.

Мирные паузы длились порою по несколько лет. Боевые всадники благополучно возвращались под родной шанырак. Предполагалось, что в случае необходимости их можно будет быстро собрать в ханский кулак, чтобы дать отпор рыскающим во множестве по Степи шакалам-разорителям. Но как раз при надобности собрать воедино это воинство было непростой задачей. Годы мира, как это ни прискорбно, расслабляли народ, порождали беспечность. И, быть может, главная заслуга Жанибека в том-то и состояла, что он впервые в истории Степи сумел внушить народу, что интересы государства и нации превыше личных.

Мы не знаем, где и как окончились дни Жанибека. Превратности судьбы бывают странными. Источники свидетельствуют, что он какое-то время был правителем одного из городов в Крыму. Потом неким образом попал к царю Московии Василию, а умер в городе Ковно. В конце концов, все это представляется не столь уж важным в свете того, как много сделал хан Жанибек для Степи.

А вот с его преемником, старшим сыном Керя Бурундыком все было куда сложнее. Время его правления - череда нескончаемых войн. Человек он был физически сильный, упоение битвой - его стихия. На врага он кидался с яростной безрассудностью, увлекая за собой свою гвардию. Но с такою же безрассудностью и покидал поле боя, когда ему грозила смертельная опасность, предоставляя гвардии самостоятельно выпутываться из «заварушки».

Жанибек был стратегом и дипломатом, о Бурундыке сказать такое просто невозможно. До этого мы обмолвились, вспомнив одного из легендарных батыров, что интеллект не был сильной стороной его натуры. Батыру, ладно, многое простится, он может

жить по принципу: «Сила есть, ума не надо». Но хану следовало быть умнее. Отчасти, в общем-то, и шли безрассудные войны, поскольку вел их безрассудный хан. И хотя стратегия на завоевание присырдарьинских городов и закрепление в них казахов была задана Жанибеком, и Бурундык строго следовал ей, но, право, многих перекосов и нелепостей его подданным удалось бы избежать, будь хан осмотрительнее и умнее. Согласно хроникам, он правил 31 год - с 1480 по 1511-й. Диву даешься, как народ столь долгое время терпел его ханство.

Истины ради скажем, что многие перекосы ему помогал устранять султан Касым, сын Жанибека. От своего отца он унаследовал его таланты и был мощным противовесом Бурундыку. Постоянно вступая с ним в негласную конфронтацию, удерживал его от необдуманных шагов. Опять же, истины ради, надо сказать, что Бурундык выиграл ряд крупных сражений с шейбанидами, потомками, как уже говорилось, Абулхаира. Например, битву на перевале Согундык, что в горах Каратау, где численность шейбанидов «выходила за пределы исчисления», а противостояло им 50-тысячное войско казахов, в котором 30 тысяч составляло ополчение Джаныш султана и с десятков тысяч - Касыма. В общем, легко загрэбать жар чужими руками.

В силу своих полководческих завихрений и скудости ума Бурундык пошел на сближение с заклятыми врагами - шейбанидами, выдав замуж трех дочерей за шейбанидских султанов. Следствием его сверхнедальновидной дипломатии стало то, что Южный Казахстан был раздроблен, растерзан. Бурундык остался с городами Сыгнак, Сауран и Созак, шейбаниды «отхватили» Отрар, Туркестан, Акрук и Узкент. А моголы «урвали» Ташкент и Сайрам. Народ не простил этого Бурундыку. Он был лишен ханского титула, изгнан и умер в Самарканде.

Впрочем, еще при жизни Бурундыка авторитет Касыма, сына Жанибека, был в народе непререкаем. И, естественно, став ханом, он продолжил то, что было начато его отцом. Хан Касым был осмотрителен и расчетлив и, конечно, он мешал шейбанидам - они постоянно чувствовали угрозу со стороны кочевников. Оттого-то и важны им были присырдарьинские города в качестве надежного барьера и серьезной преграды для степняков. А Касыму эти города нужны были как опора его власти над Степью и защита от посягательств на нее. Естественно, он вынужден был искать союзников и находил их в лице моголов и мангытов.

Горя желанием раз и навсегда разделаться с казахами, правитель Мавераннахра Мухаммед Шейбани-хан предпринял поход на улус Касым-хана, находившийся в предгорьях Улытау. Когда он дошел до Сыгнака, принадлежавшего казахам, в нем разыгрались хищнические инстинкты, и на подступах к городу он разбил свою ставку, желая одной стрелой поразить двух зайцев.

Сам он там и остался, прикидывая, как половчее захватить Сыгнак, а основную часть своего воинства направил дальше. Узбеки напали на ставку Касыма в предгорьях Улытау, и он, видя явное численное превосходство врага, аккуратно отступил, даровав нападавшим иллюзию победы.

Что делают победители? Пируют день-другой. И в разгар пирушки на них обрушивается небольшой мобильный отряд, посланный Касым-ханом, чтобы разведать обстановку. Узбеки в панике бегут, Касым-хан их преследует, не давая опомниться. Волна паники достигает Шейбани-хана, и он, не в силах противостоять ей, вынужден спешно убираться подобру-поздорову назад, в свой Мавераннахр.

На него, кстати, с юга наседали основатель новоперсидского государства Иран шах Исмаил, который, собственно, сыграл роковую роль и в судьбе Шейба-

ни-хана, доведя его до гибели, и в судьбе подвластного ему Мавераннахра, развалив его на два ханства и лишив былого могущества. А пока там шла битва, Касым-хан завладел самым южным городом присырдарьи - Сайрамом, сделав все возможное для укрепления своей власти на юге Степи.

Трудно сейчас представить, какие страсти кипели в те поры на юго-восточной границе Степи. Гибли, казалось, несокрушимые ханства, возникали новые государства, эпоха перекраивала границы Средней Азии, а Казахское ханство, между тем, набирало силу. После прихода к власти Касыма оно какое-то время называлось Касымским ханством, что лишь подтверждает, что Касым-хан окончательно утвердил свое господство над бескрайними просторами Казахии.

Численность населения Казахского ханства превысила миллион человек. Старые друзья-недрузи и новоявленные правители вынуждены были считаться с державой, появившейся по соседству. Казахи как особая этническая общность стали известны Западной Европе. Кстати, первым крупным государством, установившим дипломатические связи с Казахским ханством, была Московская Русь. Произошло это при Касым-хане и князе Василии III.

Молва приписывает Касыму создание свода законов «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касыма»). Но законы эти не были записаны и до нас не дошли.

Взглянуть бы, хоть краем глаза, на этого незаурядного человека. Говорят, был он ярым лошадиником. Значит, был истинный степняк и кочевник. Вне сомнения его полководческий дар. В бою он проявлял отвагу, умел вести за собой людей.

Он был из категории тех правителей, кого называют «государственниками». И, безусловно, обладал сильной харизмой: объединить под своим началом

миллион (!) людей - это не удавалось еще ни одному, кроме Касым-хана, казахскому хану. Он был верным последователем Керей и Жанибека. А их главные заветы - прирост территорий, укрепление внешних границ, внутреннее единение - предопределили вектор движения Казахского ханства на 350 лет вперед.

ШАГИ ИСТОРИИ: НЕУМОЛИМАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Наверное, не только в природе, но и в истории человечества существует закон приливов и отливов. И вслед за «пассионарным взлетом» казахского духа (воспользуемся термином евразийца Льва Гумилева) вполне естественны периоды затухания энергии. Но то, что уже произошло в жизни Степи, не исчезло бесследно. Оно остается в генетической памяти народа. И какие бы злые ураганы ни проносились над Степью, какие бы мутации ни происходили, однажды явившийся в Степи дух предвосхищения государственности, провозвестниками коей были Керей и Жанибек, всегда был путеводной звездой. Вновь и вновь выводил он казахских владык на столбовую дорогу исторического прогресса. И какие бы унижения ни переживала Степь, в какие бы теснины ни загоняли ее обстоятельства, ген стремления к обретению государственности был неистребим.

Касым явился достойным сыном своего отца. А дальше нас ждет горестное историческое недоразумение. Его сын Мамаш всего год пробыл на ханском престоле, так и не успев проявить себя. Смерть его была в высшей степени нелепа. Он погиб в одном из сражений от удущья в боевых доспехах, под тяжестью убитого коня, который упав, подмял под себя хозяина. По свидетельству историков, случилось это в 1522 году.

Говорят, «беда в одиночку не ходит». Невезучим было и правление следующего хана - Тахира. Он приходился племянником Касыму, внуком Жанибеку. Талантами Аллах его не отметил, влиянием в Степи он не пользовался. Но поскольку был ханом, вел в силу своего разума (а точнее - неразумия) дипломатию, затевал войны, в которых раз за разом терпел поражения.

Великая беда, коли человек, облеченный властью, не обладает в придачу к ней мудростью. Он губит и самого себя, и все препорученное ему судьбой. Как очень точно заметил один из историков, «своими бестолковыми действиями он как бы спровоцировал врагов на объединение».

Не будем вникать во все перипетии плачевной дипломатии Тахира. Скажем лишь о том, что он сумел испортить отношения даже с бывшими союзниками хана Касыма - моголами и мангытами. Каждый его военный поход, как дурная преднамеренность, кончался потерей части территорий Казахского ханства. Был он подвержен эмоциям и в неудачах проявлял упорство, как бы желая испить чашу беды сполна. Даже когда поражение было самоочевидно, но еще можно было отделаться «малой кровью», он, утрачивая чувство реальности, продолжал лезть на рожон, что приводило к бессмысленным жертвам, потере и обширной территории, и собственной чести.

Народ его не любил и открыто выказывал эту нелюбовь, что еще больше ожесточало Тахир-хана. И все шло к неизбежному финалу. Как затравленный волк, он с небольшой дружиной откочевал к киргизам, которые составляли тогда с казахами единый улус и странным образом не утратили к Тахиру дружественного расположения. По-человечески его, конечно, жаль, но уместно ли оценивать дела и поступки хана, властителя простыми человеческими мерками?..

Далее на троне Казахского ханства возникают еще две как бы случайные фигуры - Бойдаш-хан и Ходжа Махмуд. Страна была разорена и лишена единства. Как напишет чуть позже летописец, «были в стране той и другие мелкие ханы, которых даже имена с точностью неизвестны». Оно, быть может, и слава Аллаху, что не отмечены были они сколько-нибудь видными (а точнее - незавидными) делами и не запятнаны проступками, порочащими ханскую честь.

А вот Тогум-хан хоть и правил всего-то два года, но оставил в памяти потомков неизгладимый след. Тут было бы уместно поменять регистр повествования и говорить высоким поэтическим слогом. Ибо то, что произошло, не может не впечатлить сколько-нибудь мыслящего человека.

Удерживаясь от соблазна впасть в патетику, приведу лишь цитату из труда современного ученого-историка Г.Ж. Табулдина «О династии торе-чингизидов с XIII по XX век» (<http://www.turanpro.kz/proj/genealogy/trudi/tore/>). Он, в частности, пишет: «После Тахира великим ханом Казахской Орды избирается еще один внук Аз-Жанибек-хана, сын Жадик султана Тогум-хан (1533-1537). Ему удалось сплотить распавшиеся, было, казахские улусы и вновь объединиться с киргизским народом.

Почти беспрерывно вел он оборонительные войны против калмаков, узбеков, моголов. Союзные силы узбекского хана Убайдуллы и могольского Абдар Рашида встретились с объединенной армией Тогум-хана (казахи и киргизы) восточнее Иссык-Куля в месте Сан-Таш. 27 июля 1537 началась кровавая сеча четырех народов. Все казахские полководцы - 37 султанов во главе с Тогум-ханом и 9-ю его сыновьями погибли в этом бою».

Современный казахский писатель и историк Мухтар Магауин по поводу этой битвы писал: «Сан-

Ташское сражение - одно из самых трагических событий в военной истории Казахской Орды, но в то же время это священный, памятный день, когда в жизни народа на карту были поставлены честь и свобода, и его сыны пошли на верную смерть за святой долг, отдали себя в жертву во имя грядущих поколений. А имя Тогум-хана, погибшего со своей династией на поле брани, должно стоять на первом месте в ряду самых славных личностей, вошедших в полуторатысячелетнюю историю казахского народа, почитаться на уровне святых. После гибели Тогум-хана на его место был избран младший брат Тахир-хана Бойдаш». (*«Азбука казахской истории», Алматы, 1997*).

И еще несколько слов о Сан-Ташском сражении. В нем погибли десятки тысяч казахско-киргизских воинов. После битвы победители устроили колоссальную резню, не щадя стариков и детей. Апофеоз войны - реки крови и грабеж. «Почти все взрослое население казахов было уничтожено и пленено, весь скот угнан как военная добыча», сообщает историк той эпохи. Считалось, что казахский народ стерт с лица земли. Но, к счастью, это было заблуждением: территория Казахского ханства была необъятной, а людские ресурсы неисчислимыми.

«Несмотря на то, что ханство истекало кровью, народ не склонил головы. Сыны Алаша не пали духом, отстояв свою независимость. Собирая свои силы вновь, они ни на миг не забывали о необходимости возвращения утраченного» - это уже своеобразный постскрипtum к тем событиям историка наших дней Аскара Шоманова.

Но даже если оставить патетику, Степь, она и впрямь широкая, и в годину любой беды люди как бы растворялись в Степи. Кто-то прибивался к иным племенам и народам, чтобы элементарно уцелеть, и старался либо слиться с другим этносом, либо чуть

позже вернуться в родные пределы. Кто-то до поры до времени таился от врага по урочищам, долинам и взгорьям бескрайних просторов, выжидая, когда уляжется дурная кровь в жилах озверевшего победителя-поработителя, и потихоньку налаживал порушенный быт.

Проходил год-другой, и, смотри-ка, вопреки небывало кровавой сече, Степь оживала, как после тяжелой болезни, и наполнилась аулами, кочевьями, султанатами. Нет, не могли исчезнуть казахи с лика Земли, потому как народу этому судьбой был предписан непростой и долгий путь сквозь столетия, где еще много чего случится...

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ИЛИ ОТСЧЕТ ДЛЯ НОВОГО ВЗЛЕТА?

А дальше, по закону маятника, события, достигнув предельно низкой точки, которая казалась точкой невозврата, с неизбежностью стали набирать высоту. И это вызвало появление на авансцене истории таких пассионариев, как Хакназар-хан, Шыгай-хан, Тауекел-хан и, наконец, хан Есим.

Здесь надо сделать оговорку: Керей и Жанибек закрепили в жизни Степи, а еще конкретнее - в жизни казахов, династийный принцип передачи власти. Собственно, и главный их оппонент - шейбанид Абулхайр, и Керей с Жанибеком были чингизидами. Но все последующие правители в Казахском ханстве - прямые потомки Керей и Жанибека.

После катастрофы в Сан-Таше Казахскому ханству предстояло восстать из руин. Стать «прорабом» восстановления полуразрушенного здания государственности, причем, чуть ли не с нулевого цикла, выпало на долю Хакназар-хана, сына Касым-хана, внука Жанибека. Уму непостижимо! Хакназар правил Ка-

захским ханством 42 года, с 1538-го по 1580-й. Эпоха была крайне сложной (О, Аллах! Когда же эпохи бывают простыми?!)

Шли непрерывные войны и на юго-востоке, и на северо-западе. Доживала последние дни Золотая Орда. Иван Грозный «подверстал» к Московии вначале Казань, потом - Астрахань. Не на жизнь, а на смерть с ним рубились крымские татары. Безуспешно пыталась ускользнуть из объятий Москвы Ногайская Орда. К тому же в этих приволжских ханствах шли междоусобные распри. Хакназар, будучи от природы смекалистым, а попросту - хитрым, сумел из этого извлечь для себя максимальную выгоду.

Проведя ряд удачных военных кампаний, он расширил пределы Казахского ханства до междуречья Волги и Урала, прихватив ряд башкирских земель - не все башкиры согласились идти в подданство к московскому царю. Их охотно принял под свое крыло Хакназар. Попутно он разгромил чагатайское войско, вступил в схватку с сибирским ханом-шейбанидом Кучумом. Хакназар также начал кампанию против ногайцев с целью завладеть низовьями Урала и Волги. На юге он держал в постоянном напряжении Ташкент.

Пришлось выяснять отношения и с могущественным Моголистаном, который пытался вытеснить казахов из своих степей. Был наголову разгромлен давний обидчик казахов и киргизов Абдурашид-хан.

Хакназар вернул Казахскому ханству утраченные земли и присоединил к ним новые территории. Важно и то, что он вернул казахам, пусть даже не веру в былое могущество, но хотя бы веру в самих себя.

В одном из сражений Хакназар погиб. Его преемником стал - всего на два года (!) - престарелый, но многоопытный военачальник Шыгай-хан, один из внуков Жанибека. Заняв ханский престол, он решил, быть может, одну, но очень важную для казахов проблему -

как говорится, «свернул шею» давнему и непримиримому врагу - шейбаниду Баба султану. Именно от рук Баба султана погибли Хакназар и два его сына.

Шыгай-хан дал клятву: отомстить! Он понимает, что в одиночку ему не одолеть Баба султана и бухарского эмира Абдуллу. Поэтому, будучи опытным политиком, Шыгай-хан склоняет Абдуллу на свою сторону, причем, даже соглашается на время стать его вассалом. И при благосклонном нейтралитете Абдуллы в июле 1582 года под Туркестаном дает Баба султану последний решительный бой. Баба султан бежит с остатками своей гвардии в Сары-Арку, где его ждет бесславная гибель.

А Шыгай-хан, которому тогда было уже восемьдесят лет, напоследок удивил и современников, и потомков. Его миссия была выполнена. Он принял решение оставить трон. Остаток дней провел в служении Аллаху.

В памяти народной остался он и как чадолюбивый отец. Три жены одарили его многочисленными сыновьями. Они своими ратными и мирными делами верой и правдой служили казахскому народу. И среди них - Тауекел-хан, Есим-хан, Ондан султан, который, кстати, был предком Алихана Букейханова.

К числу особых заслуг Шыгай-хана отнесем то, что он вырастил сыновей, достойных ханского звания. Тауекеля, ставшего ханом казахов после смерти отца, называли «бахадуром», а это высшее признание воинской доблести.

При хане Хакназаре Шыгай был одним из опытнейших военачальников и дипломатов. А потому науку войны и дипломатии Тауекел постигал рядом с отцом с юношеских лет. Он шел в бой первым, возглавлял отряды на самых рискованных и ответственных участках военных кампаний.

Он пытливо вникал и во все тонкости межгосудар-

ственных дел Хакназара, стараясь разгадать планы потенциального противника; изучал политическое устройство соседних ханств и султанатов. К тому времени, когда его подняли на белой кошке, он был уже опытным политиком и военным стратегом.

И при Тауекеле камнем преткновения были все те же присырдарьинские города. Чтобы овладеть ими, Тауекел направлением главного удара делает Ташкент и Самарканд. Не будем вникать во все перипетии этой столетней войны. Тем более что Тауекелю приходилось преодолевать и внутренние противоречия в Казахском ханстве: сыновья Хакназара - султаны Мунгатай и Дин-Мухаммад - тоже претендовали на ханский престол, расшатывая власть изнутри. Шли непростые переговоры с правителем Московского государства царем Федором, который был не прочь заключить военный союз с Казахским ханством, определив Тауекелю роль вассала. Это устраивало Московию, но не устраивало Тауекеля.

Дипломатические переговоры забуксовали, но торгово-экономические отношения оживились, караванная торговля обрела новый импульс. Налаживаются отношения с Моголистаном, причем, настолько тесные, что Тауекелю в какой-то момент принадлежит решающее слово по поводу того, кто там воцарится на престоле. На этот факт обратим особое внимание: Тауекел, как сказали бы сейчас, умел создавать в сопредельных странах свою «пятую колонну» среди местной знати и простолюдинов, что позволяло исподволь лоббировать интересы Казахского ханства.

Несмотря на яростное сопротивление шейбанидов, он одержал над ними целый ряд побед. В состав Казахского ханства на двести лет вошел Ташкент, Фергана с Туркестаном на какое-то время тоже стали частью территорий Казахского ханства. К сожалению, в одной из схваток близ Бухары Тауекел-хан был смертельно ранен...

Благодаря усилиям Тауекел-хана границы ханства раздвинулись, стали стабильными, и земля казахов вновь обрела свою былую мощь. А ведь прошло лишь немногим более полувека со дня Сан-Ташского сражения, когда окружающие народы и властители констатировали окончательное, по их мнению, исчезновение казахов с просторов Великой Степи.

СКАЗАНИЕ О ЕСИМ-ХАНЕ, ИЛИ ШЕКСПИРОВСКИЕ СТРАСТИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Поражаюсь, как наши драматурги «проморгали» этот исторический сюжет. Он словно выкроен по лекалам шекспировских трагедий, но из отечественного материала.

Начнем с того, что Есим-хан, брат Тауекеля, сын Шыгай-хана, согласно скудным хроникам и народной молве, один из выдающихся государственников на рубеже XVI - XVII столетий. Собственно, именно этим он интересен нам в первую очередь. Ему словно на роду было написано выполнить предначертанные самой историей заветы своих пращуров Керей и Жанибека.

Сведя почти на нет внешние угрозы, Есим-хан сумел добиться единения нации. Причем, по странному стечению обстоятельств, именно ему невероятными усилиями воли, ума, терпения и мужества пришлось преодолевать внутренний раскол в ханстве, усмирять неистовые распри, развернувшиеся в борьбе за ханский трон, который он занял по праву престолонаследия.

История все расставляет по своим местам. Враги Есим-хана остались в памяти веков постольку, поскольку были его врагами. Он же был сам по себе масштабной фигурой, и ханский трон представлял для него интерес лишь как отличная возможность улучшить дела в государстве.

Для тех, кто этот трон из-под него вышибал (и добился-таки своего на какое-то время!) власть была самоцелью, предметом тщеславия и, в общем-то, возможностью для проявления своих самых низменных страстей. Это были типичная узурпация власти, череда предательств, подлые удары в спину и беспринципность, возведенная на уровень принципа.

Такие люди в преданиях народа не остаются, о них не слагают легенд. Зато до наших времен дошло «Сказание о Есим-хане» поэта-сказителя Жиёмбета Бортагашулы, бия и воина-батыра Младшего жуза. А за полководческий талант, храбрость и личное мужество, проявленное в боях, молва нарекла его «Енсегей бойлы Ер Есім» - «Мужественный Есим».

Добавим к этой характеристике, что личная репутация была у него на втором плане, он мог ею пренебречь в интересах общего дела. Это был гибкий политик, умевший идти на компромисс, выжидать удобные моменты, чтобы нанести внезапный удар. В общем, здесь вновь хочется помянуть добрым словом Шыгай-хана, сумевшего то ли воспитать в сыновьях, то ли передать им на генетическом уровне способности и таланты, столь нужные на государственном поприще.

Да, Есим-хан был в свой час поднят на белой кошме. Но стали обнаруживаться самозванцы. Одного из них удалось устранить достаточно быстро, однако следом появился второй - Турсун-хан, правивший в Ташкенте и тоже объявивший себя главным ханом Казахского ханства. Он якобы был братом Есима, но именно - якобы. Источники называют его сыном Джалим султана (тоже неизвестного происхождения).

Турсун-хан нуждался в легитимном признании его ханом, как того требовали «степные законы», а с легитимностью Турсуна было много сложнее. Правда, его поддержали аштарханиды, бухарские ханы. С ними,

заинтересованными в ослаблении Казахии, все было ясно. Им покоя не давало то, что Казахское ханство завладело присырдарьинскими городами, и, естественно, борьба за их обладание вспыхнула с новой силой.

Потирала руки и оппозиция из числа «обиженных» султанов. Но не все понятно в поведении самого Есим-хана. Кое-кто из исследователей склонен обвинять его в непоследовательности и нерешительности. Там, где надо было действительно применить силу, он зачем-то затевал с непокорными султанами долгие и унизительные переговоры.

Есим-хан надолго исчезает в Моголистане, активно участвует там в политических играх, пытаясь в то же время противостоять зародившемуся государству джунгар, точивших зубы на казахские земли.

Между тем в самом Казахском ханстве, в его общественно-политическом мироустройстве назрел целый ряд проблем, которые требовали незамедлительного решения. Но для этого нужен был действительно государственный ум, каковым Турсун обладал в малой степени. Тем не менее, он считает себя всемогущим владыкой и, нарушив соглашение с Бухарой, устраивает на нее набеги.

Начинается затяжная война. Что характерно: стоило воюющим сторонам достичь мирного соглашения, как его тут же вероломно нарушал Турсун. В отличие от Есима, считавшего, что многие межгосударственные споры надо решать дипломатическим путем, Турсун, как и большинство восточных политиков того времени, главную ставку делал на силовое решение проблем.

Удивительно, но Есим-хан, сумев однажды объединить силы (с кем бы вы думали?) с Турсуном, совершил удачный поход на Андижан. Там уже намечалось некое подобие альянса, однако Турсун оказался верен своей шакальской натуре. И когда Есим отправился

усмирять ойратов, участвовавших в набегах на Казахское ханство, Турсун вероломно напал на Туркестан, где находилась ставка Есима, устроил резню, захватил в заложники детей и жен Есима. Вот этого Есим простить ему уже не мог.

Турсун кинулся искать союзников среди казахских султанов, но, по-видимому, у каждого из них многое накопилось по счетам к Турсуну. Псевдохана зарезали свои же приближенные. Народ шептался, что это кара небесная за его бесчисленные прегрешения. Ну чем не шекспировские страсти? Тем более что все это совпадает с годами жизни великого английского драматурга, и именно на эти годы приходится пик его творчества.

Жаль, не дотянулся он до Шелкового пути и ограничился лишь Италией и Датским королевством, а то, глядишь, появилась бы в мировой драматургии трагедия из жизни Степи, равновеликая «Ричарду III», «Королю Лиру» и «Макбету». Тут есть над чем поразмышлять.

Дальше происходит невиданное в истории Казахского ханства. Как пишет в своем исследовании Ерлан Карин: «Есим, несмотря на то, что когда-то был отрешен от верховной власти и изгнан за пределы государства, все же смог вернуться на политический Олимп», его вновь провозглашают ханом. Это еще раз подтверждает, по мнению исследователя, «некоторые особенности функционирования власти в казахском обществе». (*«Хан Есим: в лабиринтах власти»*. Из книги *«Первые лица государства: политические портреты»*. Алматы, 1998).

И вновь о драматургии. Акт второй или даже третий. Свалив с престола самозванца и вновь заняв престол на законных основаниях, Есим-хан устраивает грандиозную резню тех, кто был на стороне Турсуна. И в первую очередь тех, кто принадлежит к роду ка-

таган, так как именно они оказали наибольшую поддержку узурпатору.

О народ шептался в страхе: подумать только - уничтожить целый род по велению одного человека, пусть даже это всесильный хан! Что это? Злодеяние? Акт возмездия? Или государственная необходимость, дабы это послужило подданным уроком впредь? Так что белые одежды хана Есима обагрены невинной кровью. Не выйдет одними радужными красками начертать его портрет.

Конечно, мы даем оценку деяниям ханов с нравственных позиций новейшего времени, разумеется, в большей степени отвечающего принципам гуманизма. Средневековье имело несколько иные установки. Быть может, оценивая прошлое, следует учитывать их.

И все-таки Есим-хан не зря назван великим государственнымником. Итогом его пребывания у власти стало коренное реформирование политической системы Казахского ханства. Главенство закрытой элиты - торе - заменялось главенством элиты открытого типа - биев и старшин, которые ограничили политические права чингизидов. Зато шире стали права общин и их руководителей. Все это было закреплено в своеобразной Конституции - «Есім ханның ескі жолы» («Древний путь Есим-хана»), она была принята как дополнение к кодексу Касым-хана. В ней четко определялись полномочия хана, биев, а также их взаимные обязанности и права.

Высшей законодательной властью по-прежнему оставался Маслихат, в состав которого входили представители казахских общин и наиболее влиятельные султаны. Маслихат собирался раз в год, как правило, осенью - в Улытау, Туркестане или под Ташкентом.

Изменился принцип выбора хана. Казахи перешли к наследованию ханского звания, и подобная прак-

тика существовала вплоть до начала XVIII века. Вместо улусной системы в начале XVII века была введена жузовая, когда все казахские земли были разделены между тремя хозяйственно-территориальными объединениями - жузами. Во главе жузов стояли бии, руководители наиболее сильных и многочисленных групп общин. По существу вся власть находилась в их руках. И все это состоялось благодаря усилиям одного человека - хана Есима.

Главной целью Есим-хана было построение единого государства с централизованной формой правления. А основой основ - главенство закона и законопослушание. Впоследствии его «конституция» станет краеугольным камнем для «Семи уложений» хана Тауке. Таким образом, Есим-хан внес бесценный вклад в дальнейшее развитие государственности казахов, в правовую систему общества, в единение всех политических сил.

ИСТОРИЯ НЕ ЗНАЕТ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ, ИЛИ ОТ КАКОГО НАСЛЕДИЯ МЫ ХОТИМ ОТКАЗАТЬСЯ

Пристальное вглядывание в эти лица, озаренные светом минувших эпох, в эти фигуры на авансцене истории, в эти характеры, способные на головокружительные взлеты духа, но вместе с тем подверженные слабостям и страстям; есть попытка понять, что двигало их поступками в роковые для страны и народа часы. Невольный восторг, испытываемый при соприкосновении с далеким прошлым Степи, не заглушает тревоги, рождающейся в душе, которая непредумышленно ведет к горестным умозаключениям.

Приходит умный хан в казахскую Степь, умиряет межродовые распри, добивается единения нации, чтобы дать отпор недругам, принимает новые долго-

жданые законы, и народы окрест смотрят с опаской и уважением на обретающее мощь Казахское ханство.

Но стоит этому правителю уйти в мир иной, как распри разгораются с новой силой, каждый султан мнит себя ханом, а само ханство порою «скукоживается» до немыслимых еще вчера пределов, и завидующие руки соседних владык стремятся «урвать кусок пожирнее» от казахской земли. И каждому вновь поднятому на белой кошме хану приходится все начинать как бы с нуля.

Нужны десятилетия, нужны упорство, терпение, мужество порою целой череды сменяющих друг друга на ханском троне владык, чтобы усмирить сепаратистские страсти внутри ханства, привести в чувство зарвавшихся султанов, вновь сделать самоочевидной мысль, что спасение от всеобщих бед - в единении, лишь с его помощью можно умерить аппетиты врагов, в кольце которых во все времена была казахская Степь.

Мы воздаем должное заслугам Жангир-хана, пришедшего на смену Есиму. Мы восхищаемся его полководческим даром. Но, давайте вспомним, скольких нервов стоили ему «обиженные» султаны и бии, сколько взлетов и падений было у этого незаурядного правителя, казалось бы, уже признанного всей Степью верховным ханом. Ведь и его, как в свое время Есима, отрешали от власти. О, сколько сил он затратил, к каким ухищрениям приходилось ему прибегать, чтобы снова вернуться во власть.

Он тратил силы и время на эти «подковерные» игры, а между тем наседали джунгары. В 1643 году 50 тысяч джунгар в очередной раз вторглись в казахские пределы. Они завладели частью земель в южных и юго-восточных отрогах Тянь-Шаня.

В анналы истории вошел подвиг Жангира, который с горсткой воинов в 600 человек дал сокруши-

тельный отпор агрессору, вопреки тому, что джунгары были в подавляющем большинстве. Жангир сумел переиграть врага по всем статьям. Во-первых, он направил ко двору джунгарского правителя вестника, чтобы оттянуть время и подготовиться к встрече с джунгарским воинством; во-вторых, сумел навязать им и место боя, и свою тактику его ведения. Место для схватки он выбрал в горной теснине близ реки Ор. Свой отряд разделил надвое. Вырыв окопы, 300 человек в прямом смысле слова окопались. Случай небывалый для степняков, воюющих верхом на лошадах.

Перед входом в ущелье, где укрылась часть дружины, по приказу Жангира выкопали глубокий ров, который обнесли высоким валом. Сам же он с оставшимися в его распоряжении всадниками укрылся за горою. Джунгары, естественно, действовали «нахрапом», но конница развернуться не могла и понесла неисчислимые потери. Ей бы, как говорится, «взад пятки», но тут Жангир ударил с тыла, чего джунгары никак не ожидали. Они потеряли в этой схватке до 10 тысяч человек. В ходе исторической битвы при Орбулаке в полной мере проявился полководческий гений Жангира.

Слава победителю? Так-то оно так, но зададимся простым вопросом: почему хан Жангир в этот опасный для страны час сумел набрать с необъятных степных просторов ополчение всего в 600 человек? А не позор ли это для казахской Степи? Увы, султанов, мягко говоря, мало интересовала судьба ханства. Каждый из них был озабочен спасением собственной шкуры, каждый тешил свои непомерные амбиции.

После смерти Есим-хана понадобилось полвека безвременья, чтобы в казахской Степи вновь появился равновеликий ему человек. То был Тауке-хан, внук Есима. Историки единодушны: время его ханство-

вания - это «золотой век прекращения губительных междоусобиц, век относительного господства законов, развития экономики и процветания торговли».

Говоря о мудрости Тауке-хана, историки сравнивают его с библейским Соломоном и легендарным спартанским законодателем Ликургом. Спокойных границ эпоха ему не даровала: вконец распоясались джунгары, с аштарханидами шла ожесточенная схватка за города Туркестана, являвшиеся пунктами стратегического значения.

Джунгары вытесняли казахов с их кочевий, что вело к борьбе за пастбища среди самих султанов. Возникающие междоусобицы, как пишут известные казахстанские историки С. Кляшторный и Т. Султанов, «создавали предпосылки и условия для нарушения традиционного обычая, права и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни».

И вот в этих условиях «раздрая» и непрекращающейся войны Тауке-хан ухитряется не только вести сложную дипломатию и проводить боевые операции, но и выступать с законодательными инициативами, реформируя весь уклад жизни казахской Степи.

Словно предвидя грядущее разделение ханства на жузы, Тауке-хан упорядочивает деятельность биев и дает им новые властные полномочия. Бийские советы создаются на всех уровнях, что приближает власть к народу. Он, быть может, впервые в истории Казахского ханства сумел упорядочить племенные и родовые отношения.

Собрав на Куль-Тобе биев трех жузов, а среди них Толе би, Казыбек би, Айтеке би, он разработал Свод законов «Жеті Жарғы», в котором содержались нормы уголовного, административного и гражданского права. Ведя затяжную войну с джунгарами и понимая, что в одиночку их не одолеть, Тауке-хан ищет союзников и решает идти на сближение с Россией.

Вот что пишет о нем русский чиновник А.И. Левшин: «При имени Тауке сердце казаха наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, Дракон орд казачьих. Он успокоил их после губительных междоусобий, он остановил их кровопролития, продолжавшиеся несколько лет, от распрей одних племен с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе; он соединил слабые роды».

Оно и впрямь, в эпоху Тауке-хана среди казахов установилось уважение к силе законов. Но именно в эпоху Тауке-хана. Ушел он с ханского престола, и смута возродилась с новой силой.

ГЛАВА II.

КАЗАХСТАН ЭПОХИ МЕЛКИХ ХАНСТВ

НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Помнится, моя школьная учительница литературы Светлана Ивановна Буракова особенно любила в сочинениях учеников «лирические отступления». В них каждый из нас в соответствии с уровнем своего от-роческого интеллекта мог высказаться на заданную тему сверх того, что пропечатано в учебнике. Таким образом она культивировала в нас ростки свободной мысли.

Мы еще не знали, что нашему сознанию предстоит всю жизнь находиться в прокрустовом ложе общепринятых, навязанных идей. Потом нам даже в голову не придет сделать шаг в сторону: будет срабатывать внутренний цензор гражданина, пребывающего в рабском подчинении общепринятому...

Как и все мы, казахи, я преклоняюсь перед величием Чингисхана, его государственным умом, предвосхитившим время. Перед его несгибаемой волей, его умением подчинить своей власти все и вся. А кто против - тому переломить хребет. Это не метафора, это прямое, конкретное предписание.

Убей соперника, даже если это родной брат или сын, убей несогласного. Иначе он убьет тебя. Так или нет? По Чингисхану, третьего не дано. В ту эпоху еще не было изобретено новомодное словечко «консенсус». Или за ним стоит явление, которое свидетельствует о нашей слабости?

Для меня, человека XXI века, пораженного «вирусом» гуманизма, человека, прошедшего горнило тоталитаризма, когда всех, кто не согласен идти добровольно в «наше светлое будущее», надлежало утопить

в крови... Для меня краеугольным камнем является постулат Достоевского о том, что счастье человечества невозможно, если в основании его лежит убийство человека, даже ради самых высоких целей. Это есть великое преступление и злодейство. А стремление к власти и злодейство, перефразируя классика, - вещи несовместные.

Но «потрясатель Вселенной» их совместил. И как главный завет передал своим сыновьям, посеяв зубы дракона в пространстве грядущих времен. Ведь все эти распри меж моголами, шейбанидами, тимуридами - да что там! - междоусобицы внутри Казахского ханства есть не что иное, как братоубийственные войны. И с этой данностью истории нам надо жить и строить будущее...

В какой-то момент я спохватывался: и чего уж так сокрушаться по каждому событию, что происходит на авансцене казахской Степи? Все же степняки - народ темпераментный. А что творил Ричард III в Англии? И на Руси шла такая же братоубийственная междоусобица. Быть может, изначально в чем-то непростительно согрешили дети Адама и Евы, брат поднял руку на брата, и человечество обречено на эту кровавую, дурную бесконечность до самых последних дней?..

О, Аллах! Чтобы не впасть в грех уныния, чтобы не бросать тень на великие авторитеты прошлого, я вновь и вновь пытался локализовать свою задачу. Ведь, в конце концов, я не историк, до меня биографии казахских ханов исследователями вспаханы и перепаханы вдоль и поперек.

Я вникаю во все реалии прошлого с одной лишь целью - мне важно зафиксировать простые факты: кто из ханов, где, когда и в чем, вопреки своим земным интересам, приподнимаясь над ними, заботился о благе народа, об укреплении государственности, о сохранении и приращении земель казахских...

Вы только посмотрите, как щепетилен преемник великого Тауке-хана Каип, с которым в то смутное время (1717 год) уже мало кто считался, когда казахов по-прежнему терзали ненасытные полчища джунгар. В одиночку с ними не справиться, это понимал еще Тауке-хан и уже обращал свои взоры в сторону России, набиравшей мощь при Петре I.

Казанский губернатор Салтыков присылает письмо хану Каипу с предложением подтвердить желание казахского хана быть «в верности» России. И, несмотря на крайне тяжелое положение казахов, хан оставляет это письмо без ответа.

Быть «в верности России»? То есть, идти в услужение Петру? Хан Каип категорически не согласен. Его устраивают лишь равноправные, партнерские отношения с Россией.

Десять лет спустя, в 1726-м, совсем уже, казалось бы, безликий хан Болат, утративший бразды правления в Степи, становится, тем не менее, одним из инициаторов собрания представителей всех трех жузов в местности Орда-Басы с целью принять историческое решение о создании народного ополчения, которое, не без благословения все того же Болата и биев, возглавит хан Младшего жуза Абулхаир.

Грядут две судьбоносные битвы - на берегу речки Буланты и в местности Аныракай, положившие начало разгрому джунгарских полчищ. Да, Абулхаир не отличался особой родовитостью. Он сын всего лишь одного из мелких туркестанских султанов, принадлежавших к третьестепенной линии чингизидов. Но был Абулхаир человеком редкого мужества и не менее редкого полководческого дара.

Вот пример совсем другого свойства. В то же самое время на авансцене истории появился Абилямбетхан, сын и преемник политически безликого Болата, такой же безликий и никчемный, но с непомерными

амбициями. Историк В. Моисеев дает ему очень точную характеристику: «...безвольный и нерешительный... ни один вопрос принципиального характера не решавший без консультации и совета с Абылаем».

А вот, поди ж ты, ему невтерпех было оспорить титул старшего хана у «худородного» Абулхаира. И ведь оспорил! Правда, с помощью прихлебателей и клеветников. Причем, тотчас же после Аныракайской битвы, героем которой стал Абулхаир. В результате подковерной возни Абилямбет утвердили старшим ханом, нанеся кровную обиду Абулхаиру и не дав ему завершить ликвидацию джунгарской угрозы.

Понадобились еще десятилетия, чтобы завершить разгром ойратов. Абилямбет благополучно похоронил плоды Аныракайской битвы, зато тщеславие его было удовлетворено. По некоторым источникам, джунгары «переутвердили» его ханом, и в благодарность за это он проводил в Степи их политику, и весьма долго отговаривал Аблая не делать резких выпадов против джунгар.

Очень невеселая информация к размышлению. Как говорил великий Данте о таких двуногих, «они не стоят слов, взглянул и - мимо»...А вот Абулхаир заслуживает самого пристального внимания.

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Вирус диалектики в наших душах неистребим. И чем пристальнее вглядываемся мы в то или иное явление, тем больше осознаем его неоднозначность. Для казахов джунгары в течение почти двух столетий были непреодолимым злом. Казахи еще не осознали, что, одолев джунгар, они окажутся лицом к лицу с опасностью куда большей. Джунгары были всего лишь первой волной беды, погасив которую, разметав, уничтожив, Казахстан окажется воистину перед девятым валом Цинской империи, готовой поглотить

Степь и не скрывавшей своей экспансии на Запад.

Здесь первым на ее пути было Казахское ханство. И хотя, как мы уже убедились, история не имеет со-слагательного наклона, допустим на мгновение, что тогда, в XVIII веке, после Аныракайской битвы, не нашлось бы противовеса Китаю. Да он тут же поглотил бы Казахское ханство, раздробленное на мелкие ханства, ослабленное джунгарами и междоусобицей. И где бы мы с вами сейчас были? В составе Синьцзян-Уйгурской провинции Китая! Мы безуспешно боролись бы за свою автономию...

А с юга наседала вездесущая Англия. Не будь опять же ей противовеса тогда, что сейчас представлял бы Казахстан? В лучшем случае - подобие Афганистана, некий огрызок, «обкусанный» со всех сторон. А дальше сами назовите тот противовес, благодаря которому мы не опустились до столь «хорошей» жизни.

Абулхаир не допустил возможности «отпустить» нас ни Китаю, ни Англии. Деяния его в сознании казахов неоднозначны. Да, он герой Булантинской и Аныракайской битв, под его предводительством казахи положили начало разгрому джунгар. Слава герою! Но ведь это он первым принял присягу на верность Российской империи. Позор отступнику от самостийности казахской Степи! Так что ли? Да как он посмел!..

Вообще-то, при всех наших симпатиях и антипатиях, давайте не будем отказывать Абулхаиру в незаурядных способностях как человеку неординарно мыслившему, а тем более - в делах дипломатических. И давайте не будем с высоты нашего сегодняшнего геополитического благополучия осуждать человека, который чувствовал себя ответственным за страну и народ в сложнейшее время, когда из многих зол надо было выбрать наименьшее.

А как раз с высоты нашего сегодняшнего благополучия отдадим должное человеку, благодаря которо-

му мы сегодня имеем то, что имеем. Он, конечно, не мог, подобно Кассандре, предвидеть будущее. Но, судя по всему, ему была присуща, говоря языком А. М. Горького, «анафемская» интуиция. И поступал он соответственно тому непростому моменту, в котором находился.

Гибкость он проявлял необычайную. К примеру, осадив в 1711 году Жаик, казахи небезуспешно грабили русские обозы, которые шли, в том числе, и к джунгарам. Чуть позже Абулхаир принимал участие в этих, с позволения сказать, «акциях» - дело обычное. Но когда казахи только что были разгромлены джунгарами под Аягузом, и сам Абулхаир едва унес ноги, осада Жаика и грабеж обозов могли переполнить чашу терпения России и вызвать военные действия с ее стороны. А что грозит казахам при наличии джунгарского осинового гнезда на востоке, Абулхаир прекрасно осознавал, поэтому искал сильного северного союзника.

Без зазрения совести грабя русские обозы, он, тем не менее, пишет 10 декабря 1718 года письмо «Великому белому царю» Петру I, в котором «... челом бьет и покоряетца... царское Величество уважает... и будет служить без всякого отлагательства».

Двенадцатью годами позже, игнорируя поражение в Аныракайской битве, джунгары затевают перепись населения в казахской Степи и насильно пытаются внедрить здесь буддизм. Абулхаир, будучи ханом Младшего жуза, единственный из казахских ханов находился в то время вне досягаемости джунгар. 10 октября 1731 года он и 29 его султанов и старшин, несмотря на сопротивление антирусского крыла, дают присягу на верность России. То было точкой отсчета постепенного вхождения Казахстана в Российскую империю.

Да, каждая из сторон воспринимала это событие по-разному: Россия хотела видеть в лице казахов вас-

салов, для казахов же то была временная передышка и защита. Замалчивать этот факт едва ли имеет смысл, но и расценивать как предательство национальных интересов в высшей степени некорректно.

В 1741 году джунгары, полные решимости по своему обыкновению расправиться с казахами, вновь дошли до Оренбурга. Но теперь этот орешек был им, что называется «не по зубам»: формально перед ними были уже подданные русского царя, а с ним ссориться джунгары побаивались. Тем не менее, и на это раз они привычно ограбили казахов, захватив в плен Абылай-хана, но это особая история.

Для русских Абулхаир был неудобным ханом. Он вступил в конфронтацию с Оренбургским губернатором Неплюевым и всячески прощупывал оборону русских на прочность, держа в уме возможное провозглашение суверенитета. Неслучайно русский чиновник А. Левшин называет Абулхаира «хитрым, коварным и злобным», а все его действия воспринимает как козни.

У Абулхаира всегда на первом плане были интересы Степи, и уже потому едва ли стоит умалять его заслуги и бросать на него тень. Он до последнего вздоха, до гибели оставался, не побоимся высокого стиля, патриотом своей страны.

Недавно в «Известиях» (17 июня 2011 г.) было опубликовано письмо ветерана Великой Отечественной войны, журналиста и правоведа Игилика Дадабаева «Страна должна чтить своих героев». Перечислив славные деяния Абулхаира на ратном и дипломатическом поприще, автор сообщает ряд любопытных фактов. В частности, памятник над могилой Абулхаира был возведен в 1751 году по приказу внешнеполитического ведомства России. В Оренбурге установлен позолоченный бюст знаменитого хана. Памятник Абулхаиру имеется в Актобе, а в Алматы его имя но-

сит один из международных фондов.

Но эта память несоразмерна с заслугами человека, сыгравшего решающую роль в освобождении казахских земель от джунгарских захватчиков, в объединении народа, в становлении его государственности, - считает автор письма. - Его соратникам - Абылаю, Богенбаю, Кабанбаю, Наурызбаю - установлено куда больше памятников, их именами названы улицы и проспекты. Почему же великого полководца, дипломата и государственного деятеля потомки чтят меньше, чем его помощников?»

В знак признания исторических заслуг хана Абулхаира автор публикации предлагает установить ему монументальные памятники в северной и южной столицах. Его имя, символизирующее дружбу между народами, можно было бы присвоить проспекту Достык в Алматы. И наконец, автор обращался к московской мэрии с предложением установить памятник Абулхаиру в Москве. Ответ на это предложение из отдела охраны художественного наследия московского департамента культуры был более чем красноречивым: «при наличии... источников финансирования проект может быть реализован: в Москве установят памятник Абулхаир-хану».

Прошло более 260 лет со дня гибели хана, а он не забыт потомками, они чтят (правда, весьма скромно) память о нем. Погруженный в горнило страстей своего времени, Абулхаир едва ли думал о посмертной жизни своего имени. И, наверное, его соперники - ханы Абилямбет и Барак представить себе не могли, что в XXI веке кто-то будет настойчиво хлопотать об увековечении памяти ненавистного им Абулхаира в столицах двух суверенных держав - Казахстана и России.

АБЫЛАЙ-ХАН: ЖАЖДА МИФА. УДАЧНЫЙ PR-ПРОЕКТ ТОЛЕ БИ

Абылай-хан едва ли нуждается в адвокатуре. Когда стоишь на привокзальной площади Алматы-II, одной из красивейших в южной столице, и смотришь на конную статую Абылай-хана, вопреки столь привычному скепсису и наперекор одолевающей тебя суете, испытываешь невольную гордость за то, что ты казах, что ты частичка народа, в котором рождались великие люди.

От подножия конной статуи в сторону гор берет разбег одна из главных магистралей мегаполиса (об этом, в частности, свидетельствует история трансформации ее названий) - проспект Абылай-хана. В 40-50-е годы прошлого столетия это был проспект Сталина - в то время вождя всех времен и народов. С развенчанием культа личности магистраль обрела название, основополагающее для советской империи, - проспект Коммунистический. И то, что ныне этот проспект носит имя Абылай-хана, тоже неслучайно и, согласитесь, говорит о многом.

Тем неожиданнее было для меня обнародованное в Интернете мнение об Абылай-хане одного из молодых соотечественников, профессионального историка, человека радикальных взглядов и крайне независимого в своих суждениях. Во-первых, мне (и всем нам) он напомнил, что в 2011 году - трехсотлетие со дня рождения Абылай-хана; во-вторых, поверг в сомнение вопросом: Почему все же именно Абылай стал нашим главным национальным героем?

«...Можно сколько угодно потешаться над соседями, но они все же на место дедушки Ленина «посадили» таких действительно значимых персонажей истории, как Исмаил Самани или Тамерлан. А казахи почему-то избегают лишней популяризации таких

фигур, как Урус-хан, Едыге бий, Барак-хан, Абулхаир-хан (шейбанид), Касым-хан, Хакназар-хан, Тауекел-хан. Хотя это были повелители всей казахской Степи и реально значимые персонажи международной истории. Абылай в сравнении с ними всего лишь... полковой командир какой-нибудь.

Да, он отличался огромной личной храбростью, был невероятно хитер. Обладай я достаточным художественным талантом, обязательно написал бы о нем авантюрно-приключенческий роман. Но разве этого достаточно? Ведь того же д'Артаньяна или Робин Гуда, несмотря на всю их популярность, никто не провозглашает главными героями Франции и Англии соответственно»...

Так вот неожиданно мне довелось оказаться в тисках между Абылай-ханом и д'Артаньяном. Вообще-то, иронизировать можно по любому поводу. Но то, что Абылай-хан фигура харизматичная и сверхпопулярная в народе - факт неопровержимый. Даже в сравнении со всеми вышеназванными воистину великими людьми, за исключением разве что Абулхаир-хана (шейбанид), к нему у меня отношение особое...

Хотелось бы заметить, кстати, что фильм «Кочевник» задел лишь верхушку айсберга, то бишь биографии Абылая, ибо это такая толща детективных импульсов и столько в ней романтических мотивов, что Вальтер Скотту не пришлось бы скучать. Да и Дюма-отец, доберись он в своих путешествиях до казахской Степи, одарил бы своих читателей «развесистой клюквой», для которой нашел бы здесь благоприятную почву. Не исключено, что Абылай-хан в интерпретации великого французского романиста потеснил бы самого д'Артаньяна.

Но постараемся ступить твердою ногой на землю и понять, почему Абылай-хан стал всенародным героем и что именно он сделал для своей страны. Вчитаемся

в хронику бед казахской Степи начала XVIII века. Те годы не зря названы «Ақтабан шұбырынды» («Годы великого бедствия»).

Весной 1723 года джунгары в очередной раз с такой силой наступали на казахов, что противостоять им наши предки не могли. Средний жуз откочевал к рекам Ор и Уй, берега которых были заняты башкирами, здесь тотчас начались извечные «разборки». Младший жуз, теснимый джунгарами, сдвинулся к Эмбе и Жаику, где кочевали калмыки. Там тоже была еще та встреча... можно сказать по высшему разряду «разборок»! Старший жуз подался в Среднюю Азию, в сторону Памира. При этом казахи, по свидетельству летописца, бежали «оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашний скарб и исхудалый скот». Не правда ли, прямо-таки готовый пролог для сценария к кинофильму про Абылай-хана?

О чем тоскует народ в такие вот години бедствий? Правильно, об избавителе. О батыре, который одним своим появлением повергнет в бегство врага. Народу нужен был миф, нужен был герой, обладающий харизмой, способный вселить в сердца надежду. И такой герой явился.

Реалии жизни Абылай-хана (а если быть точным, - Абулмансура) уже с самого его детства были такими, будто просились в легенду. Словно их придумали режиссеры-сценаристы из будущего (Е.Турсунов и А. Сатаев) для захватывающего фильма, по сценарию которого и будет проходить жизнь Абулмансура.

Сирота. Изгнанник из родных краев, таящий свое высокое происхождение. Он пас верблюдов у одного из добрых баев по имени Даулет. Существует версия, что это был сам Толе би. Мальчик выглядел оборванцем, его халат - заплатка на заплате, отсюда и прозвище «Сабалак» («Лохматый»). Но одна из жен бая (о, у женщин глаз сметливый!) заметила ряд странностей

в поведении этого безродного, которые свидетельствовали, что в его жилах течет голубая кровь. Он мало ел, не просил еду и никогда не пользовался грязной посудой.

Потом и сам он открылся хозяину верблюдов, поведав захватывающий дух сюжет. Что он торе, сын султана, что он круглый сирота - его отец и все близкие погибли от рук ойратов; что добрые верные люди вывезли его из родных мест в дальние края, на чужбину, чтобы рука злодеев не могла до него дотянуться.

Естественно, отрок предчувствовал, что рожден для великих дел и славных свершений. А когда пробил роковой для Отечества час, и в Степи был брошен клич собирать народное ополчение, юноша попросил Толе би (мы все больше склоняемся к тому, что это был именно он) отпустить его на поле брани.

«Не лучше ли пасти скот?» - спросил его Толе би. И гордый юноша ответил вопросом на вопрос: «Пасти скот, когда земля прогибается под тяжестью вражеских полчищ?» Это был неопровержимый довод.

А дальше - вот оно чудо, которого так ждал народ. Перед нами та самая местность Аныракай, что будет вписана в анналы истории после кровавой сечи, которая сейчас здесь произойдет. В какой-то момент замерли супротив друг друга воинство джунгар и казахское ополчение. На нейтральной полосе гарцует непобедимый батыр джунгар Шарыш.

Солнце золотит острия пик и шлемы ратников, да едва приметная пыль многострадальной земли казахской поднимается из-под копыт коня джунгарского батыра. Кто из казахов, как того требует обычай Степи, решится выйти на единоборство с громилой Шарышем?

Воинственные выкрики джунгар и одобрительный гул их голосов, подбадривающих Шарыша. Ополчение казахов словно оцепенело. Лишь фыркали лошади, да

тенькала встревоженно малая степная птица, что на беду свою свила гнездо в самом центре «полосы отчуждения», которая через минуту-другую должна превратиться в сущий ад.

И тут из рядов ополченцев выдвинулся всадник. Был он строен, как тело стрелы, и гибок, как тетива лука, однако при всех доспехах. «Кто это, кто?» - слышался шелест удивленных голосов. И в тишине, потому как даже джунгары в изумлении примолкли, впервые прозвучало: «Сабалак»...

Они были несопоставимы: Шарыш, словно мрачная и неприступная скала, и юный Сабалак, легкий и вольный, как ветер. Финал поединка, казалось, был предрешен. Что может сделать веточка лозы великану, под тяжестью которого прогибается даже бывалый скакун?..

Но всадники уже разъехались по разные стороны ратного поля и, развернувшись навстречу друг другу, пришпорили коней. Сколько длилось их сближение? Полминуты, сорок секунд? Это были мгновения, когда история затаила дыхание. Потому что в те мгновения решались судьбы двух народов: кому из них быть, идти в будущее, а кому не быть и погрузиться в воды забвения. О, Аллах! Сейчас Шарыш подденет это юное гибкое тело на пику и взметнет его к небесам...

Кони неумолимо несли их навстречу друг другу. В завораживающей магии стремительного движения, казалось, они в какой-то миг слегка соприкоснулись копьями и стремглав разъехались. Расстояние между ними все более ширилось. Шарыш отчего-то прихватил с собой пику Сабалака, а через секунду-другую стал почему-то оседать набок. Его конь вздрогнул, ощутив непоправимое, и ринулся дальше с удвоенной силой.

Потом и без всадника, который выронил свою пику и рухнул навзничь на землю, конь продолжал свой

вольный, безумный полет. Пика Сабалака, пронзив соперника, слегка наклонилась и покачивалась - в ней, медленно угасала инерция движения, которому она была сопричастна несколько секунд назад ... Впрочем, по другой версии, во время поединка Абулмансур отрубил Шарышу голову.

А дальше была та самая Аныракайская битва, которая явилась прологом окончательного разгрома джунгар. Однако последуем за мифом. Когда битва пошла на спад (мощный кулак джунгарского войска был рассечен на части), и остатки джунгарской конницы повернули вспять, а отряды конников-казахов кинулись их преследовать, хан Абильмамбет, царивший над битвой на возвышенности, велел позвать к себе безвестного Сабалака.

Застоявшийся под ханом конь приплясывал от нервного возбуждения, и, казалось, готов был немедленно ринуться вслед за отступавшими джунгарами. Он все время порывался вступить в бой, не то, что его сановитый всадник, который предпочитал быть чуть в стороне от схватки и над ней. На всякий случай. Чтобы быть готовым, если казахи дрогнут, и вовремя ретироваться с места событий.

Хан был осторожен и расчетлив, в отличие от некоторых, например, Абулхаира, находившегося, конечно, в гуще битвы, и наверняка, именно во главе тех, кто преследовал бегущих с поля сражения джунгар.

Героя битвы, благодаря которому был повержен Шарыш, подвели к Абильмамбету. Юноша почтительно стал в отдалении. Хан позволил себе спешиться, сделал шаг-другой в направлении Сабалака, внимательно его разглядывая. Тот еще не отошел от запала схватки, лицо его, отрочески нежное, с едва наметившимися усиками, покраснелось. В какой-то миг хана взяло сомнение: того ли к нему привели? А доспехи

на этом Сабалаке добротные. Хану уже доложили, что сам Толе би снаряжал юношу на битву.

- Как тебя зовут?

- Абулмансур, внук хана Абылая.

Так вот почему он выкрикивал в разгар поединка «Абылай»! В ту запредельную минуту жизни он призывал в соратники себе дух своего деда. Так пусть же отныне он под этим именем воюет, пусть объявят народу, что имя этого батыра - Абылай. И Абилямбет не без восхищения и зависти подумал: «До чего же удачлив Толе би. Где и как он раздобыл это чудо природы? Если юноша и впрямь торе, если он чингизид, если он и дальше будет не промах - это неплохое начало на пути к ханскому трону». А если бы Абилямбету была доступна современная лексика, он непременно отметил про себя, что это «очень удачный пиар-проект Толе би».

Важным результатом этого поединка, а также непосредственного участия Абулмансура в Аныракайской битве стало то, что был увенчан званием «батыр». Далеко не каждому хану выпадала такая честь.

Но то явилось лишь началом легенды. Чтобы облик Абылая был изваян для Вечности, чтобы ярче оттенить его харизму, ему нужен был ореол мученика. И он обрел его, попав, спустя десятилетие, в плен к джунгарам. Два года пробыл Абылай в плену. За это время он освоил ойратский язык, в совершенстве изучил военное, экономическое и политическое мироустройство джунгар.

Вызволял Абылая из плена сам Абулхаир, призвавший на помощь всю свою дипломатическую сноровку. Существует историческая версия о том, что в освобождении Абылая из плена были задействованы видные царские сановники - Неплюев и Миллер. Значит, Россия уже тогда видела в нем крупную политическую фигуру.

Надо полагать, что Абылай был очень общительным человеком, поскольку, находясь в плену, близко познакомился с хунтайши Галдан-Цереном, завел дружбу с претендентом на джунгарский престол Амурсаной Даваца. Много позже, когда Галдан-Церен уйдет в мир иной, и начнется борьба за джунгарский престол, все это даст возможность Абылаю провести ряд блистательных дипломатических ходов, которые вплотную приблизят развал джунгарского монолита.

Решающий удар по джунгарам сделал Китай, которому они мешали вести экспансию на Запад. Абылай, удивительным образом балансируя между титанами - Россией и Китаем - лишь умело добил джунгар. Совершив вояж в Пекин, он вступил в подданство китайского императора как «вассальный князь», но фактически сохранил полную самостоятельность, хотя и выплачивал оговоренную дань. А в 1765 году заключил договор с Россией. Но когда царское правительство решило даровать ему титул «Великого хана», он не поехал на торжественную церемонию: «клясться в верности русским не обязан».

А Китай... Что ж, Китай вроде бы и не посягал на его ханское достоинство. И тем не менее, после кончины императрицы Елизаветы, Абылай и его старшины в 1762 году принесли присягу на верность новому императору - Петру II. Одновременно Абылай готовил очередное посольство в Китай. Виртуозно лавируя между Сциллой и Харибдой (каковыми для него являлись Китай и Россия), он, сохраняя свои амбиции, не позволял ущемлять интересы казахских ханств.

Прав был А. Левшин (*«Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей»*. Алматы, 1996), по мнению которого Абылай находил свое двусмысленное положение наивыгоднейшим, «оно, во-первых, доставляло ему более независимости и уважения от обоих государств; во-вторых, он боялся явно

отказаться от России, потому что значительная часть киргиз-казаков, ему повиновавшаяся, кочевала при границах русских, в местах весьма выгодных...

Превосходя всех современных владельцев киргизских летами, хитростью и опытностью, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими с императрицею российской и китайским богдыханом... он искусно привлекал к себе осторожным поведением, грозил врагам своею силою и признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель совершенно независимый». Нынче это называют многовекторной политикой.

Говоря об Абылай-хане, хотелось бы обратиться к так называемому «джунгарскому вопросу». Вот что пишут в этой связи Д. Ашимбаев и В. Хлюпин: «Был ли Казахстан, с точки зрения стратегических, а не тактических выгод, заинтересован в ликвидации Джунгарского государства вообще? На наш взгляд, скорее нет, чем да. Во-первых, исчезал последний буфер между казахскими кочевьями и могучим Китаем; во-вторых, джунгар можно было использовать как противовес в сдерживании российской экспансии. При всех войнах и кажущемся смертельном антагонизме (столь красочно показанном в художественной литературе и кино, например, в известной кинокартине «Nomad/Кочевник»), нам не известен ни один случай, даже не геноцида, а, скажем, военного преступления - массовой казни пленных. Несмотря на различную религию, казахи и джунгары были носителями одной степной культуры и цивилизации, близкими и взаимно интегрирующимися этносами... Джунгарки-калмычки еще в XIX веке считались среди казахов лучшими женами за красоту и плодovitость - это тоже факт».

Очевидно: Абылай-хан осознавал сложность означенной проблемы и даже предпринимал попытки

найти ее мирное решение. Непрост был Абылай-хан, ох, непрост! И определять ему роль «полевого командира», как это сделал один из наших молодых историков, думается, явный перебор.

АБЫЛАЙ-ХАН. POST SCRIPTUM

Здесь можно было бы и завершить повествование об Абылай-хане, да и тему «джунгары» благополучно закрыть, но не все так благостно, как может показаться на первый взгляд. И, следуя исторической истине, мы вынуждены добавить Post scriptum. Речь о давней трагедии, в которой Абылай-хан как бы и неповинен, но все делалось при его участии. Вроде бы и сам того не желая, он, понеся минимальные потери, и без особых усилий, уничтожил едва ли не весь западно-джунгарский народ, то бишь калмыков, которые после китайской кровавой бойни (1758 г.) осели в Поволжье.

То, что царизм привычно стал накидывать на калмыков колониальную узду, было неизбежностью, которую в незавидном положении уцелевших после этой трагедии западных джунгар следовало, конечно, принимать как данность. Но взыграла гордость степняка Убаши, и в знак протеста он решил вернуть свой народ на историческую родину. А родовые старшины ему подыграли, безоговорочно поддержав этот свободлюбивый порыв.

Дело благое, только вот исторической родины как таковой у джунгар уже не было. Китай окончательно и бесповоротно присоединил джунгарские земли к своей территории. Так что Убаши стремился в пустоту, в гибельную бездну.

Конечно, хан волжских калмыков Убаши повел себя неразумно, когда по его велению на исходе зимы 1771 года (год избрания Абылая ханом) враз, как утверждают исторические хроники, снялись с насиженных

мест 30 909 калмыцких кибиток (около 180 тысяч человек). Переправившись через Урал, большинство из них устремилось по казахской Степи на восток.

Д. Ашимбаев и В. Хлюпин описывают это следующим образом: «Из-за начавшегося ледохода не успели перейти реку и, в результате, остались в живых (и российскими подданными) 11 198 кибиток, от которых и пошел современный калмыцкий народ.

Весна оказалась ранней и дружной. Поднимая столбы пыли (не зря в казахской народной традиции этот исход известен, как «Шаңды жорық» («Пыльный поход»), калмыки почти без потерь дошли до бассейна Тургая и остановились передохнуть. Здесь кончались кочевья Младшего жуза, дальше были земли Среднего, непосредственно подчиненного Абылаю.

Казахский правитель уже знал о великом переселении калмыцкого народа и встретил его во всеоружии. Попытки калмыков через послов объяснить, что их цель не война, а возвращение на родину, не нашли понимания. Повинуясь приказам хана, казахские войска развернули масштабные боевые действия, нападая на калмыков со всех сторон в духе партизанской тактики.

Маневренность калмыцких дружин была скована наличием стад (пропитание) и семей (которые надо было защищать), да и само движение огромным степным караваном представляло противнику массу удобных вариантов для атаки. По пути от Тургая до Балхаша калмыцкая орда таяла, как снег на апрельском солнце: казахи отгоняли скот, убивали оставших, устраивали засады, забирали в плен (рабство) жен и детей. К концу июня только треть калмыков добралась до Балхаша в районе впадения реки Моинты. Здесь остатки орды Убаши были полностью окружены и прижаты к воде армией Абылая.

Калмыки в последний раз отправили послов с да-

рами и просьбой их отпустить, но, не дожидаясь ответа, ночью пошли на прорыв. Атака удалась и, разделившись на две части, калмыки начали огигать озеро с двух сторон - с севера и юга.

Казахи поутру перегруппировали силы и, пользуясь многократным численным превосходством и свежестью коней, бросились в преследование. Из тех, кто пошел южным берегом (Убаши), добрались до китайской границы 10 тысяч, из тех, кто северным (Танжу-тайши) - несколько тысяч. Китайцы не стали добивать оставшихся и «раскассировали» калмыков небольшими родовыми группками по их бывлой родине Джунгарии».

Не может быть однозначным ответ на вопрос: имеет ли смысл поиск виновных в этой трагической истории? Дело в том, что джунгары с момента своего появления на авансцене истории постоянно стремились поработить казахов, захватить их земли. Оказывая упорное сопротивление джунгарам, казахи люто возненавидели их.

Как бы мы ни адвокатировали орде Убаши, джунгары исконно олицетворяли для казахской Степи агрессора, так что ненависть к ним у казахов была на генном уровне. И хотя в этот раз джунгары шли через Степь с мирными целями, поверить им казахи не могли. Да и где была гарантия, что не началась бы заново дурная бесконечность джунгарских набегов, если бы они дошли до отчих земель, но не смогли там обосноваться?

Джунгары слишком долго терзали казахов своей ненасытностью, грабежами, разбоем, чтобы казахи поверили им. Абылай-хан имел право не верить джунгарам и руководствовался он защитой интересов своего народа, своей страны. А хан Убаши вместе с родовыми старшинами совершил фатальную геополитическую ошибку. И потом: доберись он со своей

ордой до Китая, вполне вероятно, что устроили бы им китайцы кровавую бойню...А калмыки, взятые в плен казахами, адаптировались и растворились в казахской Степи.

Что касается хана Абылая. Он дал жизнь тридцати сыновьям, у него было сорок дочерей. Сын Уали наследовал ханский престол, одна из дочерей родила Касыма - отца мятежного Кенесары. Последние 15 лет своей жизни Абылай упорно вел борьбу за возвращение сырдарьинских городов и расширение южных границ Казахстана. Он вернул под свое начало Шымкент, Сайрам, Туркестан и Ташкент. Похоронен Абылай-хан в мавзолее Ахмеда Яссауи.

РЕКА ИСЧЕЗАЕТ В ПЕСКАХ...

Эти страницы, быть может, самые грустные в моей книге. О том, как государственность казахов, уже встав на ноги и заявив о себе миру, должна была исчезнуть с авансцены истории. Но не бесследно кануть в века, а словно уйти в подземное русло и таиться там до поры, зрея и копя свои силы. Чтобы однажды, на исходе второго тысячелетия, вдруг явить себя миру во всей силе и мощи, ибо государственность Казахстана, вопреки его нови и молодости, имеет глубокие корни. Крона Байтерека, незримая миру, столетия росла, ширилась и крепла. И, сбросив чары забвения, предстала в зрелости и мудрости перед современным миром, немало поразив его своим неожиданным и загадочным преобразованием.

Идея государственности не покидала два минувших столетия лучшие казахские умы, она была той доминантой, что вела их по жизни и заставляла строить дерзновенные планы создания суверенного Казахстана. Ни глухие времена колониализма, ни революции и войны, сотрясавшие мир, ни кровавый гнет тоталитаризма, ни эскалация застойной безликости,

пытавшаяся подвести всех, населявших одну шестую часть суши, к общему знаменателю, лишив их индивидуальной самобытности, - ничто не могло загасить тот животворный импульс, ту мечту о суверенности, что превращают население в народ и нацию.

Одним из последних казахских ханов был Уали - сын Абылая. Собственно, в бытность его ханом ползучий колониализм проник во все поры казахской Степи и стал неотступной реальностью, определившей ее жизнь на столетие, а может, и на два столетия, вперед, поскольку большевизм при всем своем свирепом противостоянии царизму оказался верным его наследником. И тот из народов, что был однажды загнан в имперское стойло - либо силком либо в связи теми или иными обстоятельствами, - вырваться из него уже возможности не имел. Хотя Совдепия в своей удивительной конституции формально провозгласила право каждого народа на самоопределение. Большевики были великие мастера на ханжеское словоблудие. Но не о них речь.

Как мы уже сказали, у Абылай-хана было тридцать сыновей. Доподлинно известно, что двух старших из них - Уали и Касыма - он выделял и готовил в качестве преемников на ханский престол, хотя прямо наследником не называл ни того, ни другого. Он рано приобщил их к политической деятельности. Двадцатилетний Уали активно участвовал в военных действиях. А чуть позже во главе Казахского Посольства ездил в Китай. Видно, владыки Поднебесной произвели на него неизгладимое впечатление, поскольку прокитайские настроения были характерны для него в последующей жизни.

Есть версия, что незадолго до смерти Абылай-хан предложил родовым старшинам выбрать из двух сыновей, которым он особо благоволил, того, кто «глянется» им больше в качестве его преемника. Сыновья

хана во всех отношениях резко отличались один от другого. Касым - джигит волевой, предприимчивый, с крутым характером. Уали - и покладист, и изворотлив, и склонен к компромиссам.

Кого избрать старшинам? Касыма, который держал бы народ в узде, но и не давал его в обиду, а ханский трон при нем был бы крепок и несокрушим? Или предпочесть ему Уали, действующего по принципу «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», неизменно знающего, откуда ветер дует, всегда готового к соглашательству?

Безусловно, выбор пал на Уали. Почему? Да как бы ни был хорош Касым, родовым старшинам властный хан был не нужен. Уали устраивал много больше также крупных «игроков» - Россию и Китай. Правил Уали 30 лет, правда, одним лишь Средним жузом, да и тут, год от года утрачивал свою значимость. А к концу правления в его подчинении оставалось всего несколько родов. Словом, «хан без ханства».

Но не будем столь категоричными в отношении Уали. Он достаточно точно наследовал политику своего отца касательно отношений с Россией и цинским Китаем, однако во время его правления ситуация усложнилась. Исчезли джунгары, эта многовековая беда казахской Степи. А присутствие джунгарской угрозы, как это ни парадоксально, консолидировало казахские жузы, укрепляло ханскую власть. Теперь же пришло расслабление, сепаратизм расцвел махровым цветом, и, чтобы хоть как-то сдержать его, нужна была внешняя угроза. Явно тяготея к цинам, обмениваясь с ними посольствами и дарами, Уали много раз доводил отношения с Китаем до критической точки, чтобы народ почувствовал теперь уже китайскую угрозу и отвлекся от разброда и междоусобиц. Но это не срабатывало должным образом.

Лавируя между Китаем и Россией, Уали-хан стре-

мился вести политический торг, но Россию крайне раздражали его прокитайские маневры, и вместо усиления своего влияния он добился лишь того, что царская администрация стала заигрывать с некоторыми казахскими султанами, ослабляя ханскую власть. Да и в самом народе не было единой точки зрения, к кому из могучих соседей примкнуть.

Для Уали-хана, как гром среди ясного неба, была откочевка в сторону русской границы части Среднего жуза, а это ни много ни мало 43 350 человек. И не просто откочевали, а приняли присягу на верность России, которая передвинула свою границу вглубь территории Среднего жуза. Так что в дипломатических играх Уали терпел поражение за поражением, лишаясь поддержки извне и изнутри.

Чтобы вконец ослабить его власть, царская администрация разделила Средний жуз надвое и назначила вторым ханом Букей султана. Это была практически декоративная должность. Вообще, вот так запросто разделить жуз царской администрации едва ли удалось без поддержки родовых старшин. Безвластный Букей-хан устраивал их еще больше, чем такой безвольный правитель как Уали. После смерти Букей-хана в 1819 году родовые старшины провозгласили ханом его сына Шынгыза, однако царское правительство его избрания не признало. Букей-хана поглотила река забвения, но его правнук Алихан Букейханов, столетие спустя, стал основателем казахской автономии «Алаш». Впрочем, об этом чуть позже...

А что же Уали-хан? Три десятилетия его бесславно-го правления были по сути временем непрерывного дробления (уже не Казахского ханства, а Среднего жуза) на родоплеменные автономии. В 1803 году хан призывал сородичей откочевать в присырдарьинские земли, но никто не последовал за ним. Два года спустя новая попытка - позвать их в Синьцзян - также

осталась безответной. Царизм внимательно следил за агонией ханской власти в Среднем жузе, и через год после кончины Уали (1822 г.) в этом жузе было упразднено ханское звание. А у Китая так и «не дошли руки» захватить Казахстан в свои владения. Тут российский царизм подчистую обыграл богдыханов Поднебесной.

После смерти Уали-хана все подвластные ему земли были поделены между его сыновьями. И - пикантная подробность: главой клана стала его младшая жена Айганым, талантливая, умная женщина, сумевшая найти общий язык с царской администрацией. И что немаловажно для нас, Айганым - бабушка Шокана Уалиханова. Увы, в новейшие времена в связи со всплеском бескомпромиссного патриотизма, даже, казалось бы, безусловную значимость личности Шокана Уалиханова, нашей гордости, нашего интеллектуального достояния, этого рыцаря без страха и упрека, пытаются подвергнуть переосмыслению.

Но не будем ломать по этому поводу копья. Куда важнее осмыслить феномен другого человека, который взбудоражил казахскую Степь, заставив вспомнить о ее былом величии и погрозил камчой не кому-нибудь, а самодержцу российскому Николаю I. Кто бы мог подумать, что, спустя столетие после гибели этого мятежного казахского хана, оценка его поступков и дел вызовет яростные, непримиримые дискуссии историков XX века.

МЯТЕЖНЫЙ ХАН

Кенесары Касымов - одна из самых сложных фигур в истории Казахстана. В новейшую эпоху мы решительно и без колебаний зачислили его в пантеон наших великих государственныхников. Но и по сей день его судьба, его деяния, его противоречивая натура вызывают споры, не уместаясь в строго выверенных рам-

ках исторических парадигм. Причем вся его жизнь, и социальные подвижки в казахской Степи, вызванные его кипучей натурой, вплоть до смертного часа, несут на себе печать неизбывной трагедии.

Легендами окутано уже само его рождение. Легенда первая, ее приводит в своей книге («*Описание киргизкайсака//Букеевской орде 200 лет*».(В 6 книгах. Книга 1. А.: Олке, 2001) историк И. Казанцев: при появлении на свет младенец «имел на голове и шее необыкновенные волосы, наподобие гривы у льва, поэтому ему и было дано имя Кенесары, то есть «Отважный», в преднамерении, что он со временем будет управлять всеми киргизскими ордами, покорит всю Азию, подобно древнейшим завоевателям Огусу и Чингизу».

Легенда вторая: младенец родился настолько маленьким, что Шокай Балканулы (би трех жузов и известный оратор, советник дворца Жангир-хана), взяв его на руки, дал имя ему «Кенесары», что означает «желтый клещ».

Легенда сопутствует и его смерти. Один из лучших биографов Кенесеры Ермухан Бекмаханов пишет («*Казахстан в 20-40 годы XIX века*». 2-е издание, Алматы, 1992), что после казни враги распоролы ему грудь, а потом «вынули они сердце его и с благоговением отступились от него. Сердце Кенесары было покрыто густыми волосами, а сердце такое бывает лишь у храбрых людей».

А между легендами о рождении и смерти проходила многотрудная жизнь Кенесары: в нескончаемых военных походах, в бешеной скачке, когда он преследовал врага или сам уходил от погони. И важнее всех легенд оказалось то обстоятельство, что был он внуком Абылай-хана, хотел быть на него во всем похожим.

Имя деда стало боевым кличем Кенесары. Да и характером он был в отца, того самого султана Касыма,

независимый нрав которого вызывал опасение у родовых старшин, и они в свое время предпочли провозгласить ханом его более покладистого брата Уали.

Надо сказать, что, устранив ханское звание в казахской Степи, царское правительство действовало, как говорят, «топорно», не вникая в тонкости менталитета кочевников. На должности султанов оно стало назначать «черную кость», людей неродовитых и нечингизидов. Ни один из потомков Абылай-хана не был назначен ага-султаном, и это явилось грубым просчетом царской администрации.

Толковый, деятельный, энергичный Касым, пользовавшийся высоким авторитетом у сородичей, остался не у дел, а его кипучая натура не могла быть в бездействии. К тому же Степь бурлила от возмущения. Царизм бесцеремонно врывается в устоявшийся уклад жизни степняков: у них отбирались земли, а чтобы погасить протесты, в Степь двинулись казачьи отряды, начали возводиться форпосты, строиться оборонительные линии. Царизм играл с огнем. И он его получил по полной программе.

Вначале была традиционная для Степи форма пассивного протеста - откочевка. Султан Касым с сыновьями двинулся всем улусом в сторону Коканда, надеясь здесь найти союзников и сообща выступить против царя. Но обстоятельства сложились в высшей степени трагически: мнимые союзники, опасаясь столь сильного партнера по оружию, одного за другим убили трех сыновей Касыма. И со смертью каждого брата все больше ожесточалось сердце Кенесары.

Утраты надломили душу его отца, стареющего султана Касыма, который теперь с надеждой смотрел на Кенесары. Касым тосковал по родовым улытауским владениям. Там и небо другое, и вкус воды иной, и даже пыль из-под копыт коней казалась ему родной и желанной.

Откочевку в отчие места возглавил уже Кенесары. После дневного перехода Касым-хан забывался в ночи тревожным сном, сквозь дрему вслушиваясь в ночные звуки. Невдалеке, в луговой пойме степной реки, сторожко скрипел коростель, оберегая свои владения от чужих посягательств. «Даже дикая птица стоит на страже своего гнездовья», - подумалось хану. Где-то неподалеку заплакал спросонья ребенок, и было слышно, как мать говорит ему слова утешения, прогоняя ночные страхи.

Касым проваливался в недолгий сон, который был точно явь из детства. Ему виделось, как он, еще совсем мальчишка, стоит посреди весеннего луга, а к нему подъезжает верхом на аргамаче отец и протягивает руки, чтобы посадить его к себе в седло. Это для всех остальных его отец - грозный Абылай-хан, а для него, Касыма, - самый добрый человек.

Ребенок тянется всем своим детским невесомым телом к отцовским рукам, сейчас они подхватят его и вознесут к небу - туда, где конская грива, где Степь видна из края в край. Он уже ощутил прикосновение больших жестких рук и даже почувствовал терпкий запах отца - запах пота, конской сбруи и силы, от которой сладко замирает маленькое сердце. И уже на взлете проснулся.

Светало, меркли звезды. Касым долго-долго смотрел в синеющие дали, пытаясь разглядеть желанные контуры гор Улытау, и душа его наполнялась надеждой и верой в завтрашний день... Но там, куда они стремились всей душою, их никто не ждал. Их кочевья без спроса, но с одобрения властей, уже поделили меж собою новые хозяева.

Султан Касым со всем своим улусом были у себя дома, словно чужие и неуместные люди. Обида от несправедливости и унижения перехватывала горло, теснила дыхание. Касым видел, как побелели ко-

стяжки пальцев у Кенесары - с такою силой он сжал камчу. Пройдет неделя-другая, и ладонь Кенесары с нечеловеческой силой будет сжимать рукоять сабли, а в голосе его появится металл, и на его призыв поднимется вся попрунная Степь. И дух его деда, великого, мужественного Абылай-хана, будет осенять слово и дело Кенесары.

Ну, а если сбавить пафос и взглянуть на ситуацию с обыденной точки зрения, дело было, конечно, и в ущемленных амбициях Кенесары. Он добивался восстановления ликвидированной царским правительством России ханской власти и ханского титула. Но поскольку, как известно, власть не дают, а берут, надо ли удивляться тому, что в 1841 году на сборе казахской родовой знати и султанов Кенесары был провозглашен ханом.

О, этот неповторимый долгожданный миг, когда его подняли на белой кошме, и все свершилось по предписаниям степных законов и заветов предков. О чем он думал в те мгновения, что открывалось ему в сокровенные минуты торжества? Как бы ни были высоки батыры, поднявшие его на белой кошме, но подняли они его на высоту человеческого роста. Однако небо стало много ближе. Он словно почувствовал дыхание Аллаха и со всей ясностью ощутил на своих плечах тяжесть бремени власти. Он понял, что с этой минуты уже не принадлежит себе, что стал частью потока времени, который с неудержимой силою стремится в будущее. И ему, Кенесары, надлежит исполнить то, что предначертано судьбой...

Тихий сентябрь 1841 года стоял над миром, еще по летнему яркое солнце прилежно внимало всему происходящему на курултае в горах Улытау. А тремя годами раньше, весной 1838-го, собрав «степную армию», Кенесары начал свой поход, который был главным, но не единственным его аргументом в споре с цариз-

мом. Чуть позже, когда жизнь загонит его в тупик, возьмет в клещи, и он окажется в кольце врагов, Кенесары проявит себя незаурядным дипломатом: разыграв наивного степного простака, столкнет лбами двух многоопытных царских генералов - Перовского и Горчакова. Он даже от самого Николая I сумеет добиться амнистии! Чтобы взять передышку, собраться с силами и снова выступить в поход.

Первой его боевой операцией была осада Акмолинского укрепления. Трудно удержаться от искушения и не пойти вслед за ярким отечественным романистом Ильясом Есенберлиным. Ах, как он красочно описывает штурм Акмолинской крепости! С ее глубокими рвами по периметру, с непробиваемыми крепостными стенами десятиметровой высоты. С какой отвагой и ловкостью сарбазы Кенесары сокрушили эту неприступную твердыню! Они сумели огненными стрелами поджечь ее и спалили дотла, повергнув врага в гибельное бегство.

Но попридержим фантазию и, встав на твердую почву реальности, скажем, что, как не жаль, не было крепости. Не было глубокого рва и высоких непробиваемых стен. А было типичное полевое укрепление, состоявшее из земляного вала и скошенного рва. Были несколько казарм, где помещался небольшой гарнизон - 80 строевых казаков. Они сумели грамотно построить оборону и отбить все атаки лихого, но менее организованного воинства Кенесары.

Покрутившись для устрашения семь дней вокруг укрепления, нападавшие отказались от своей затеи и устремились дальше, устроив, впрочем, небольшой пожар по соседству, в слободке из пяти деревянных домов, жители которой успели укрыться в казармах. И действительно огненными стрелами подожгли дома. Для острстки. А еще - так, между делом - угнали у старшего султана Хадамейдина двенадцать ты-

сяч лошадей. Что ж, считай, законная добыча.

На мой взгляд, воинство Кенесары свои боевые действия вынуждено было вести по большей части для острастки. Чтобы грозить царю и его генералам, чтобы требовать от них: убрать укрепления, отодвинуть пограничные посты с маршрутов традиционных кочевков. Не отбирать земли! Вернуть казахам их степной уклад.

Два года «степная армия» вела по сути дела партизанскую войну, маневрируя на широком пространстве между многочисленными карательными отрядами. Даже когда удалось соединиться с отрядами повстанцев из Младшего жуза во главе с батыром Жоламаном Тленши-улы, и степняки представляли уже достаточно грозную силу, воинство Кенесары не меняло тактики боев.

Были победы, но все больше случалось поражений. И Кенесары с отцом в поисках союзников вновь, совершая роковую ошибку, откочевали в сторону Коканда. Но кокандцы боялись столь грозной, неуемной силы и в духе азиатского коварства искали способ нейтрализовать, ослабить ее. Видимо, вовсе неслучайно во время переговоров здесь был убит султан Касым.

Кенесары очутился в тисках: с юга - ненавистные кокандцы, которым нет и не может быть веры, а с севера - карательные отряды сибирского генерал-губернатора Горчакова. Вот тогда-то в Кенесары обнаружился дипломатический дар его деда Абылая, умевшего лавировать, что называется, «между Сциллой и Харибдой» и в разногласиях врагов находить свою выгоду. Кенесары должен был вернуться в Улытау - другого выхода не было. И он вернулся, как бы покорствуя судьбе. А дальше?

Не перестаю восхищаться той вязью взаимоотношений (читал об этом и перечитывал в разных источниках), которые выстраивал Кенесары с царски-

ми генералами. Горчаков - ярый сторонник решения проблемы с позиции силы - был непримирим по отношению к Кенесары и не отвечал на его письма. Перовский был склонен к мирным переговорам. Кенесары сумел их поссорить. Перовский ходатайствовал перед царским двором об амнистии Кенесары. И Государь Император ее подписал! Я просто в восторге от ловкости Кенесары.

Получив амнистию, он тотчас собирает в Улытау курултай, на котором представители всех трех жузов избирают его ханом. И это вопреки запретам царской администрации! Но с царской администрацией Кенесары на время разобрался. Теперь, развязав себе руки на севере, он начинает войну с Кокандом. Правда, ничего хорошего из этой затеи не получилось. У кокандцев были ружья и артиллерия. Осада Сузака, Жанакургона, Ак-Мечети была безрезультатной. Но Кенесары как бы специально оттягивал время и выжидал: он собирал силы для нового броска на Север.

А в казахской Степи все это время теплился костерок непримиримости и надежд на лучшее. И едва он занялся чуть сильнее, Кенесары вновь оказался там. Вот тут-то и кончилось у Николая I терпение, и 27 июня 1843 года он отдает приказ: с Кенесары должно быть покончено! В военной операции задействованы два отряда - ударный во главе с войсковым старшиной Лебедевым и вспомогательный, его возглавили султаны-правители Младшего жуза Джантюрин и Айчуваков.

Но царь несколько просчитался, он явно недооценил возможностей Кенесары. Начало спецоперации как бы увязло в неопределенности: казачий отряд полковника Бизянова, жаждущий вступить в бой, никого не нашел в Степи и вернулся восвояси в Орскую крепость. И тут карателей ждал «сюрприз». Кенесары незаметно обошел расположение российских войск

(он отлично знал местность), ночью атаковал отряд султана Джантюрина и наголову разбил его. А дальше была атака укрепленной станицы Екатерининская. Наверное, вновь сработал эффект неожиданности: отряд Кенесары сжег предместье и взял в плен сорок человек. Впрочем, пленными были главным образом мирные жители.

Теперь кончилось терпение у генерал-губернаторов Оренбурга и Омска. И на Кенесары с двух сторон двинулись уже вполне внушительные силы царской военной машины. Прекрасно понимая превосходство противника, он ускользал от серьезных столкновений и, отрываясь от преследования, ограничивался мелкими стычками.

Представляется крайне любопытным стремление царской администрации даже после всего этого договориться с Кенесары мирным путем. Последняя такая попытка имела место в 1845 году. Весной этого года Посольство Долгова-Герна пыталось склонить мятежного хана к прекращению вооруженной борьбы. По настоятельной просьбе Кенесары ему были возвращены его жена Кунымжан и родственники.

Трудно сказать, как могли бы сложиться события после этих переговоров, но Кенесары уклонился от них, ссылаясь на болезнь и вообще на неготовность к приему столь высоких гостей. То было лишь краткое затишье. Каратели удвоили свои усилия. Кенесары неумолимо брали в тиски. И, осознавая, что до бесконечности тактика плетения «заячьих кружев» продолжаться не может, он отходит на юг и наращивает свои силы.

Бой состоялся в окрестностях дельты реки Или. Ах, как хотелось бы здесь привести победную реляцию Кенесары! Но факты упрямая вещь: казачий отряд разбил ядро ханских войск. Сарбазы Кенесары откатились дальше на юг и, неотступно следуя к трагиче-

скому финалу, укрылись в киргизских горах.

То ли дух великого деда оказался в этот раз глух к призывам Кенесары, то ли тяготел над ним злой рок, предначертанный ему судьбой, но то, что он принял дальше, было заведомо обречено на провал в силу непродуманности и полного отсутствия гибкости в понимании ситуации.

Кенесары обратился с воззванием к киргизским манапам Ормону и Джантаю. Он просил их о помощи, призывая забыть былые распри и сообща выступить против... Коканда. И одновременно в ультимативной форме требовал признать его ханом, выплатить зякет (подать в пользу хана) и отпустить всех пленных казахов. Таким образом, в минуту крайней слабости он выступил с позиции силы. И получил вполне адекватный ответ. Киргизы напрочь отвергли его требования, а, столкнувшись с царской администрацией, выступили против Кенесары...

Мне очень хотелось бы следовать официальной отечественной историографии. Однако, как говорится, «*Amica Plato, amica veritas*» («Платон мне друг, но истина дороже»). И если мы хотим получить не иконописный, не парадный портрет Кенесары, то умолчания в его жизнеописании неуместны.

И нам придется следовать не только за нашими бескомпромиссными патриотами, но и заглянуть, к примеру, в киргизские источники. А там черным по белому записано, что, получив от манапов отказ в поддержке, он впал в ярость. «Кенесары совершал разбойные нападения на киргизские айлы, насилывал, грабил, убивал».

Врял ли это вызывало симпатию у киргизов. Он и со своими, несогласными, с теми, кто не хотел его поддерживать в казахской Степи, поступал, с такой же свирепой жестокостью. Подобную тактику, как это ни странно, много позже использовали большевики,

пытаясь насильно загнать инакомыслящих в «светлое будущее».

Поддержка Кенесары в Степи была далеко не безусловной. Народ, пусть даже если это инертная, бездеятельная толпа, хочет мирной жизни, и жертвовать собой, следуя за пассионариями, какими бы возвышенными ни были их цели, - в массе своей не готов.

Но тогда тем более: «Безумству храбрых поем мы песню». Нет-нет, хан не был одинок. По российским источникам, его поддерживали более восьмидесяти султанов, биев и родовых старшин. Численность войск повстанцев временами достигала 15-20 тысяч.

Среди его сподвижников были батыры Агыбай (шубыртпалы-каракесек), Байтабын (табын, погиб в бою), Басыгара (погиб при штурме акмолинского гарнизона), Тулебай (алтай), Кудайменде (баганалынайман), Иман (кипчак), Бухарбай (табын), а также братья Кенесары - батыры Жанайдар и Науырызбай.

Его сестра женщина-батыр Бопай, дерзкая, отчаянно храбрая, со своим отрядом не давала покоя карателям в Аман-Карагайском округе, разгромила ставку окружного приказа, разметала по степи всех царских приспешников из местной знати.

Кенесары - пусть временно, пусть ненадолго! - возродил былую государственность в Степи. При нем действовал Ханский совет. Мятежный хан возродил суд биев. Вернул к жизни налоговую практику. Реформировал «степную армию», введя в нее артиллерию и пехоту. А главное - он впервые дал почувствовать царизму, что казахская Степь - не безлика, покорная масса людей, что казахи преисполнены человеческого достоинства и полны решимости отстаивать его; что это сила, с которой нельзя не считаться.

Отсюда тянется незримая нить к декабрю 1986 года. И даже большевики, не чуждые имперских амбиций, дали Казахстану, одному из первых, и автоно-

мию, и ту территорию, равной которой не имела ни одна республика Совдепии. Произошло это во многом еще и потому, что протестное выступление Кенесары против колониализма эхом разнеслось в десятилетиях и веках. И даже в XX столетии заставило относиться уважительно к народу, способному на столь яростный и масштабный протест против колосса, которым являлась царская Россия.

А жестокость... В конкретном случае (касательно Кенесары) она диктовалась законами войны, которая не затухала в Степи столетиями, и законы эти переходили из века в век со времен Чингисхана.

ГЛАВА III.

В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ИНСТИТУТ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ. ПЕРЕЗАГРУЗКА

Вы можете себе представить, чтобы в Казахстане сегодня была ханская власть? Думаю, самому восторженному и романтичному соотечественнику, безоглядно влюбленному в свои номадические корни, едва ли придет нынче в голову подобная фантастическая мысль. И все-таки я ввел в окошко на дисплее, этот вопрос: «Возможно ли в Казахстане сегодня появление ханской власти?» Тотчас мой виртуальный собеседник дал мне прямой и недвусмысленный ответ: нет, невозможно, так как это противоречит тщательно оберегаемому демократическому имиджу власти.

Меня поразила даже не категоричность вполне ожидаемого ответа, а его аргументация. Имидж - дело, конечно, важное, подумал я, но, кроме имиджа, существует еще и просто здравый смысл. Или он не в чести, когда речь идет о столь высоких и почти харизматических материях?

Да, Кенесары (честь и слава ему!) сложил голову, отстаивая право казахской Степи на ханскую власть, но с тех пор прошло более ста шестидесяти лет, мир изменился кардинальным образом. Да, царизм упразднил институт ханской власти в Казахстане, поскольку ханская власть и колонизаторская политика, проводимая в Степи Россией, были несовместимы, не уживались друг с другом.

Конечно, уничтожение прежних институтов ханского управления поставило самобытную культуру казахов и само их существование перед угрозой исчезновения. И тем не менее... Еще Шокан Уалиханов пришел к выводу о том, что «ханская власть уже стала

помехой в развитии казахского общества».

Правда, ныне Шокан не совсем в чести, его склонны обвинять во многих смертных грехах. Он и образование получил не в медресе, а в кадетском корпусе, к тому же был офицером царской армии, поэтому его пророссийская ориентация не может вызывать доверия, и вообще, он «агент российский разведки». Но с ним далеко неслучайно искали дружбы умнейшие люди того времени - Достоевский, Потанин, Майков, Семенов-Тянь-Шанский. И потом, наверное, тоже неслучайно напротив Академии наук, этого центра нашей интеллектуальной мысли, поставили ему памятник.

Если же мы не сочтем за труд внимательно прочитывать хоть некоторые его сочинения (изданного полного собрания его трудов до сих пор нет), обнаружим в нем и пламенного патриота, радеющего за интересы многострадальной казахской Степи, и государственника, умеющего видеть на многие годы вперед. Так что к его словам стоит прислушаться.

Позволив себе краткий комментарий по поводу высказывания Ш. Уалиханова о том, что «ханская власть уже стала помехой в развитии казахского общества», должен заметить: и после отмены царизмом ханского звания в 1822 году идея ханской власти витала в воздухе еще не менее столетия. Достаточно сказать, что во время восстания 1916 года в ряде районов Казахстана восставшими были избраны «ханы». Так, в Иргизском уезде ханами были: в Аманкульской волости - Ужге Каражанов, в Таупской волости - Аимбет Шобанов, в Кызыл-Джарской - Тайшим Урусов. Айжарык Канаев именовал себя «старшим ханом Иргизского уезда и Кинжегаринской волости».

Кроме того, в Тургайской области были образованы Кипчакское ханство - во главе с Абдулгафаром Джамбусыновым и Аргынское - во главе с Оспаном Чу-

лаковым. Шапраштинец Бекболат Ашекеев был провозглашен ханом в Жаильмысской волости Верненского уезда Семипалатинской области.

Все они не имели в своей родословной чингизидов, так что по законоположениям Степи ханами быть не могли. Но ведь были. Причем, подчеркиваю, в 1916 году, в канун совсем уж немыслимого для ханской власти Октябрьского переворота. Есть подозрение, что в 1916 году ханская власть в Казахстане стала уже атавизмом.

Обратимся к мнению человека, авторитет которого безусловен для всех, у кого может возникнуть желание дискутировать на заявленную нами тему. Алихан Букейханов, лидер «Алаш-Орды», эрудированность которого вне всяких сомнений. Он глубочайшим образом исследовал историю колонизации Казахстана Россией, а также историю возникновения и развития института ханской власти. Целый ряд его крупных научных работ как раз и посвящен отечественной истории, объективным и субъективным причинам того, как некогда могучее Казахское ханство, потеряв единство и могущество, попало в колониальную зависимость.

Он внимательно изучил переписку казахских ханов, султанов, родовых вождей и биев с представителями Российской империи, собрал народные предания о другой кочевой элите степей, в том числе о вооруженном восстании хана Кенесары. В результате Алихан Букейханов приходит к нескольким выводам - о них скажем чуть позже. Главной же причиной потери казахами своего единства и независимости он считал неспособность прежних правителей объединить подвластные им роды и жузы перед лицом даже такого смертельно опасного врага, как джунгары.

«Большинство из прежних правителей, - писал Алихан Букейханов в 1905 году, - тратило время и

силы на интриги, насилия и распри между собой». И далее он, полностью солидаризуясь с мнением Ш. Уалиханова, высказанным за полвека до этого, говорит о том, что восстановление независимости с прежним институтом ханства - бесперспективно и архаично. Самоочевидно, что развитию государственности Казахстана надлежало быть на каких-то иных путях современной цивилизации. Попробуем понять, на каких?..

МОЩНЫЙ ИСТОЧНИК ИНТЕЛЛЕКТА. «АЛАШ-ОРДА»

Это плеяда самых умных, самых образованных носителей духа казахской нации. В них воплотилось все лучшее, что может явить народ в своем многовековом развитии. Это грандиозный всплеск ренессанса в казахской Степи, это носители пассионарности в ее наиболее полной сути. Когда впервые приникаешь к этому мощному источнику интеллекта, поражаешься, сколь разнообразно талантливы были эти люди... Но «Алаш-Орда» - и наша открытая рана, и наша неизбывная историческая боль.

На слуху всего лишь несколько имен, и при знакомстве с другими, менее известными членами «Алаш-Орды», вначале поражаешься многоликости удивительного содружества людей, для которых судьба Казахстана, его суверенность, его государственное устройство были средоточием жизненных интересов. Потом, внимательно приглядевшись к ним, изучив неповторимость каждого лица, обнаруживаешь, что их не так уж много. Десять-двадцать человек, не более того, на все огромное пространство Степи. Но, будучи ревностными носителями казахского менталитета и духа номадов, они являлись весомой частью ее интеллекта.

Они родились в разные годы, кто-то был старше, кто-то чуть младше, но порог ухода из жизни у всех один - 1937-1938 годы. И ужасающе знаменательность этого трагического штриха в их биографиях. Ненасытный тоталитарный молох, можно сказать, в одночасье уничтожил почти весь цвет эпохи, цвет нации. Причем, как известно, не только казахской, хотя в данном случае нас интересуют именно наши невинно убиенные сородичи.

Поражает разность духовно-интеллектуальных потенциалов жертв (все они окончили либо университеты, либо, как сейчас принято говорить, «престижные вузы, известные своими славными традициями») и палачей, в частности, главного палача - выученика духовной семинарии. Мать мечтала, чтобы он стал служителем культа, священником. А он стал профессиональным террористом. И насчет культа позаботился, вошел в историю. Правда, это был своеобразный и зловещий культ его очень сомнительной личности.

Говорят, хозяин Кремля не любил в своем окружении людей выше себя ростом. И умников тоже не очень жаловал. Хотя значительную часть их еще незабвенный Ильич погрузил на знаменитый «философский пароход» и отправил куда подальше, чтобы глаза не мозолили и воду не мутили.

Но Российская империя была необъятна, всех умных на тот пароход собрать не удалось, тем более инородцев с ее дальних окраин. Оставлять же их без догляда твердокаменные большевики не могли. Одной из главных задач доблестного ведомства Феликса Эдмундовича Дзержинского, возглавлявшего ВЧК, было не упускать из виду всех, кто мог бы «сметь свое суждение иметь». И хотя деятели «Алаш-Орды» еще в 1919 году пошли на самое тесное сотрудничество с Советской властью, они всегда были у нее под подозрением и негласным надзором, даже, порой находясь

на очень крупных постах в советских и партийных органах, а они их занимали непременно. Ну не могли люди столь мощного интеллектуального масштаба быть в тени и не у дел!

Особенно повезло в смысле опеки органов основателю и лидеру движения «Алаш» Алихану Букейханову. Его еще в 1922 году буквально изъяли из Казахстана и в течение пятнадцати лет держали в Москве, используя на различных должностях (правда, второстепенных) под наблюдением кремлевских властей. А поскольку изжить синдром подозрительности для Кремля было делом невозможным, участь этого светлого человека была предрешена.

Собственно, именно он олицетворял собою движение «Алаш». Я недавно увидел у одного из своих приятелей в домашней библиотеке пятитомник Алихана Букейханова, выпущенный уже в новейшие времена, в 2009-2010 годах. С жадностью листал добротню изданные фолианты и поражался эрудиции Букейханова, широте его интересов, его дару литератора и публициста, его завидной плодовитости, наконец. А потом вновь и вновь вчитывался в его биографию, невольно подчиняясь магнетизму этой личности, поражаясь, как может быть щедрой природа, даруя человеку и пронизательный ум, и способности аналитика, и равнодушное сердце, и неумный, деятельный характер.

Он и был рожден для великих свершений, имея свои корни в потомках Чингисхана до 23 колена. Сыну султана Каркаралинского уезда сам Аллах велел быть образованным человеком. В девять лет его отдают учиться мулле. Но смекалистый мальчик быстро понял, что мulla - наставник невысокого полета, сам нуждается в ликбезе. И сумел без помощи взрослых перейти в городскую начальную школу. Собственно, с этого и начинается его непрерывное восхождение по

крутой лестнице знаний. Вначале это было ремесленное училище в Каркаралинске, которое он закончил «на отлично». Он был жаден до знаний, готов был ко всему приложить свои умелые руки.

Есть уникальный документ, сохранившийся в омских архивах - свидетельство об окончании ремесленного училища, выданное Каркаралинским уездным начальником выпускнику вместе с аттестатом. Правда, здесь он назван по фамилии отца Нурмухамедовым. Вот цитата из этого документа: «Сын султана Каркаралинского уезда Токраунской волости Алихан Нурмухамедов... воспитывался в Каркаралинской киргизской мужской школе с 16 сентября 1879 года по 16 июня 1886 года... Во время пребывания в киргизской школе, он... с успехом обучался сапожному мастерству и может заниматься этим ремеслом самостоятельно».

Умение шить сапоги - это прекрасно, однако его успехи в школе были столь значительны, что сам генерал Колпаковский настаивает на продолжении учебы. И 16-летний Алихан был безотлагательно принят в Омское техническое училище. Здесь в течение всех четырех лет учебы он был лучшим учеником. Об училище этом стоит сказать особо. Оно было создано в 1882 г. по указу Государя Императора, чтобы готовить низшие технические кадры для строящейся Сибирской железной дороги.

Кадры-то низшие, но учили здесь основательно, как в университете. Кроме теоретической механики и кинематики, изучали историю и русскую словесность, практику проходили на заводах и в железнодорожных мастерских, а в свободное время обучались игре на рояле и скрипке, устраивали литературные утренники и танцы. То есть, будущий лидер нации (а Букейханову предстоит им стать) еще в преддверии учебы в Петербурге получает разностороннее и полноценное развитие.

Насчет успехов Алихана в музицировании и танцах свидетельств нет, зато доподлинно известно, что к своим 19 годам он опубликовал в прессе более 18 основательных статей на казахском и русском языках, причем, на самые животрепещущие темы современной жизни казахской Степи. У него был редкий дар публициста. И уже первые его шаги на этой стезе обнаруживают в нем человека неравнодушного к судьбе своего народа, к тому положению, в котором казахская Степь находилась в силу колонизаторской политики России.

Он понимал: народу, прозябавшему в плену необразованности и невежества, необходимы знания и культура, а потому ближайшая цель - поднять образованность и культуру народа, улучшить его жизнь. Но то было лишь начало начал.

Учился он столь успешно, что дирекция Омского училища не только предоставляет ему возможность для дальнейшей учебы в Санкт-Петербурге, но и ходатайствует перед Каркаралинским уездным начальством о выделении стипендии. И в Петербург он приехал с рекомендательным письмом канцелярии Степного генерал-губернатора.

В те годы особенно популярными были профессии военного или юриста, но Алихан Букейханов поступает на экономический факультет лесного института, имея на это свои серьезные резоны. Правда, чуть позже он экстерном заканчивает и юридический институт, в результате становится специалистом и экспертом по народному хозяйству Степного края, а также экономистом, историком, этнографом, литературоведом.

Он пишет фундаментальные исследования по земледелию и животноводству казахов, по истории казахского народа; участвует в работе нескольких экспедиций по Казахстану; вводит в научный оборот понятие

«Сары-Арка»; участвует в написании 18-го тома географического описания России и, в частности, пишет раздел о Киргизском крае - его территории, этнографическом составе, быте и культуре. Кстати, он доказывает неправильность употребления слова «киргиз» вместо «казах».

Алихан Букейханов пишет о недопустимости массового переселения русских крестьян в Степь, выступая с резкой критикой переселенческой политики царского правительства. Плюс ко всему появляются сотни его научных статей по этнографии, литературе, фольклору. Ума не приложу, когда он успевал все это делать, находясь постоянно в эпицентре политических баталий, будучи попеременно упрятым то в семипалатинскую тюрьму, то в павлодарскую, а то и вовсе в Петропавловскую крепость или отбывая ссылку в Самарской губернии. Однажды его «упекли» в каталажку лишь за то, что он был слишком популярен среди казахов. Это показалось царской администрации крайне подозрительным и нежелательным.

В списки лиц «сомнительной надежности» он попал еще в институте. Нетрудно догадаться, что был участником многих манифестаций и митингов. Уже тогда он находился в активном поиске своего политического «я». Идея буржуазно-либеральной демократии становится для него некоей точкой отсчета, а революция 1905 года, разумеется, своеобразным трамплином для рывка в будущее.

Он один из авторов Каркаралинской петиции, под которой подписалось около пятнадцати тысяч человек, и которая ставила под сомнение право России управлять Степью. Подобного вольнодумства охранка простить ему не могла, и в январе 1906 года он очутился в павлодарской тюрьме.

«Отсидка» длилась четыре месяца, но меня в этой истории восхищает больше всего то обстоятельство,

что из тюрьмы он вышел не просто как «политзаключенный». Находясь в тюрьме, он стал депутатом первой Государственной Думы - его избрали от казахского населения Семипалатинской области.

Надо сказать, что Алихан Букейханов являл собой образец политика принципиально новой формации, взявшего на вооружение необычные для Степи методы парламентаризма, которые давали возможность напрямую вести разговор с царским правительством от имени безгласной, как этому правительству казалось, инородческой массы. Между тем представители этой массы образовали в Думе мусульманскую фракцию партии «Народная свобода». Нетрудно догадаться, что лидером ее стал Алихан Букейханов. Первое, что он потребовал от Госдумы - принять законы, согласно которым все казахские земли объявлялись бы собственностью коренного населения.

Да, это был глас вопиющего в пустыне. Да, уже в 1907 году царское правительство разогнало Государственную Думу, и в дальнейшем Букейханову будет закрыт путь в нее. Но опыт думских баталий станет бесценным, и десятилетие спустя он, уже в совершенстве владея всем арсеналом парламентаризма, будет формировать правительство первого в новейшие времена Казахского государства, вошедшего в историю под названием «Алаш-Орда».

Но это произойдет в июле 1917 года, и предстоит одолеть еще целое десятилетие неустанных исканий, кристаллизации идей, консолидации сил и размежевание с людьми, с которыми был в одной связке. Это десятилетие вместит в себя также работу корреспондентом в газете «Фигаро», что давало возможность заявить о себе на общеевропейском уровне и обойти водовороты царской цензуры. Оно уместит в себя и создание собственной газеты с исчерпывающим и безальтернативным названием «Казах».

Газета станет глашатаем идей алашординцев, и блистательное трио, тогда казавшееся монолитным и долговременным - Букейханов, Байтурсынов, Дулатов, выразит вековечные чаяния Степи, ее многострадального народа. Газета будет пользоваться невероятной популярностью, ее будут читать и перечитывать чуть ли не в каждой юрте...

Грянет первая мировая война, и царский указ о призыве казахов на тыловые работы вызовет резкий протест в аулах, а с ним и восстание, которое возглавит знаменитый Амангельды Иманов.

Букейханов не был сторонником столь резкого протеста. Он считал: поскольку Казахстан является частью России, он не может стоять в стороне от военных забот государства, должен вносить в них свою посильную лепту. А вооруженный протест повлечет за собой появление в Степи карательных отрядов, противостоять которым повстанцы не смогут. Прольется кровь, погибнут люди.

Он пытался предотвратить эту катастрофу, разъяснял необходимость подчиниться царскому указу - ведь речь шла не о призыве в регулярную армию, а об участии именно в тыловых работах. Но многими эта сдержанная позиция была воспринята как предательство национальных интересов. А Букейханов от слов сразу переходит к делу: выезжает в штаб Западного фронта, создает «туземный отдел», который должен был заботиться обо всех мобилизованных с Востока на тыловые работы.

Он был убежден, что автономия Казахстана возможна лишь в составе России. Он был категорически против разрушительных революционных сдвигов. Прогресс, по его убеждению, возможен лишь на пути эволюции. Путь долгий, но самый верный.

Национальное самоопределение, а затем и полная независимость возможны лишь после политического

преобразования колониальной империи, трансформации самодержавного государства в демократическую федерацию. Во имя достижения этой цели будущий глава «Алаш-Орды» еще в 1905 году вступил в партию «Народная свобода», т.е. конституционно-демократическую партию, или как ее принято было называть «партию кадетов».

Поняв, что лидеры этой партии считают самоопределение и автономию Казахстана не более чем иллюзией, он решительно порвет с кадетами. Однако то, что он состоял какое-то время в этой партии, уже само по себе, с точки зрения большевиков, было преступлением. Большевики очень не любили эту партию, беспощадно боролись с ней, что потом сыграет в судьбе Алихана Букейханова роковую роль. Но это будет много позже. А тогда...

О, с каким энтузиазмом он приветствовал события февраля 1917 года! Находясь в Минске, он шлет окрыленную радостью телеграмму друзьям в Омск: «Для всех народов России взошло солнце братства, равенства и свободы... Поддержать новое правительство... объединяться... готовиться к выборам в Учредительное собрание». Здесь, на пути обретения буржуазно-демократических свобод, он видел будущее Казахстана. Но, как мы знаем, у него были жесткие оппоненты, перед разрушительными аргументами которых «Алаш-Орда», пронизанная принципами гуманизма, устоять была бессильна...

Однако в тот изначальный момент, когда качнулись весы истории, когда реалии истинного демократизма казались вполне осуществимыми, а пробудившаяся от колониального гнета Степь была готова начать свою жизнь как бы с чистого листа; в тот изначальный момент, когда сама идея суверенного государства номадов буквально витала в воздухе, действительно требуя, чтобы к ней подключились деятельные, дума-

ющие люди, Алихан Букейханов был первым, кто начал осуществлять эту идею на практике. Разумеется, проблему следует решать поэтапно, считал он. Необходимо созвать Учредительное собрание, оно явится гарантом появления Временного правительства, которое и решит проблему предоставления Казахстану автономии.

Он вошел в состав Туркестанского комитета Временного правительства, заняв пост Тургайского областного комиссара. Именно в это время он порывает с кадетами, окончательно осознав, что нужна партия истинных патриотов Казахстана, которая отстаивала бы идеи автономии. И он эту партию создает. В Оренбурге на первом Общекиргизском съезде (июль 1917 г.) первая в истории Казахстана политическая партия «Алаш» была оформлена организационно. Вскоре в газете «Казах» был напечатан проект ее программы. Интеллигенция Степи встретила это событие с энтузиазмом - именно интеллигенция стала ядром партии «Алаш».

Залп «Авроры» произвел на лидеров партии «Алаш» неоднозначное впечатление. Букейханов был убежден, что большевики захватили власть путем переворота, с его точки зрения, разгон Учредительного собрания это лишь подтвердил. Но не все были столь категоричны, многие с восторгом поддержали Советскую власть.

В декабре в Оренбурге состоялся второй Всеказахстанский съезд. Причем, как очень точно подмечено позднее историками, «...съезд был проведен «в качестве ответной реакции на установление Советской власти». Здесь было принято решение создать «временный народный совет» под названием «Алаш-Орда», и, по сути, была объявлена автономия Казахстана.

Председателем правительства «Алаш-Орды» был

избран Алихан Букейханов. На территории автономии все советские законоположения и документы не имели юридической силы. Шла гражданская война, формула которой была предельно четко сформулирована Маяковским: «Тот, кто не с нами, тот против нас». «Алаш-Орда» оказалась меж двух огней, и поначалу была не на стороне Советской власти - большевиков Букейханов приравнивал к черносотенцам. Воинское ополчение «Алаш-Орды» солидаризовалось с белогвардейцами и действовало заодно с Колчаком.

Вообще-то, Алихан Букейханов был прагматиком. Он понимал: «Алаш-Орде» в одиночку не выстоять, и в качестве союзника должен быть тот, на чьей стороне сила. Вначале это был Колчак. Но он был категорически против предоставления какой бы то ни было автономии Казахстану, а значит, и против «Алаш-Орды». К тому же, вскоре стало ясно, что белогвардейская карта бита. На территории Поволжья и Сибири возникало и такое временное образование как «директория», Букейханов примкнул, было, к ней. Но и директория была против автономии и также ушла в небытие.

Тогда Букейханов стал искать пути к сотрудничеству с Советской властью, которая, как выяснилось, в Степи всерьез и надолго. Ко всему прочему надо было как-то противостоять бесчинству казаков, ограждать от него степняков. Здесь Букейханов тоже искал оптимальный выход из положения. И когда мы говорим «восток - дело тонкое», мы имеем в виду не только и не столько восточное коварство, сколько умение просчитывать загодя многоходовые варианты, разыгрывать кажущиеся противоречивыми комбинации, жертвовать чем-то во имя достижения конечной цели.

А такой целью была автономия Казахстана. В решении этой проблемы Букейханов был неотступно

последователен, думая о будущем Степного края в составе теперь уже Советского государства. Собственно, это и стало главным пунктом лидеров «Алаш-Орды» в переговорах с В. И. Лениным. (Вождь мирового пролетариата был фигурой очень неоднозначной, его характеристика выходит за рамки нашего повествования).

Среди казахов, людей старшего поколения, я встречал немало мыслящих довольно критично по отношению к Советской власти. Но при упоминании имени Ленина их критический запал как бы сходил на нет. В конце концов, объясняли они, именно Ильич определил Казахстану те границы, в которых наша республика пребывает по сей день, и которые стали для нас священными. А произошло это в первую очередь благодаря настойчивости алашординцев и, прежде всего, Алихана Букейханова. Он и на сотрудничество с Советами пошел лишь при условии, что Казахстану будет предоставлена автономия.

Другое дело, что наши романтики мечтали об автономии иной формации, они не предполагали, что там появится определение «социалистическая». Понадобилось долгих семь десятилетий, прежде чем определение это выветрится, утратит всякий смысл, вместе с аббревиатурой «СССР» канет в Лету, и Казахстан наконец обретет свою безусловную суверенность.

А Букейханов так и останется на подозрении у Советской власти. Его пребывание в Казахстане Центр считал нежелательным. В 1922 году его арестовали и под конвоем доставили в Москву. Дело было шито белыми нитками, из-под ареста он был освобожден, но в течение последующих пятнадцати лет жил в Москве под неусыпным контролем органов.

Ему шел 72-й год, и пора бы оставить человека в покое. Но в июле 1937-го его вновь доставили на Лубянку для дальнейших физических и нравственных

издевательств. В приговоре записано, что он «враг народа, возглавлял контрреволюционное буржуазное правительство в Казахстане и приговаривается к высшей мере наказания».

Он всегда был предельно честен и строг в своих высказываниях и формулировках. «Советскую власть не любил, но признавал», - скажет он за мгновение до выстрела в подвале Лубянки. Тот выстрел прогремел 27 сентября 1937 года. Он оборвал жизнь Букейханова, но сам Алихан Букейханов шагнул в бессмертие.

ИСЛАМСКАЯ ИДЕЯ. ТУРКЕСТАН

Он умирал в госпитале вермахта «Виктория». Душа его пыталась вырваться из оболочки земной жизни, как из опостылевшей ветхой одежды. Душа, который уже день рвалась к Аллаху, но что-то ее не отпускало из земных пределов. То не были завершены все дела, то были недодуманные мысли и воспоминания, всплывавшие из глубин его памяти.

И он сквозь забытье, поняв, что это еще не агония, что это просто очередной приступ лихорадящего тифозного бреда, покорно возвращался в стерильно чистую одиночную палату, отчего-то с решетками на окнах, сквозь которые сочилось берлинское зимнее небо. Свинцово-серое, оно было как тошнотворная микстура, ее заставляют пить через силу, а ты хочешь просто глотка родниковой воды.

Родник чуть поодаль от аула. Натопанная тропинка огибает косогор, и к тому косогору, к той тропке «притулилась» верба, из-под корней которой бьет родничок, в нем самая вкусная вода в округе. Ее пьют птицы, ее пьют камыши, осока, травы.

Ближе к полудню, когда солнце не знает удержу, и все аульные мальчишки сникают от зноя, Мустафа верхом на стригунке скачет к тому косогору, к той вербе. Он ложится ничком на теплую землю, на тра-

вы, прикивает лицом к прозрачной прохладе воды. Там отражаются подступившие к спасительной влаге стебли мяты и небо, которого здесь, у родника, можно коснуться губами.

Он смотрит, как взвихриваются песчинки на дне родника, они пульсируют, подчиняясь сердцебиению земли; вода тянется к губам и хочет передать им свою земную силу. От холодной воды ломит зубы, но ведь от нее не оторваться, вода слаще арбузов на отцовской бахче. По ту сторону родника жеребенок окунул нежные черные губы в воду и своим лиловым глазом смотрит в студеную глубь этой тихой воды и тоже вбирает в себя земную силу.

Мустафа поднимает «патлатую» голову над водой, смотрит на косогор. Ближе к осени всех мальчишек в ауле обреют наголо, чтобы голова дышала. Там за косогором, за аулом большая-пребольшая земля, с кочевьями на ней. Там текут широкие реки, вздымаются горы, высятся шумные города, в которых пока что он не был. Осенью, это уже решено, он уедет на учебу в Ак-Мечеть, там ждет его неведомая жизнь, от которой его берет оторопь, захватывает дух.

А жеребенок пьет себе воду, как ни в чем не бывало. И не в силах совладать с волнением, Мустафа зачерпывает полные пригоршни воды и обрушивает на жеребенка каскад сверкающих брызг. Стригунок отпрянул в испуге, обиженно фыркнул, попятился. Норовисто встряхнул головой. Теперь он и не подпустит к себе седока.

Мустафа, приговаривая обманно ласковые слова, шел к жеребенку, пытался ухватить его за холку, а тот взбрыкивал и уворачивался, но не убегал, а лишь кругами галопировал рядом с Мустафой. Так они шли к аулу, дурачась, и в полном согласии друг с другом. А над ними безмерным голубым шатром простиралось синее небо, и ликующее солнце тоже готово было

вступить в эту взбалмошную игру мальчика и жеребенка.

Каждый раз потом, когда жизнь подступала к неминуемо гибельному краю, когда, казалось, все там и закончится, стоило ему прикрыть глаза и на мгновение забыться, как выплывал из памяти родник, и фыркал норовистый жеребенок, и приходили запахи мяты, осоки и свежести, и даже слышался вибрирующий звон легчайших радужных крыльев стрекоз. Гибельный край отступал, ум обострялся. Приходили силы жить и преодолевать крутые беды, на которые так щедра была его беспокойная жизнь...

Мустафа Шокай родился в одном из аулов на Сырдарье, близ Ак-Мечети (ныне - Кызылорда). Кроме семьи Шокая, в ауле жили еще человек тридцать родственников. Жили как одна большая семья. Предками Мустафы были степные аристократы из рода Кыпшак-Бошай. Дед был правителем Сырдарьинской области у хивинского хана, отец - судья, человек уважаемый в народе. Мать была чингизидкой, из потомков хана Батыя. Мустафе на всю жизнь запомнились ее взволнованные рассказы, как она семилетней девочкой верхом на коне держала знамя во время боя. Память об этом знамени как об одном из главных достояний предков негасимо жила в его душе и совершала в ней созидательную работу. Он чувствовал себя не песчинкой в потоке истории, а одним из тех, кто на поток этот может воздействовать, преобразуя его.

Мать Шокая знала арабский и персидский языки, писала стихи, читала дастаны. Конечно, она приобщила сына к грамоте, к чтению. В ауле была школа, в ней - учитель-мулла, старый турок в красной феске. И совсем уж бесценное богатство - библиотека старинных рукописей. У мальчика подрагивали руки от волнения, когда он прикасался к манускриптам, и лишь один Всевышний ведал, в какие временные дали уно-

сился мальчик в своих детских мечтаниях и как потом во всю последующую жизнь отзывались они в его сердце

Зимой жили в кирпичном доме, на лето переселялись в юрту. Отец, что редкость для казаха, был земледельцем. Впрочем, на берегах Сырдарьи это вполне естественно. У отца было две жены. Старшей Аллах детей не дал, а вот младшая родила пятерых. Впрочем, воспитывала их старшая жена, и дети почитали ее как родную мать. Об этом можно было бы и не говорить, но в тот самый раз, когда Мустафу снарядили на учебу в Ак-Мечеть, с ним приключилась беда - заболел оспой. Болел тяжело, метался в бреду, пытаясь сорвать с себя коросту. Выходила его старшая апажан. Все три недели держала его на руках. Он потом всю жизнь помнил ее целительные добрые руки.

Вообще-то, отпускать его в город не хотели. Но крепко распоясались русские переселенцы. Могли и дом отнять, и урожаем, что вырастил аул, распорядиться по-своему. А возражать, тем более оказывать сопротивление - не смей, упекут на каторгу. Не было на них законной управы. Вот и решил отец: должен быть в их семье грамотный юрист. А для этого надо окончить русскую школу, потом университет. Чтобы докричаться, если не до царя, то до закона.

В четырех километрах от аула была железная дорога, вдоль нее - телеграфные столбы. Говорили, что они тянутся до Петербурга, к самому царю. Провода и столбы гудели на ветру. Аульные мальчишки (да и не только мальчишки) были уверены, что гудят они от перенапряжения. От того, что голоса многих людей, их телеграммы, жалобы сливаются в один общий гул. Как же их сумеет разобрать-расслышать царь? Мальчишки пытались залезть на столб, чтобы отругать царя. Но слишком гладким был столб и высоким. Тогда мальчишки стучали камчой по столбу, выражая протест и возмущение.

Ему еще предстоит сделать открытие, что и до закона достучишься не всегда. Да-да, порою все равно, что стучать камчой по телеграфному столбу. Не зря у русских говорят: «Закон что дышло, куда повернул, то и вышло»...

В 12 лет он был принят в Ташкентскую гимназию и в 1910 году окончил ее с похвальным листом. Ему должны были дать золотую медаль. «Золотую медаль - инородцу? Да они, невесть, что возомнят о себе!» - возмутился туркестанский генерал-губернатор Самсонов. И распорядился отдать награду выпускнику по фамилии Зепрометов, надо понимать - не инородцу. К чести человека с удивительной фамилией Зепрометов, тот отказался от сомнительной награды. Золотую медаль получил Мустафа.

Генерал, испытав конфуз, пригласил медалиста к себе на работу переводчиком. Но теперь уже Мустафа отказался от этой не столь уж великой чести. Генерал, возможно, и не ведал, что степняки переводчиков не уважали за их шкурничество и головоупяцтво. Переводчики путем не знали ни русского, ни казахского языков, толком не могли составить ни одной бумаги, и по их милости коренное население в судах и банках попадало в сложные ситуации.

Мустафа знал об этом не понаслышке. За время учебы в гимназии у него побывало несметное количество земляков, которым надо было грамотно составить документ. Они одолевали его и потом, уже в Петербурге, где учился на юридическом факультете. Они писали ему письма, прося по наивности, чтобы походатайствовал за них перед царем, как-никак живет с ним в одном городе. Он с болью в сердце читал эти письма, понимая, что его народ темен, забит и нуждается в просвещении.

М. Шокай закончил второй курс университета, когда пришло известие, что умер его отец, а он был бием,

заступником аулчан. Они буквально умоляли Мустафу вернуться в родные края, продолжить дело отца. Как он ни сопротивлялся этому, пришлось прервать учебу, вернуться домой к заветному роднику под косягом да под вербой. Они снились ему в Петербурге и долгими зимними ночами, и в белые летние ночи, короткие, как забытье.

Погрузившись в казуистику судебных дел, а это были по преимуществу земельные тяжбы (у кочевников отбирали зимовки, царизм ущемлял степняков как только мог), Мустафа вновь и вновь убеждался в несправии сородичей. Порой он доводил решение дел до рассмотрения в Сенате. Душа скорбела и ожесточалась, в ней рождались гневные речи (они в свой час будут произнесены) и вызревали глобальные планы, осуществление которых (он верил в это) - не за горами.

Там, в Петербурге, была встреча, ставшая судьбоносной. Он познакомился с Алиханом Букейхановым. Он был много старше Мустафы, рассудительнее и спокойнее. У него был редкий дар: он умел подолгу, не перебивая, слушать. А выслушав, не отвергал, но кратко делал замечания по существу. Алихан по-отечески опекал Мустафу, разъяснял ему перипетии политических баталий, старался предостеречь от возможных ошибок.

Они по-разному видели будущее Казахстана, но оба в равной степени были убеждены, что демократия - тот главный принцип, на котором должны строиться все преобразования в Степи. Здесь, в сырдарьинских краях, Мустафе так не хватало проникновенного молчания Алихана. И порой, увлекшись произнесением (мысленно) очередной пламенной речи, он окорачивал себя и, подобно Алихану, анализировал все «pro» и «contra», чтобы не попасть впросак.

Была еще одна встреча из категории судьбоносных. Так уж сложилось: Александр Керенский десятью го-

дами раньше окончил ту же Ташкентскую гимназию, а потом учился на том же юридическом факультете, что и Мустафа. Они заприметили друг друга поверх событий и лиц и уже старались не терять из виду в безудержном вихре эпохи. Было про меж ними не то чтобы родство душ, но родство судеб и потрясений, которые выпали на долю каждого.

Верша судебные дела, Мустафа невольно размыкал неспешное течение своих степных будней, скучать не приходилось. Но душа рвалась туда, где в тот момент был эпицентр событий, где были соратники по духу и борьбе. Однажды ему приснилась набережная Невы, и это был сон в руку, потому что надо было ехать сдавать экзамены, а значит, снова окунуться с головой в бурлящую политическую жизнь.

Коренные народы Сибири и Средней Азии еще в 1907 году лишились избирательных прав и не имели своего представительства в Государственной Думе, но там была мусульманская фракция, и бывший член Госдумы первого созыва Алихан Букейханов рекомендовал Мустафу в секретари этой фракции в IV Государственной Думе. А чуть позже М. Шокай баллотируется в депутаты от Башкирии, разумеется, чтобы заодно защищать интересы и казахского народа.

Да, он был молод, но молодость - недостаток, который быстро проходит, а опыт остается. Работая в Думе, Шокай познакомится с видными мусульманскими политиками России. Подружившись с Ахмад-Заки Валиди, будущим председателем Башкирской автономии, он стал словно на голову выше.

Мир сотрясала первая мировая война, Россия была подключена всей сутью своей к этой смертоносной лихорадке. Азию эти «страсти-мордасти» как бы и не касались. Тем более что мусульмане были освобождены от воинской повинности в связи с давним лишением избирательных прав. А потому, как гром среди

ясного неба, грянул царский указ «О реквизиции инородцев», о привлечении коренного населения и Степного края в возрасте от 19 до 43 лет к тыловым работам - рытью окопов.

На дворе стоял Рамадан, разгар сельскохозяйственных работ. И всколыхнулась Степь от возмущения, и взвихрился бунт, и неистовый Амангельды, пока не в бронзе, а на «горячем боевом коне» стал еще одной головной болью «белого царя», будто ему всех прочих проблем было мало.

Тут диаметрально разошлись позиции Букейханова и Шокая. Букейханов, как мы помним, остерегал степняков от протестных акций и даже выехал на Западный фронт, чтобы предельно облегчить участь своих земляков. Шокай занимал крайне радикальную позицию. В ответ на горячие протесты в Ташкент выехала комиссия во главе с депутатом Госдумы Керенским и сенатором Кутлу-Мухаммедом Тевкелевым. А секретарем при них и переводчиком был Мустафа Шокай.

О, какие пламенные речи произносил потом в Госдуме Керенский, анализируя причины восстания и зарабатывая благодаря этому сверхпопулярность. От мусульманской фракции Шокай тоже подготовил документы, но обнародовать их не успел. События развивались столь стремительно и необратимо, что и сама война стала как бы частным случаем тех потрясений, в которые была втянута Россия и в которые она втягивала весь прочий мир. Царь распустил Госдуму, а потом и сам отрекся от престола, предоставив своим подданным самим «расхлебывать» кашу, которую они заварили.

Февральская революция всем развязала руки. Началась неразбериха во власти. Как грибы, появлялись Советы рабочих и солдатских депутатов. Параллельно возникло переходное Временное правительство.

Оно упразднило пост генерал-губернатора в Туркестане и Закавказье. Власть была передана комитетам, которые возглавили депутаты Госдумы, местные уроженцы. Мустафа Шокай и сотоварищи устремились в Ташкент. Одновременно сюда прибыли эмиссары Советов, обладавшие форс-мажорными полномочиями.

Шокай, окрыленный февральской революцией и открывающимися перспективами, начинает выпускать газеты «Свободный Туркестан» и «Бірлік туы» - «Знамя единства», где объявляет о самом заветном - о праве на независимость всех тюркоязычных стран. Ташкент становится генератором демократических идей. Шокай преисполнен энергии. Уже в апреле он инициирует проведение Туркестанского съезда, консолидирующего все общественные организации.

Результатом форума было создание Туркестанского Национального Совета с постоянно действующим исполкомом. Председателем исполкома безоговорочно выбран Шокай, что его самого крайне смутило. Ему едва исполнилось 27, он был моложе всех на съезде. Но сам же, трезво оценив обстановку, приходит к выводу, что это вариант оптимальный: из местной интеллигенции выходцев почти не было, а пускать на самотек ситуацию нельзя - момент слишком ответственный.

Процесс демократизации набирал обороты. В июле в Оренбурге проходит I Всекиргизский (или, если угодно, - Всеказахский) съезд. Мустафа делегирован в Оренбург от своей родной Сырдарьинской области, к слову сказать, густонаселенной казахами. Съезд рассматривает две ключевые проблемы - автономия и земельный вопрос. Здесь объявлено о создании партии «Алаш». Ветер свободы бьет в паруса Мустафы. Он избран делегатом Всероссийского Учредительного собрания. Одновременно его делегируют на Всероссийский съезд мусульман. А уже в августе, по ре-

комендации Керенского, Мустафа становится членом Туркестанского комитета Временного правительства.

Рядом с ним, бок о бок, - Алихан Букейханов и Мухамеджан Тынышпаев, его старшие друзья. Соратники, спорщики, одержимые, как и он, поисками истины и свободы. Кстати, Алихан Букейханов благодаря Мустафе выдвинут на должность Туркестанского областного комиссара.

Здесь самое время сказать о том размежевании, которое уже произошло между ними. Умница Алихан Букейханов сформулировал это кратко и точно. Казахская интеллигенция, придерживаясь общих демократических убеждений, делилась на пантюркистов и западников, считал он. Себя Букейханов относил, естественно, к западникам. Его целью, как мы знаем, было создание казахской автономии под российским началом, освобожденным от царского самодержавия.

Мустафа Шокай мыслил будущее Казахстана шире. Он видел свою страну в семье тюркского мира. Он призывал к объединению всех мусульман Туркестана в рамках единого тюркского государства. Причем, на сугубо демократических основах. Конечно, упаси Аллах, он был далек от религиозного фанатизма. Веротерпимость была одним из краеугольных камней этого вымечтанного им общежития.

Оба - и Шокай, и Алихан сумели данным свыше историческим чутьем уловить дух времени, революционных перемен, поймать в свои паруса «ветер эпохи», с большой одержимостью устремиться к своей цели и сделать первые практические шаги в построении государств, каких не знала история.

Это могли быть два совершенно непохожих государства, но и в том и в другом случае ядром каждого из них должен был стать казахский народ. У Букейханова это было бы в основе своей мононациональное государство с вкраплениями других этносов. У Шокая

казахи должны были стать консолидирующим началом в объединении тюркских народов и добровольно примкнувших к ним попутчиков.

В тот момент оба понимали, что казахскому народу в одиночку не справиться со столь грандиозной задачей и рассчитывали осуществить свои планы под сенью демократических начал России, освободившейся от самодержавия и колониальных имперских устремлений. И обратите внимание: ни тот, ни другой брат в союзники Советскую власть не хотел, уловив опять же благодаря историческому чутью, что Советы, как это ни парадоксально, генетически наследовали имперскую политику царской России. Они сделали ее лишь более изоцированной, иезуитской, прикрыв фиговым листком марксистских догм и конституционной показухи, не имевшей аналогов в прошлом.

Меня лично 1917 год поражает плотностью событий и стремительностью их развития. Причем, не только в центре России, но и на ее окраинах. Меж Петербургом и Ташкентом десятки тысяч верст, но по температуре кипения социальных страстей Ташкент не уступал Северной Пальмире. Выстрел «Авроры» прозвучал на берегах Невы 25 октября 1917-го, но в Ташкенте захват власти большевиками начался еще 13 сентября, а 29 октября город был полностью в их руках. И в самый раз 25 октября они издали приказ об аресте членов Туркестанского Комитета уже свергнутого в Петербурге Временного правительства.

Мустафа Шокай был искусным тактиком. Он в канун этих событий переехал в Коканд. Столицу Кокандского ханства Россия завоевала лишь сорок лет назад, а потому здесь еще не выветрились антиколониальные настроения. И потому именно здесь 27 ноября был проведен IV чрезвычайный Всемусульманский съезд, на котором председательствовал Мустафа Шокай. Он-то и объявил о создании Туркестанской

автономии, появившейся под эгидой Туркестанского временного совета. Главой правительства автономии стал Мухамеджан Тынышпаев.

Мустафа удостоился чести стать министром иностранных дел. Но с самого начала возникли теоретические разногласия, которые имеют свойство быстро перетекать в практическое русло. Тынышпаев отказался от своей высокой должности, и Мустафа в силу необходимости сам стал председателем правительства Туркестанской (Кокандской) автономии. Разумеется, автономия эта мыслилась в составе России, но отнюдь не советской, а той, гарантом существования которой было Учредительное собрание.

Шокай ясно представлял всю сложность стоящей перед ним задачи. Объявляя о создании автономии, он сказал: «Построить с ходу полнокровное государство нелегко. Для этого нет ни кадров, ни опыта. И главное, нет армии, чтобы защитить будущую автономию. Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география». И дальше он произнес удивительную фразу, которую до сих пор до конца расшифровать не могу: «Я не приемлю политику Советов, но верю в разрушительную силу большевиков».

Почти одновременно, с 5 по 13 декабря, в Оренбурге проходил II Общекиргизский съезд. Мустафа был приглашен на него уже в качестве главы Туркестанской автономии. Здесь была провозглашена Алашская (Казахская) автономия. Но все это без ведома большевиков. А малейшее проявление самостийности большевиками сурово каралось. Правда, тотчас отреагировать они не смогли. Вопреки своей самонадеянности, они, захватив власть, вынуждены были пойти на выборы Учредительного собрания, которое было чрезвычайно популярно в народе.

Выборы прошли 12 ноября 1917 года. Их результаты для большевиков стали обескураживающими: они получили лишь 23,9 процента голосов, даже правые эсеры «отхватили» более 40 процентов. Что делать? Да разогнать собрание! Демонстрация в его защиту? Расстрелять! То был красный террор в действии.

В ответ на этот произвол Кокандское правительство решило срочно, 20 марта 1918 года, созвать парламент, проведя выборы в него на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования. Но большевики действовали на опережение: в Ташкенте уже была создана Туркестанская Советская Республика, которая объявила Кокандскую автономию вне закона. В свою очередь, Шокай отказался признать власть Советов. Тотчас из Москвы в Ташкент были направлены каратели - 11 эшелонов с красноармейцами и артиллерией. Что могли противопоставить карателям кокандцы? Неслучайно Мустафа сказал: «У нас нет армии, чтобы защитить автономию».

Шестого февраля каратели начали штурм Коканда. Он длился три дня. За это время большевики полностью разрушили и разграбили древний город. Таков финал Кокандской автономии. И хотя эксперимент по созданию общетюркского государства не удался, но подобный опыт бесценен, и для нас, живущих уже в третьем тысячелетии, представляет огромный интерес.

Мустафе Шокаю (ему было тогда всего 28 лет!) удалось ускользнуть от карателей. Вообще, он обладал удивительным свойством: вырываться из железных объятий судьбы. Какое-то время скрывался в Ташкенте. Потом вместе с молодой женой, оперной певицей Марией Гориной, проделал по железной дороге долгий, полный опасностей путь через казахские степи до Актюбинска, потом были Баку, Стамбул, Париж... И в эмиграции вплоть до 1941 года Шокай активно ра-

ботаает в журналистике, ведет яростную, умную борьбу с большевиками, разоблачая колонизаторскую суть их политики в Казахстане.

Гитлеровцы, захватив Париж, не могли не обратить внимания на столь яркую и колоритную фигуру антисоветчика, как Шокай. Ему было предложено создать из пленных тюрок (и возглавить) Туркестанский легион. И он идет кругами ада по фашистским концлагерям. Он вглядывается в лица азиатов, своих единокровных братьев, пытаясь облегчить их участь, предугадать их судьбу и, быть может, ее изменить.

Фашизм открывается перед ним во всей его бесчеловечной сути. Он приходит к однозначному выводу: «Сталин и Гитлер - оба злодеи». И пишет письмо Риббентропу: «...видя, как представители нации, воспитавшей таких гениев, как Гете, Фейербах, Бах, Бетховен, Шопенгауэр, обращаются с военнопленными... я не могу принять предложение... возглавить Туркестанский легион и отказываюсь от дальнейшего сотрудничества. Все последствия моего решения я осознаю». Так что попытки «надеть на него мундир генерала Власова» были заранее обречены.

Мустафа Шокай умирал в берлинском госпитале вермахта «Виктория». Предугадывать свою посмертную судьбу он не хотел, да и не смог бы это сделать, если бы даже захотел. Хотя и догадывался, сколько клеветы и лжи будет опрокинуто на его неповинную голову. Его десятилетиями будут очернять и предавать забвению. Но неужели далекие потомки не сумеют оценить его усилия, когда он пытался создать уникальное государственное общежитие всех тюрок-мусульман на планете Земля?..

ГЛАВА IV.

ПОД ВЛАСТЬЮ СЕРПА И МОЛОТА

КРАСНЫЕ НАРКОМЫ И СЕКРЕТАРИ ЦК

Чему учит недавний опыт советской историографии? Интерпретируя события истории, надо быть предельно аккуратными и не допускать вольностей. Чтобы не очутиться в стране с непредсказуемым прошлым. Чтобы нас не одолевал синдром поиска глубинного смысла (СПГС) там, где его нет и быть не может. Тут дело не только во вспышках национальной гордыни.

Мы уже убедились на своем недавнем горьком опыте: как только человек попадает во власть новоявленных идеологом, реформаторский зуд становится неодолимым, а ревизия прошлого в угоду настоящему неизбежной. И мы, вопреки очевидному, начинаем убеждать грядущие поколения, что именно наша страна - родина слонов. А чтобы это выглядело неотразимым, загоняем к слонам крокодилов. И страусов заодно. Причем, делаем это с такой оголтелостью, что остановить наше историческое словоблудие не в силах даже сам Аллах. А если он будет настаивать на опровержении, мы его просто отменим, реанимировав языческих богов, вернув им прежний статус.

Но давайте лучше не дергать за усы и хвост Вечность, неровен час, оттуда может упасть на голову нашу что-то совсем невообразимое. Надо бы жить в гармоничном согласии и с диалектикой, и с метафизикой, потому как истина где-то посередине.

История не знает передышек. Мы прожили XX век так, как прожили, иного нам не было дано. Неизвестно, как развивались бы события в Средней Азии, если была бы создана автономия Туркестан. Но она

была уничтожена Советской властью на корню. Не состоялась и «Алаш-Орда». Тем не менее, автономия Казахстану Советской властью была предоставлена. Правда, это было не совсем то, о чем мечтали алашординцы, а точнее, совсем не то, о чем они мечтали. Потому как в названии автономии появилось злополучное определение - «социалистическая», а это потянуло за собой целый ряд закономерностей, исказивших неповторимый облик Степи.

Край раздольных просторов с привольным кочевьем, с высоким, прозрачным, эталонной чистоты небом превратился в страну индустрии, и трубы промышленных гигантов замутили небеса, а всадника, беспечно погонявшего отары, вынудили встать к заводскому станку.

Да, появились университеты и театры, иглы телевизшек вонзились в интеллектуальный кровоток народа. Чабан приник к тревожащей ум и сердце книге, и появилась самобытная литература, переплавившая номадическое сознание в тигле катастроф XX века; родилась самобытная музыка, привнесшая в классический симфонизм напевы кобыза и домбры. Явилась миру самобытная живопись, колдующая над красками Востока и добавляющая в палитру Запада будоражащий душу колорит. Казахстан стал космической гаванью, и мы до сих пор не можем понять, радоваться нам по этому поводу или сокрушаться.

Но... Кремлевские вожди превратили Казахстан в филиал ГУЛАГа, а родные места великого Абая стали ядерным полигоном. И теперь уже весь этот излучающий радиацию коктейль определял менталитет народа и его самосознание. С таким вот грузом или - как на это посмотреть? - с таким багажом мы вошли в новейшие времена.

К слову сказать, Казахстан обрел суверенитет в пределах тех границ, которые были определены ему

Советской властью еще в лихорадящие годы гражданской войны, и за это он едва ли в претензии на Советскую власть, скорее наоборот.

Все непросто в этом мире, он многокрасочен и многолик. Не будем упрощать картину мира и мы. В порядке хронологии назовем имена тех, кто в советские времена возглавлял республику, был первым лицом государства. Сведения о жизни многих из них скупы, и все же по возможности всмотримся в их лица и постараемся понять, что каждый из них в меру сил своих и возможностей сумел сделать для Казахстана, насколько радел о его интересах, какой вклад внес в укрепление государственности нашей республики.

СТАНИСЛАВ ПЕСТКОВСКИЙ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ

Назначенец из Центра - из Москвы, он был первым руководителем Советской власти в Казахстане. Его должность называлась вполне в духе времени - председатель ревкома. Он был одним из тех, кто вместе с Лениным и Сталиным этот ревком придумал, организационно оформил в Кремле применительно к Казахстану и сам же приехал осуществлять его работу. Ревком был прообразом государственности в Казахстане.

По национальности Станислав Станиславович Пестковский был поляк, по происхождению - дворянин, по жизненному призванию - революционер до мозга костей, со всеми признаками пассионария, для которого избранная цель ценнее самой жизни, причем, не только собственной. Мне было крайне интересно, скажем на его примере, понять: как, из чего возникает эта одержимость пламенного революционера-практика?

Родился он в деревне Келчиглув, на тишайшей Западно-Польской равнине. Я часа полтора бродил в Интернете по безлюдным улочкам этой деревни, с

ее овинами и выпасами, на которых дремлют черно-белые буренки. Меж домами - глухие заросли трав и лужица воды на дороге - там отражалось небо. А вокруг простирались бескрайние поля, они перемежались редкими перелесками, небольшими озерцами, уютными чистыми речками, где можно разглядеть радужных красноперок и черную, извивающуюся, как водоросль, рыбу угорь, которая водится только в очень чистой воде. Это, значит, в малолетстве барчук Станислав мог часами стоять с удочкой в прибрежной осоке, с вождением поглядывая на ведро у ног, где потихоньку засыпали пойманные на крючок пескари и плотва для кухаркиного кота.

Мир был добрым, понятным и сулил в обозримом будущем счастье. Но шляхетская кровь бурлила уже и в этом подростке. Они ведь еще при Иване Грозном силами мерялись - Россия и Польша. Двуглавый российский орел закогтил орла польского всего лишь несколько десятилетий назад, и в душе польского дворянина крепла с годами жажда реванша.

Царизм он ненавидел с пеленок. Еще в гимназии вступил в Союз польской социалистической молодежи, потом в ряды социал-демократии Королевства Польского и Литвы. А дальше революция 1905 года, первые аресты, тюрьмы, ссылка на вечное поселение в Сибирь, бегство из неволи, встреча в Кракове с Лениным, жизнь большевика в Бельгии, Голландии, Англии, непрерывный путь к Октябрю 1917 года.

Уже в первые дни революции он становится комиссаром Главного телеграфа (это по Ленину одно из условий взятия большевиками власти), а несколькими днями позже Ильич назначил его главой Госбанка. Впрочем, тоже на несколько дней. События в Смольном менялись с калейдоскопической быстротой, а Станислав Пестковский был своего рода палочкой-выручалочкой для большевиков, потому как ему

было полное доверие, и он, не рассуждая и не возражая, брался за любое поручение партии и худо-бедно выполнял его.

Царские чиновники бойкотировали Советскую власть, а своих кадров у новой власти катастрофически не хватало... Вот, к примеру, как Пестковский стал комиссаром Главного телеграфа. Дзержинский вручил ему клок бумаги, изображавший мандат.

- А как же я займу телеграф? - пытался сообразить Пестковский.

- Бери двух... нет, лучше трех солдат с винтовками и...

Солдаты с винтовками оказались аргументом неотразимым. Враждебные к Советской власти чиновники телеграфа при виде винтовок пошли на компромисс. Он продежурил на телеграфе день-другой. Тут все шло как по маслу, а его кипучая натура требовала дополнительной нагрузки. Пестковский направился в Смольный с целью, как сказали бы сейчас, «перезагрузки».

«Я открыл дверь в комнату, находящуюся против кабинета Ильича, - вспоминает он. - На диване полулежал с утомленным видом Менжинский. Над диваном красовалась надпись: «Народный комиссариат финансов». Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом и любопытствовал, чему я учился. Я ответил ему, между прочим, что учился в Лондонском университете, где, в числе других наук, штудировал и финансовую науку.

Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически: «В таком случае мы вас сделаем управляющим государственным банком»... Через некоторое время он вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий государственным банком». Как

сказал один из советологов, «это не эпизод из быта дома умалишенных, а исторический случай», зафиксированный в советском издании.

Комиссаром по Государственному банку на правах управляющего Пестковский был целых два дня! Поскольку денег для новой власти взять было решительно негде, он предложил Ильичу взять займы пять миллионов рублей у знакомого польского банкира. Ленина подобная перспектива отчего-то не вдохновила. Пестковский был отозван с должности. Но самое главное: одновременно он работает заместителем наркома по делам национальностей под началом Сталина.

Именно он, Пестковский, нашел в Смольном пустую комнату, затащил туда стол, стул. Раздобыл чернильный прибор, папки для бумаг. Над столом сделал надпись: «Наркомат по делам национальностей». Как вспоминает сам Пестковский, «комиссаром Сталин был своеобразным». Сказав: «Я на минутку», исчез из кабинета и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем и Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились.

Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина. Я отвечал, что Сталин исчез. Но Ленин требовал срочно найти его. Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку...»

М-да, тут поневоле закуришь и будешь искать уединения, чтобы обдумать, что и как делать дальше. Ленин не зря срочно требовал к себе Сталина, наркома по делам национальностей. Большевики пытались сокрушить царизм, но не его колониальные устои. Их

надо было как раз преумножить и закрепить - уже на принципиально новой, социалистической основе. И крепкий табак в трубке Сталина, по-видимому, должен был даровать беспощадную ясность мысли и твердость воле.

Россия могла развалиться как колосс на глиняных ногах. Ее народы жаждали свободы, они, как норовистый вольный конь, готовы были сорвать все постройки, и тогда уже не удержать эту стихию, она подомнет под себя всех и вся, сокрушит все основы, сметет с лица земли любую власть. О, тут от большевистских вождей требовалась прозорливая осторожность. Суметь убедить народы, что лишь советский строй даст им истинную свободу, что лишь под сенью Красного знамени, Серпа и Молота возможна автономия и подлинная свобода. Причем, непременно в содружестве с Россией, под эгидой российского пролетариата, в одной связке с ним, в одной федерации.

Да, да, пусть массы верят, что можно в любой момент выйти из нерушимого союза. Главное - убедить, обольстить, усыпить. Лишь для того, чтобы сделать несокрушимым бастион советской империи. Как там у Пушкина: «Темницы рухнут - и свобода// Вас примет радостно у входа, //И братья меч вам отдадут»? Темницы действительно рухнули. Ну а меч отдавать было необязательно. Народы не сразу поняли, что вместо темниц они оказались в лагерной зоне - огромной от Карпат до Тихого океана, величиной с целую страну.

Кстати, такое же горестное открытие предстояло сделать четверть века спустя и первым репатриантам, о которых сейчас много рассказывают на телевидении. Они были уверены, что возвращаются в Россию, не подозревая, что России давно уже нет, а есть страна-монстр, покрытая, как тифозной сыпью, лагерями. Монстр под названием РСФСР, или пуще того - СССР. Неслучайно у Бунина, тончайшего стилиста

XX века, эти аббревиатуры вызывали органическое отвращение. А репатрианты стали жертвами собственной близорукости и слепого патриотизма, сменив эмиграцию в Париже на Колыму и Карлаг. И надо было обладать прозорливостью Мустафы Шокая, чтобы разглядеть уже в зародыше бесчеловечную суть тоталитаризма...

Но тогда, в 1918-м, крайне важно было бросить в массы пламенное слово и покорить сознание масс. Однако ко всему этому требуются организационные механизмы, административные структуры, закрепляющие власть Советов на местах. Их-то создание и обдумывал Сталин, раскуривая трубку по закоулкам Смольного, а потом и Кремля. Ленин ждал от него конкретных соображений и предложений, а с ними было как раз туговато.

Сталин по собственному опыту в совершенстве знал устройство царских тюрем и готов был эти знания применить, преумножить, он с наслаждением вникал в работу жандармов и практику сыска. С демократическими институтами ему соприкасаться не доводилось, а тут нужно было создать, и в срочном порядке, хотя бы их видимость. Чтобы умело, без страха и сомнения, «запудрить мозги» народу и с праведной физиономией, но с полным правом безнаказанно манипулировать его сознанием.

Коба преуспеет и в этом. Но чуть позже. А пока он воспользуется «интеллектуальной оснасткой» всех этих аристократов духа и чистюль - Менжинских, Пестковских, Бухариных и других, безрассудно преданных революции. Воспользуется, чтобы методом проб и ошибок возвести здание новой, советской, социалистической государственности.

Потом, когда здание это обретет зримые черты, начнет функционировать в интересах большевиков, а главное - в интересах его, Кобы, всех этих со-творцов,

со-участников, соглядатаев и свидетелей будет разумнее всего убрать за ненадобностью, как убирают обветшалую опалубку и строительные мостки с фронтона возведенного объекта.

А пока Пестковский вместе с Кобой, вместе с Ильичом разрабатывает структуры внедрения Советской власти на национальных окраинах. А чтобы испытать их на практике, его направляют уполномоченным СНК на Западный фронт, где он участвует в создании Литовско-Белорусской республики. Была попытка создания и такого любопытного гибрида в составе молодой Страны Советов.

В первые недели своей жизни Советская Республика была государством унитарным. Но уже в январе 1918 года, на III Всероссийском съезде Советов, приняли декларацию, которая провозгласила, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Однако съезд решил вопрос о федерации лишь в принципе, а конкретная форма ее еще не определялась, она была оставлена на усмотрение самих народов.

Практическое формирование Российской Федерации, строительство ее составляющих началось вскоре после съезда. В составе Российской Федерации появляется Туркестанская республика, затем такие экзотические образования, как республики Таврическая и Донская. 20 марта 1919 г. Совнарком одобрил образование Башкирской республики. Появляется Калмыцкая автономная область, работает комиссия по организации Татарской автономии.

В конце мая 1919 года в Москве начались переговоры делегации «Казахского края» с руководством Наркомата национальностей РСФСР о создании Казахской советской автономии. Нетрудно догадаться, что переговоры эти ведут Сталин и Пестковский. У нас в

руках уникальный документ - воспоминания об этом самого Станислава Пестковского:

«...Делегация состояла из двух группировок. Одна, возглавляемая Джангильдиным, представляла элементы, сотрудничающие с Коммунистической партией. Другую группировку представляли казахские националисты из партии «Алаш-Орда», во главе их стоял Байтурсынов.

До недавнего времени они сотрудничали с Колчаком, теперь же перешли на сторону Советской власти. Это была группировка казахской националистической интеллигенции, имеющей прочные связи с байской верхушкой севера Казахстана. Их идеалом был так называемый «независимый» Казахстан, сохранение старого уклада жизни, подчинение бедноты в экономическом и политическом отношениях аксакалам.

Между этими двумя основными группировками - советской и консервативно-националистической - находились промежуточные элементы, такие, как Тунганчин, Каралдин и другие. Они старались объединить все казахские элементы, ввести в стране некоторые необходимые общественные и политические реформы, и, по возможности, обойтись без «экономической революции». Эти промежуточные элементы, скорее всего, заслуживали названия «младо-казахов».

Когда столь пестрая по своему составу делегация явилась в Наркомнац, т. Сталина, возглавлявшего комиссариат, не было. Он находился в это время на Южном фронте... Мне, как заместителю наркома, пришлось взяться совместно с делегацией за выработку декрета о Киргизской АССР. На совещание, которое обсуждало проект декрета, был приглашен представитель туркестанской партийной организации, находившийся тогда в Москве, т. Тоболин. Он очень резко выступил против «организации казахской бур-

жуазии». Был проведен ряд совещаний. Декрет был оформлен и внесен на утверждение Совнаркома.

К тому времени приехал т. Сталин. Делегация обратилась к нему с просьбой назначить меня Председателем военревкома Казахстана. На вопрос т. Сталина, почему не назначить казаха, делегация заявила, что среди туземцев господствует острая борьба разных группировок и лучше, чтобы председателем был человек «нейтральный».

Я протестовал против моего назначения. Мне не хотелось ехать в край без знания языка и его условий. Но церемониться было некогда. Мое назначение было проведено через ЦК партии. Военревком был утвержден в следующем составе: председатель - С. Пестковский, члены - В. Лукашев (Вадим), А. Джангильдин, М. Тунганчин, А. Байтурсинов, С. Мендешев и Б. Каратаев.

Кроме Джангильдина и Мендешева, остальные были определены представителями байской верхушки. И. В. Сталин на прощание дал мне лишь одну директиву: бороться против загибов русских товарищей и против правой казахской верхушки, но таким образом, чтобы казахские массы чувствовали, что борьба ведется в защиту казахских трудовых масс.

10 июля председатель Совнаркома РСФСР Ленин утвердил «Временное положение о Казревкоме». В нем было сказано буквально следующее: «Впредь до созыва всеобщего киргизского съезда, который созывается в возможно непродолжительном времени, и объявлении автономии киргизского края учреждается для управления этим краем Революционный комитет, в котором сосредоточивается высшее военное гражданское управление краем».

Вопреки некоторой тавтологии и перебору с канцеляризмами, все сформулировано кратко и по существу. А 19 июля был издан Декрет «Об учреждении Ре-

волюционного комитета по управлению Киргизским краем» - очень подробный документ из 19 пунктов, которыми предписано «проведение в жизнь всех постановлений центральной Советской власти в соответствии быту, обычаям и условиям местного населения». (*«Советы и ревкомы в Казахстане, октябрь 1917-1920 гг.»* Документы и материалы. Алма-Ата, Казахстан, 1971, с. 102-107).

3 августа 1919 года ревком в полном составе прибыл в Оренбург. Ситуация в Степном крае была сложная. Шла гражданская война. Еще не разобрались с Деникиным, Колчаком, Дутовым. До конца не может определиться «Алаш-Орда», чью же брать сторону: революционных большевиков или не сдающих свои позиции белогвардейцев? О том, какая мешанина царил в головах и душах людей, можно судить хотя бы по такому знаменательному факту. В поселке Джамбейты 14-20 июля прошел VI Чрезвычайный Уральский областной казахский съезд, на котором «Верховному правителю России» Колчаку присвоено звание «почетного аксакала».

На местах стихийно вспыхивают мятежи - то в поддержку белогвардейцев, то в поддержку большевиков. В Усть-Каменогорске большевики-заключенные местной тюрьмы разоружили охрану, подняли восстание, заняли крепость. Трое суток они отражали нападение белоказаков, но силы были неравными - 160 заключенных убито...

А вот еще информация к размышлению. За попытку навести дисциплину в войсках председатель реввоенсовета, командующий войсками Семиреченского фронта Шавров, арестован по приказу командира одного из отрядов (ранее арестованного по приказу Шаврова и бежавшего из-под стражи), обвинен в том, что он «белый офицер», и решением импровизированного «военно-полевого суда» приговорен к смер-

ти. Забит толпой на центральной площади села Абакумовка, а тело его брошено в колодец и закидано камнями.

В таком разгуле страстей, в атмосфере непредсказуемого развития событий ревком под началом Пестковского приступил к своей работе по культивированию первых ростков государственности в грядущей автономии. В частности, надо было определить, где быть ее столице.

Оренбург неслучайно был выбран местом дислокации ревкома: он находился на подступах к Степному краю и в пределах досягаемости Москвы. Для большевиков он как нельзя больше подходил на роль столицы. Ко всему прочему, по свидетельству, Пестковского, «Оренбург был значительным пролетарским центром, имел крепкую партийную организацию, за плечами которой были огромные революционные заслуги».

С точки зрения истинного большевика, каковым и был Станислав Станиславович, новой автономной республике нужен был «хоть один крупный пролетарский центр, дабы обеспечить правильное проведение в жизнь линии ЦК по национальному вопросу». А дальше чисто большевистская логика и риторика: к Оренбургу, естественно, тяготеет значительная часть Киргизии, и поэтому необходимо использовать оренбургский пролетариат, его советский и партийный аппарат для организации советского строительства в Киргизии.

Все эти соображения Станислав Станиславович высказал 10 сентября на заседании Оренбургского губкома, посвященном «превращению Оренбурга в столицу Киргизии» (с названиями тогда еще толком не определились). Это чуть позже Алихан Букейханов сумеет доходчиво объяснить «товарищам», что надо четко разграничивать понятия «киргизы» и «казахи».

При этом, как было указано в протоколе, учитывалось стремление киргизского (казахского) населения «жить вместе с русскими», что, дескать, неоднократно было отмечено на Всекиргизских съездах. Большинство голосов Оренбург был «назначен» столицей Казахстана. Решение это было одобрено Калининым и Фрунзе, которые прибыли в Оренбург несколькими днями позже.

На тот момент вариант был оптимальный. Через Оренбург проходили важнейшие торговые пути. Да и само появление этого города за 250 лет до описываемых событий было вызвано не только колониальными устремлениями царской России, но и желанием обеспечить безопасность казахского народа. Так что Оренбург стал местом основания советской казахской национальной государственности.

Казреввоенком работал в напряженном режиме. 12 сентября открытым голосованием были избраны руководители основных отделов. Заместителем председателя и заведомом внутренних дел стал Байтурсынов, «временно» секретарем избрали Каралдина, военным комиссаром назначили Тунганчина, заведомом народного образования стал Мендешев, то есть, как говорится, госаппарат формировался на марше. При этом заметим, что Казреввоенком был принципиально новой структурой. В дореволюционном госаппарате аналогов ему не было.

Сложность заключалась и в том, что обширные регионы Западного, Центрального и Восточного Казахстана на тот момент были зонами военных операций между Советами, беляками и прочими, скажем так, контрреволюционными силами. Во многих случаях имело место двоевластие. Надо было обладать одержимостью большевиков, не терять присутствия духа и во что бы то ни стало гнуть свою линию.

Понимая, что он здесь временно, но будучи пар-

тийцем основательным, С. Пестковский внимательно присматривался к местным кадрам. Он хотел передать свой организаторский и административный опыт преемникам, а их он видел, прежде всего, среди казахов.

Да, большинство из них непростительно молоды, излишне категоричны, чересчур темпераментны и подвержены романтическим настроениям. Но, Бог ты мой, сколько же у них отваги и самозабвенного желания быть полезными своей родной земле, своему народу, рвущемуся к свету и заслуживающему лучшей части.

Когда Туркестанский фронт утвердил Сидорова военным комиссаром края, Пестковский далеко не безоговорочно одобрил это назначение. И не потому, что Сидоров не вызывал в нем доверия. Пестковскому хотелось видеть на этом посту казаха. Но... далее из протокола заседания: «КРВК, считая в принципе желательным, чтобы Киргизским военным комиссаром был киргиз, но, не имея в настоящее время подходящего на эту должность кандидата...» Комментарии, как говорится, излишни. «Нам необходимо организовать какие-нибудь советские казахские кадры» - эта мысль была постоянной головной болью Пестковского.

Он не был сторонником крайних мер. Вот, к примеру, Каралдин настоятельно предлагает организовать при ревкоме «чрезвычайную следственную комиссию и революционный трибунал... по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности» и т. д. Пестковский категорически против: не надо попусту запугивать людей. Какая контрреволюция, откуда ей здесь взяться?! И он, быть может, излишне резко, даже грубо, но чтобы было понятно ретивым умникам, дает отповедь своим сверхбдительным коллегам: «...ввиду невежественности

и низкой степени культурности киргизского населения в его массе, с одной стороны, и по причине если не полного отсутствия, то, во всяком случае, весьма слабого развития в пределах Киргизской степи политических или контрреволюционных выступлений, а также дабы не запугать коренное степное население введением следственного органа с чрезвычайными полномочиями... чрезвычайной комиссии учреждать не следует...».

А сколько терпения и такта надо было проявить, когда башкирские товарищи предложили объединить Башкирию и Казахстан в одну автономию и передать ее в состав Оренбурга. Отмахнуться от этого предложения было невозможно. Политбюро рекомендовало провести по этому поводу совещание с представителями национальных республик Востока. Дебаты были нешуточными. Они длились два дня. Пестковский (его горячо поддерживал Байтурсьнов) - в центре схваток. Он умеет слушать, вникать в позицию оппонента. Но он умеет и возражать. Аргументы председателя Казревкома представляются наиболее приемлемыми. В результате было принято его предложение: образовать самостоятельные автономии - казахскую, башкирскую и татарскую.

Январь 1920 года. Как бесценный новогодний подарок держал он в руках первый номер газеты «Известия Киргизского края», печатного органа ревкома, и это был зримый знак новой жизни, новой рождающейся автономии. Его радовало, что газета вышла в канун Первой Советской краевой казахской конференции, которая проходила в Актюбинске с 3 по 11 января, и высказалась за объединение всех казахских земель в одну республику.

В названии конференции ведущим определением является слово «советская», поскольку автономия Казахстана мыслилась советской и только совет-

ской. Пестковский был в этом отношении неуклонен. Правда, как пишет он сам в своих воспоминаниях, «единственной реформой, которую мы провели на этом съезде, была отмена калыма». Но конференция сделала еще один шаг на пути к автономии. При этом Станислав Станиславович не без удовольствия перечисляет фамилии выбранных в новый Казревком: Байтурсынов, Мендешев, Джангильдин, Айтиев, Мурзагалиев, Алибеков, Арганчеев... Присутствие этих людей, национальных кадров для него было бесконечно важным.

Станислав Пестковский руководил Казревкомом около года, но работал истово, иначе не умел. И хотя в Казахстане он раньше не бывал, языка не знал, реалии казахской жизни были ему незнакомы, он как-то сразу стал своим, необходимым человеком, умел «зажигать» людей на дело. Активисты из казахов к нему льнули, и он проявлял к ним искренний интерес, как и ко всему, что происходило в Степном крае.

А дела вершились судьбоносные. Именно тогда началось «собрание» воедино казахских земель, установление границ края, национально-государственное размежевание в Центральной Азии. Процесс этот завершится в 1924 году, но у его истоков стоял Станислав Станиславович Пестковский. И еще: ему пришлось в сжатые сроки формировать систему власти, создавать дееспособный аппарат управления, то есть закладывать краеугольные основы новой государственности.

В апреле 1920 года было создано Организационное Бюро РКП (б) Казахского края, а значит, вот-вот должен был появиться Декрет об образовании автономии. Пестковский вошел в состав бюро, но его очень скоро отозвали в распоряжение Центра, в Москву. В Казахстане он выполнил поставленную перед ним задачу, подготовил руководящие национальные ка-

дры, наладил работу партийно-административного аппарата. Его опыт, его партийное чутье, его умение «разруливать» нестандартные ситуации нужны были на Западном фронте, в родной Польше. Его назначают начальником Политуправления Западного фронта.

Вообще, он был очень полезным работником партсоаппарата. Работал полпредом СССР в Мексике, заправлял делами в МОПРе (была такая Международная организация помощи борцам революции), служил в аппарате Коминтерна. Он был верным ленинцем и преданным делу революции большевиком. Именно от таких преданных и верных Сталин постарался избавиться в 1937 году в первую очередь, как от людей, исчерпавших свои деловые ресурсы, и свидетелей, ставших неуместными.

...Его арестовали 5 мая 1937 года. Теперь он снова знакомился с жизнью тюрьмы, уже советской. Она явно проигрывала в сравнении с царской тюрьмой. Здесь Коба чего-то недоучел, перенеся свою ненависть к царским застенкам на тюрьму страны победившего социализма. В те часы, когда его оставляли в покое, Станислав Станиславович вспоминал отца, которому всегда сопутствовали чистота и ясность мысли.

Отец работал... Нет, он потомственный дворянин, служил заведующим Лодзинской медицинской скорой помощи. Причем, слово «служил» в применении к его отцу следовало употреблять не в рутинном, чиновничьем смысле, а в согласии с высоким стилем. Он именно служил, как служат идее, призванию или истине, которую познать невозможно, к ней дано лишь приблизиться, и то ненадолго, поскольку она каждый раз ускользает, модифицируясь и усложняясь.

Потом, когда Станислав скитался по тюрьмам и пересылкам, он часто мысленно спорил с отцом, не соглашаясь по основополагающим мировоззренческим

константам, но он не мог не перенять поведенческий модуль отца, его святое отношение к делу, что препоручено судьбой и требует полной самоотдачи.

Отец однажды обронил странную фразу, не соотносящуюся с его консервативными постулатами. «Революцию надо делать чистыми руками», - сказал отец, противник всяких революций. И Станислав, погруженный с головой в неприглядные революционные будни, помнил эти слова и воспринимал их как отцовский завет. Кому расскажешь об этом? Кто, где, когда будет слушать, запоминать и помнить? Сколько таких, как я, прошло через эти камеры и коридоры, чтобы кануть в безвестность?..

Кровоточили десны, не смиряясь с тем, что выбиты зубы, мутило от голода и зверски хотелось спать. Но он заставлял себя вспоминать и думать, потому что лишь в этом было хоть какое-то спасение. Его приговорили к расстрелу, 15 ноября 1937 года приговор был приведен в исполнение. В справочниках указывается: «Погиб в сталинских чистках. Реабилитирован посмертно».

Мы более или менее знаем подробности его дореволюционных мытарств по тюрьмам, ссылкам, о его жизни в эмиграции. В протоколах, хрониках, скупых воспоминаниях известна и его партийная работа в советском аппарате. А вот что это был за человек, его пристрастия, перипетии личной жизни нам почти не известны.

Но главное для нас вот что: он внес весомый вклад в строительство государственности Казахстана еще в те поры, когда зыбкими были границы нашей страны и неясной ее будущность. Он-то в будущее Казахстана твердо верил. И мы не вправе предавать его имя забвению.

СЕЙТКАЛИ МЕНДЕШЕВ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЗЦИК. ДУБЛЬ ПЕРВЫЙ

Вообще-то, вслед за Станиславом Станиславовичем Пестковским в этом захватывающем «кино» следует назвать Виктора Алексеевича Радус-Зеньковича, который после отзыва Пестковского на Западный фронт в течение двух месяцев, с августа по октябрь 1920-го, был председателем Казревкома - вплоть до создания КазЦИК и до избрания его председателем Сейткали Мендешева. Впрочем, и после этого Виктор Алексеевич играл первую скрипку теперь уже в правительстве Казахстана, был председателем Совнаркома Киргизской (то бишь Казахской) АССР, и мы называем его первым профессиональным (я бы сказал - высокопрофессиональным) премьер-министром Казахстана.

Дворянин по происхождению и, скажем так, потомственный революционер (отец его боролся с царизмом, участвовал в польском восстании 1863 года). Ненависть к царизму была у Виктора Алексеевича в крови, был он истинным большевиком-ленинцем. В его послужном списке - тюрьмы (9 арестов!), ссылки, эмиграция, сотрудничество с Ильичом по созданию РСДРП, работа на ответственных постах с первых дней Советской власти.

Он был много старше той молодой большевистской поросли, что шумела вокруг него в Казревкоме. Старше не по возрасту даже (хотя в ту пору ему «накатывал» уже 42-й год), старше революционной закалкой, которую он прошел - ведь за плечами солидный житейский опыт и поразительная, столь не свойственная его коллегам выдержка.

То и дело вспыхивавшие теоретические споры каждый раз в момент могли привести к рукопашной,

и оппоненты, когда не хватало аргументов, тянулись к кобуре пистолета. Но уже само присутствие Виктора Алексеевича охлаждало горячие головы. Он умел внимательно выслушать человека, вместе с ним спокойно разобрать все «за» и «против», указать на слабое звено в системе доказательств и не столько уличить собеседника в его неправоте, сколько подсказать ему, где тот действительно прав.

Молодой коллега, четверть часа назад готовый разнести в щепки стены ревкома от несогласия со всем белым светом, уходил от Радус-Зеньковича окрыленным, обретшим новые горизонты и более глубокий смысл бытия. Его любили за доброту и редкую мудрость, которой так не хватало той беспокойной эпохе.

На посту премьер-министра он пробыл относительно долгий, по меркам того времени, срок - год и месяц, деликатно подготовил себе смену из местных кадров и «отпросился» в Центр, ссылаясь на неподходящий климат. Это была не отговорка, его и впрямь замучила тропическая малярия. Вплоть до 30-х годов он занимал ответственные посты в прокуратуре и контрольной комиссии. А потом незаметно отошел от дел, и о нем, очевидно, попросту забыли. Иначе как объяснить, что большевик-ленинец не попал под каток сталинских репрессий и прожил, учитывая различные обстоятельства тех лет, долгую жизнь. Он умер в Москве в 1967 году, за три месяца до своего 90-летия.

Менее удачлив в этом плане был Сейткали Мендешев. Его биография обрывается зловещей датой - 1938-й год. Но и его жизнь, становление как личности были характерны для той эпохи. Степные интеллигенты-аристократы, окончившие царские университеты, люди в высшей степени образованные и много сделавшие для пробуждения национального духа (Бу-

кейханов, Тынышпаев, Дулатов - их наберется один-два десятка, не более), оказались под подозрением у Советской власти и вытеснялись ею из политической жизни Степи, проходящей процесс советизации.

Но национальные кадры Советской власти нужны были, как воздух. И на смену истинным носителям степной духовности шли менее образованные, но легче поддающиеся адаптации, новым большевистским веяниям бывшие студенты учительских семинарий и училищ, интеллигенты уже иной формации, настроенные более радикально, для которых постулаты марксизма были зачастую основополагающими.

Да, они впитали с воздухом родины высокие идеалы «Алаш-Орды», но ветры большевистских перемен пьянили им головы. И они явили собой поразительный синтез этих двух, казалось бы, столь не сходных начал, которые порождали в их душах стойкий и восторженный романтизм. В сущности, вся жизнь Сейткали Мендешева прошла под знаком недоуменного изживания этого романтизма.

Преданным Советской власти романтиком он оставался чуть ли не до последнего дня. До той минуты на исходе февраля 1938 года, когда в подвале печально знаменитого серого здания по улице Дзержинского (ныне - Науырызбай батыра), что напротив соснового парка в Алматы - детского парка, раздался выстрел - хлесткий, как удар камчи по физиономии эпохи с ее звериным оскалом. И электрическая полумгла подвала померкла в глазах этого человека.

Известна дата его рождения - 6 июня 1882 года. Место рождения - урочище Калмак-Шагыл Букеевской губернии, это на западе Казахстана. Детство прошло в селе Новая Казанка, сегодня оно называется Шангала. (Во многом таинственное место, на которое в Интернете масса ссылок. В эту глухую провинцию западного Казахстана турфирмы отчего-то зазывают

отдыхающих. Очевидно, населенный пункт с таким же названием есть и в далекой Испании. При случае надо бы узнать, что это за Колорадо-Спрингс XXI века...)

Но вернемся к Сейткали Мендешеву. Немногое можно сказать о радостях детства, которые могли выпасть на долю босоногого мальчишки, сына бедного казаха. Эпитет «босоногий» в данном случае - не расхожая метафора, а констатация факта. Нетрудно представить себе, какое внимание могли уделить ему родители. Разве что отдали учиться в начальную русско-казахскую школу. И вот в эти школьные годы однажды он попался на глаза умному человеку, который сумел почувствовать в подростке его пылкую душу, живой ум. И сквозь завесу грядущих лет сумел разглядеть, что судьба распорядится мальчиком по-особому...

В скупых биографических сведениях о Мендешеве, которые мне удалось раздобыть, мелькнули две загадочные фразы, буквально следующее: «Сейткали учился в начальной русско-казахской школе. В это время огромное влияние на его воспитание и формирование мировоззрения оказал известный казахский акын Шангерей Бокеев». Факт крайне важный, он во многом объясняет феномен личности Мендешева.

Как, при каких обстоятельствах они встретились, насколько тесно общались, в точности неизвестно, хотя... Шангерей Бокеев был, по сути дела, земляком Сейткали, он и родился в местности Жаскус близ Орды той же Букеевской губернии. Аристократическая косточка (он был внуком хана Жангира), образованнейший человек своего времени, Шангерей Бокеев окончил кадетский корпус, работал в Самаре мировым судьей. И сочинял стихи, которые, затаив дыхание, слушала Степь. Уже во времена революционных бурь он стал одним из организаторов партии «Алаш», в 1917 году был участником съезда Букеевских казахов.

Кстати, вы давно перечитывали маленькую поэму Лермонтова «Беглец»? Рекомендую еще раз соприкоснуться с этим шедевром. Шангерей Бокеев перевел «Беглеца» на казахский. Сейткали знал его (не мог не знать!) наизусть. И та высокая гражданственность, которая пульсирует в этом тексте, проникла в самые сокровенные глубины души мальчика, стала его второй сутью.

Помните у Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»? Стихи Шангерее Бокеева о любви, нетленной женской красоте, о природе родного края с их богатством красок, мелодичностью казахской речи, пронзительные раздумья о бренности жизни, о превратностях судеб Степи, безусловно, оказали на Сейткали немаловажное влияние и способствовали развитию его ораторского дара (кстати, у казахов он вообще в крови). Но Сейткали не был всего лишь зеркалом, отражающим палитру духовных устремлений наставника, у него был свой микрокосмос, в его душе вызревали собственные убеждения.

Меня поражает, как на духовном фундаменте «Алаш-Орды» могли произрастать (и произрастали-таки!) убежденные ленинцы. Но ведь Сейткали был не один такой, подобную метаморфозу пережили Сейфуллин и Байтурсынов. Называю лишь первых два имени, пришедших на ум, но пример их воистину ослепительно ярок. И последующее кардинальное их расхождение со своими духовными отцами из партии «Алаш» просто удивительно. Шангерей не дожил до этих яростных расхождений, он ушел из жизни в 1920 году - как раз когда его любимый ученик Сейткали стал первым лицом государства - председателем КазЦИК.

Много раз я пытался разгадать (пока безуспешно) тайну той неприязни, той непримиримости Сейткали по отношению к алашординцам Букейханову и Ты-

нышпаеву, которые уже никак не перечили Советской власти, признали ее, старались быть ей полезными, поскольку она, единственная из бурлящих вокруг Степи сил, дала Казахстану реальную автономию. Фантастика! Но Сейткали постигла та же участь в застенках НКВД, что и тех, кого он считал затаившимися, скрытыми врагами Советской власти.

Сам он как истинный пламенный революционер-большевик, настоящий цельный благородный человек был беззаветно предан Советской власти. Несмотря на то, что она свинцовой нагайкой годы и годы выбивала из него эту пламенность, этот возвышенный романтизм. Воистину прав был поэт: «гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей».

Как все начиналось? Биографы пишут, что большим событием для него, сына бедняка, была возможность попасть в учительскую семинарию в Казани, а на рубеже XIX-XX веков Казань была уже крупным культурным центром наряду с Москвой и Петербургом. Там в его отзывчивую душу были посеяны не только семена знаний, столь нужные будущему учителю, но и известные демократические веяния.

Он с жадностью читает Добролюбова, Чернышевского, Герцена. Селекцию этих демократических ростков в его душе завершили ссыльные политзаключенные, которых оказалось на редкость много в его родных краях после революции 1905 года. Они представляли все многообразие политических течений России того времени. Он не просто знакомится с ними, он принимает близкое участие в их судьбах, организуя побеги из ссылки. А это, согласитесь, уже первые практические жизненные опыты большевика-подпольщика.

Будучи не только основательным теоретиком, но и практиком, Сейткали Мендешев еще в 1906 году

организует у себя в родных краях подпольный союз единомышленников, интеллигентов - в него входили учителя и врачи. В аульных школах близ Орды и Жангалы он в течение тринадцати лет сеет разумное, по возможности, доброе, вечное. Профессия учителя была его призванием, работать в полсилы он не умел, и отдавался учительству со всем жаром своего сердца.

О, как он любил благоговейные мгновенья тишины, которые сопутствовали его урокам, когда ему удавалось зажечь в душах аульной малышни огонечек духовности. Они смотрели на него во все глаза. А он черпал слова, мысли, чувства из бездонного колодца хрустально-чистой мудрости Абая, делился с детьми своим пониманием стихов Шангереева Бокеева, побуждал их приникать к чеканным строкам Лермонтова - и на русском, и в переводе на казахский.

В 1911 году Мендешев обучается на педагогических курсах в Петербурге. Это очень даже подпитывает его революционные настроения, и он с товарищами начинает выпускать журнал «Казахстан». Надо ли говорить о том, что журнал стоял на общедемократической платформе. Тематика? Проблемы народного образования, земельный вопрос, агитация за оседлый образ жизни...

События 1916 года заставляют его четко определить свою позицию. И если Букейханов едет на Западный фронт, чтобы облегчить участь соотечественников, призванных на окопные работы, то Мендешев открыто становится на сторону восставших против этого царского указа, хотя на самом деле этот указ был лишь поводом к протестному выступлению казахов против колониальной политики царизма.

Для охраны Мендешев - яростный бунтовщик, место которому в астраханской тюрьме. Однако это лишь добавляет ему известности в Степи и укрепляет в пробольшевистской ориентации. Во время февраль-

ской революции 1917 года он один из участников создания ревкома в родном селе Новая Казанка, а с установлением в этих краях Советской власти открыто ведет революционную пропаганду, призывая к бойкоту местные органы власти Временного правительства, становится членом Букеевского губисполкома.

Есть в биографии Мендешева и такой замечательный факт: как истинный сын степей он участвует в создании первого Казахского конного полка. А его педагогическая закваска сказалась в том, что, во-первых, он начинает выпускать журнал «Учитель» («Мұғалім») и, во-вторых, именно ему партия поручает создать первую в области комсомольскую организацию. Просветитель по своей глубинной сущности, он принимает участие в переводе на казахский язык Советской конституции 1918 года, печатается в большевистской прессе.

Как уже говорилось, благодаря его общению, с Шангереем Бокеевым в Сейткали пробуждается ораторский дар. Он часто выступает на митингах. Не сдерживая свой темперамент и в то же время тонко чувствуя психологию слушателей, несет идеи большевиков в широкие массы степняков. И, естественно, становится членом Казревкома, подготовившего и осуществившего создание советской государственности в Казахстане.

В ревкоме его способностями распорядились с умом: для начала Сейткали Мендешеву поручили заниматься вопросами школьного дела. Но он был слишком кипучей натурой, чтобы ограничивать себя строго регламентированными рамками. Сфера его деятельности расширяется.

Будучи кристально честным человеком, он распоряжается кредитами и денежными средствами ревкома, имеет доступ к «прямому проводу» из Центра (Москвы), получает право смещения и назначения на

должность во всех советских учреждениях Казахского края. Он был правой рукой председателя ревкома Пестковского, а поскольку тот часто выезжал в командировки, Мендешев замещал его на посту.

Служенье делу чеканит характер человека. Говорят, работа скульптора предельна проста. Он берет кусок мрамора и отсекает все лишнее. Революция, создавая из косной материи бытия новую жизнь, тоже подобна скульптору. Но под ее алмазной твердости резцом лишним оказывается человек.

Поясню свою мысль. Разруха, экономическая и хозяйственная, наверное, неизбежна при революции. Плюс гражданская война и понятное стремление Советов выжить во что бы то ни стало. Все это порождало бесчеловечную по своей сути политику военного коммунизма. Продразверстка свирепствовала по всей Совдепии. Казахский аул не был исключением, из него выгребали все до последнего зернышка, до захудалой овечки, обрекая людей на голодную смерть. И все это - во имя великой цели, во имя победы над мировой буржуазией, пытающейся задушить Советскую власть.

Мендешев в своем обращении к населению края в связи с этим писал: «Наш край богат всем, что нужно фронту, особенно скотом, сырьем и прочим. Дадим же фронту побольше скота или мяса, дадим одежду, какая найдется... вольем в армию голодных, желающих активно помочь молодых людей из киргизского населения, мобилизуем всех свободных женщин и мужчин для работ фронту, и задача будет решена». Он был верен большевистскому долгу, и директива Центра была для него превыше всего. Собственно, он сам же потом и «расхлебывал» эту кашу из беды-лебеды, которую заварил по указке вождей.

А события шли своим чередом. 26 августа 1920 года декретом ВЦИК и СНК была образована Киргизская

АССР. С 4 по 12 октября в Оренбурге (он стал столицей Казахстана) прошел учредительный съезд Советов Киргизской АССР. На съезде было представлено 273 делегата, из них: 128 казахов, 127 русских, 18 делегатов - представители других национальностей. Съезд избрал ЦИК Киргизской АССР. Его председателем стал Сейткали Мендешев. Члены президиума КирЦИК - Радус-Зенькович, Джангильдин, Сейфуллин, Акулов, Аманов, Досов и другие.

Учитывая трудность организации власти в кочевых районах, съезд постановил признать как временную меру для кочевого населения управление через ревкомы, которые должны передвигаться вместе с кочующим населением. Хотя одна из первостепенных задач, которую ставит перед собой председатель КазЦИК - борьба за оседлый образ жизни. Он готовит декреты по искоренению многоженства, выплаты калыма и прочих пережитков прошлого.

Только теперь он осознает весь груз ответственности, который лег на его плечи. Романтические порывы сменяются каждодневными заботами по жизнеобеспечению Степного края. Прямым следствием авантюры военного коммунизма стал массовый голод, охвативший в те годы почти весь Казахстан. Положение кочевого населения было катастрофическим.

Впрочем, революционный экстремизм, подорвавший экономику страны, породил голод в Поволжье, в Татарстане, в Башкирской республике. А что касается Казахстана, то посевные площади здесь сократились на две трети, скота осталось всего одна четвертая часть по сравнению с 1917 годом. Подножку поставил и неурожай. В 1921 году в шести губерниях Казахстана было собрано всего 4,7 миллиона пудов хлеба, а прожиточная норма этих губерний - 22 миллиона пудов...

Мендешев организует ЦКпомгол республики, ко-

торый сам же и возглавляет. Объявлено об эвакуации населения, но не хватает подвижного состава, эвакуация срывается. Между тем органы Наркомпрода, вопреки голоду, продолжают вести продовольственные заготовки в регионах, терпящих бедствие. Сейткали требует у Центра прекратить безобразие. Лишь после обследования спецкомиссией Центра несколько областей Казахстана были признаны голодающими, их освободили от удавки продналога.

Это у Пушкина в финале «Бориса Годунова» народ безмолвствует. В жизни доведенный голодом до отчаяния народ хватается все, что попадает под руку - вилы, косы, топоры, ружья, - и начинает «разборки» с властью.

В разных регионах Казахстана вспыхивают мятежи. Требование одно - отменить продразверстку. А как вам лозунг бунтующих - «За Советы без коммунистов»? Учтем при этом, что по Казахстану рыскают банды атаманов Семенова, Анненкова. И, борясь с голодом, председателю КазЦИК приходилось также принимать меры к подавлению мятежей.

Мало-помалу жизнь в Степи стала возрождаться. И тотчас были реанимированы территориальные вопросы. При Среднеазиатском бюро ЦК РКП (б) создается территориальная комиссия, в ее состав включили Мендешева. Так что интересы Казахской автономии было кому отстаивать.

Мы опускаем здесь перипетии работы территориальной комиссии. Важно, что именно тогда, при Мендешеве, Казахстан «вырос» на 758 тысяч квадратных километров и определились его границы. Это работало на авторитет председателя КазЦИК.

Люди, близко знавшие Мендешева, уважали его за демократизм, за человечность, отзывчивость. А вот некоторые товарищи по партии считали это мягкотелостью. Впрочем (из песни слова не выкинешь),

он был непримирим по отношению к алашординцам, старался всячески ограничить их доступ во властные структуры.

Надо учесть еще вот что. После смерти Ленина усилилась борьба за власть между Троцким и Сталиным. Она удивительным образом калькировалась в автономиях, органично проецируясь на межгрупповую борьбу, которая тлела здесь, не затухая. То Смагул Садвакасов, невзирая на табель о рангах, с большевистской прямоотой критиковал - да что там! - клеймил Мендешева за отсутствие твердости в проведении генеральной линии партии. То вдруг Султан Ходжанов раздул до небес дискуссию с Мендешевым о переносе столицы.

Дело в том, что Оренбург в этом качестве выполнил свою роль и после национально-государственного размежевания был передан России. Мендешев в качестве новой столицы автономии считал подходящим один из северных городов - Актобе или Акмолу, а Ходжанову виделась столица автономии в Шымкенте или Ак-Мечети (ныне Кызылорда). Он и одержал верх в споре, и это было как бы сигналом к тому, что дни Мендешева на посту главы автономии сочтены.

Прочно засела в умах партийцев, да и в памяти потомков чеканно прямолинейная сталинская фраза: «Кадры решают все». Кто бы возражал?.. Но сколько в ней нюансов... Сталину нужны были свои кадры, нужны были люди, преданные не столько большевистской идее, сколько лично ему. А Мендешев не был креатурой Сталина, поэтому Мендешева надо было заменить на посту руководителя автономии человеком «своим в доску». Каковым и явился Голощекин, натворивший в Казахстане неисчислимо много бед.

Конечно, разбрасываться партийными кадрами было негоже. Какое-то время Мендешев руководил Казпотребсоюзом. Ничуть не хочу принизить значи-

мость потребительской кооперации, но в данном случае это было все равно, что опытного военачальника пересадить с боевого слона на осла или пони. А он и тут был заразительно деятелен и неуемнен... В 1926 году его отозвали в Москву - экспертом по экономическим вопросам Казахстана и Центральной Азии. Теперь он смог на расстоянии оценить масштаб перемен, происходящих на родине. Причем, и положительных, и отрицательных.

Четыре года спустя у Мендешева появится возможность еще раз послужить родному краю, используя свой организаторский талант уже в качестве наркома просвещения республики. И на этом посту он показал себя с наилучшей стороны. При нем была расширена сеть вузов и техникумов. Мендешеву принадлежит честь открытия КазГУ в январе 1934 года (на биологическом и физико-математическом факультетах обучалось 54 студента, работало 25 преподавателей). В бытность его в качестве председателя Комитета по делам науки при СНК Казахстана в 1932 году появляется казахстанская база Академии наук.

Он часто вспоминал Оренбург. Бодрящий холодок начальных октябрьских дней 1920 года. Кумачовое полотнище на фронтоном лучшего здания города - клуба имени Свердлова. На полотнище ликующая надпись: «Компривет участникам Учредительного съезда КирАССР!»

Ему казалось в те дни, что он стал выше ростом, глаза обрели орлиную зоркость, голос звенел от ликующих ноток, походка была стремительно легкой, он словно не чувствовал притяжения Земли. «О, Аллах», - восторженно думал он тогда, - наши ханы боролись, чтобы увидеть казахов независимыми и сильными. Но даже в самых смелых мечтах они и предположить не могли, что над Степным краем взвоет кумачовый флаг, на котором светятся золотом серп и молот...»

Ну и все в том же духе, потому что понятие «свобода» для него, Сейткали Мендешева, было возможно лишь в сочетании с понятием «социализм».

...Горные пики словно парили в летней дымке. Город утопал в буйной зелени. «Вот уж и столица Казахстана за каких-то десять лет во второй раз сменила свое местоположение, но вполне обоснованно, - думал он,- теперь у подножия Заилийского Алатау, вся в садах. Какой бы осмысленно счастливой и светлой была жизнь, если бы не враги Советской власти, враги народа. Ряды их множатся, они так ловко рядятся под коммунистов...»

Когда его арестовали, он был уверен, что это ошибка, что лишь только об этом узнают в Центре, недоразумение рассеется. Ежов - свой парень, казахстанец, человек с чувством юмора. «Ну, вот опять, Сейткали, на тебя написали донос»,- сказал он с усмешкой во время их недавней встречи в Москве. «И ты, Коля, веришь тому, что здесь написано?» - спросил Мендешев. Ежов лишь руками развел: «Веришь - не веришь, но кто-то же сочиняет все это». И предусмотрительно с легким вздохом прихлопнул письмо обложкой скоросшивателя.

«Нет-нет, это недоразумение. Его, большевика со стажем, истинного ленинца объявить врагом народа? Сталин просто не знает об этом. Надо ему как-то сообщить. Но как?..»

И когда ему объявили приговор, когда уже вели полутемным коридором, чтобы привести этот приговор в исполнение, пришла вдруг беспощадная, как оголенный электрический провод, мысль, обнажившая истину: « Сталин все знает. Это Сталин дал санкцию на арест. Он подписал расстрельный список»...

**ФИЛИПП ГОЛОЩЕКИН. ЦАРЕУБИЙЦА.
АРХИТЕКТОР ГОЛОДОМОРА**

Невель, расположенный между Псковом и Витебском, известен еще со времен Ивана Грозного. Он стоит у впадения реки Еменки в озеро Невель, давшее название этому городку. Берега реки топкие, но на редкость живописные. А вокруг, до горизонта - песчаные холмы, поросшие сосновыми лесами, меж холмами - озера, озера, и такая красота, что дух захватывает. Неслучайно в этом средоточии красоты родилась выдающаяся пианистка XX века Мария Юдина, сумевшая своим дивным исполнением музыкальных произведений передать слушателям первозданность моцартовской музыки, обжигающую страсть Бетховена и вселенскую меланхоличную грусть Шопена.

Здесь, в Невеле, родился теоретик искусства и литературовед Михаил Бахтин, мы по молодости лет зачитывались его «Поэтикой Достоевского», соразмеряли жизнь свою, впитывая постулаты эссе «К философии поступка». Красота окрестных пейзажей гранила душу человека, звала ее к совершенству. Здесь, под Невелем, защищая эту земную красоту, погибла наша девочка, наша пулеметчица Маншук Маметова - Герой Советского Союза, и благодарные невельцы поставили ей памятник на одной из тихих городских площадей.

Для меня остается загадкой: как в этом благословенном месте, взывающем к духовности и красоте, мог уродиться, человек, несущий в себе сатанинский ген зла и разрушения. Ведь еще Достоевский сказал: «Красота спасет мир». А красота окружала Филиппа Голощекина с младенчества и, очевидно, должна была хоть как-то смягчать его душу, нивелировать

ее человеконенавистнические инстинкты. Но ведь не смягчила. Почему? А душа должна быть зрячей, чтобы воспринимать красоту. Если душа слепа и глуха от рождения, то ни красота, ни откровения неба ей недоступны. Она пребывает в темной бездне и темную же бездну порождает вокруг себя.

Вообще-то, звали его Ешая. Много позже, когда он станет матерым революционером, у него появится партийная кличка «Филипп», которая вытеснит его настоящее имя. Родился он в 1876 году в добропорядочной еврейской семье, отец - подрядчик средней руки, таких семей в Невеле - полгорода. Отец занимался мелкими подрядными работами, имел торговлю дровами, а также содержал городскую бойню. Его старший брат как бы в противовес этому держал книжную лавку в Витебске, был очень порядочным человеком, оставившим о себе добрую память.

Стоп! «Отец содержал городскую бойню». Может, маленький Ешая помогал отцу в забое скота, и вид крови деформировал психику ребенка? Филипп учился сначала в городской четырехклассной школе. Затем держал экзамены в гимназию. Экзамены выдержал, но принят не был вследствие ограничения приема евреев. Однако правдами и неправдами шесть классов гимназии он окончил. А завершил свое образование в зубоврачебной школе в Риге, так что по специальности он зубной техник. Дальше у него начались «разборки» с эпохой, которой он пытался «выбить зубы» и «вставить» челюсть. То же самое эпоха пыталась сделать с ним.

Членом РСДРП он стал в 1905 году в Вятке. И начался его быстрый подъем по партийной лестнице: член Петербургского комитета РСДРП, потом Московского, ссылка в Нарым, побег из ссылки и участие в Пражской партконференции, снова ссылка - теперь уже в

Туруханский край в компании со Свердловым.

Из Туруханска его вызволила Февральская революция, и он, естественно, принимает самое активное участие в Октябрьском перевороте, а затем и в гражданской войне. При этом Голощекин занимает довольно ответственные партийные посты не только в Центре, но и в городах Сибири и Урала. «Это типичный ленинец... человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». Такую откровенную характеристику дает ему человек не из вражеского стана, а соратник по партии Владимир Бурцев. Комментарии, как говорится, излишни.

Голощекин (в то время уральский областной военком) встречает поезд, доставивший 30 апреля 1918 года в Екатеринбург Николая II и его семью. Наступление белогвардейских войск на Екатеринбург в конце июня того же года сделало весьма актуальным вопрос о дальнейшей судьбе императора. Для получения указаний на этот счет Голощекин специально выезжал в Москву.

Царский палач Юровский вспоминал: «Так как этот акт был актом сугубой политической важности, то все это дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину, на которого и была возложена ответственность за согласованное решение этого вопроса...» Именно он, по словам Юровского, назначил дату казни. А затем и первым публично объявил о ней - в ночь на 17 июля. В невероятной по своей жестокости расправе Голощекин не участвовал, но присутствовал при уничтожении трупов.

Меня в данном случае не прельщают лавры Светония, и я не собираюсь давать здесь жизнеописание живодера из Невеля. Обратимся конкретно к казахстанскому периоду его партийных деяний. 13

сентября 1925 года Голощекин вступил в обязанности первого секретаря крайкома ВКП (б) Казахской АССР, сменив исполняющего обязанности секретаря С. Ходжанова. Все интерпретаторы тех лет сходятся в одном: личностный фактор Голощекина стал определяющим в дальнейшем развитии событий.

Человеком он был истеричным, хамоватым (ну это в порядке вещей для большинства партийных бонз тех лет) и амбициозным. Должности, которые он занимал вдали от Центра, судя по всему, не очень-то отвечали его амбициям. В Казахстан он явился этаким Бонапартом, готовым перекроить мир под себя. В одном из докладов так и заявил: «Если возьмем Казахстан до Октября - я бы назвал его доисторическим Казахстаном, - Казахстана не существовало».

По его убеждению, в казахском ауле не произошло революции, ликвидации эксплуатации, и вообще, «казахский аул не был затронут Октябрем». И он вознамерился организовать в Казахстане «малый Октябрь». На V Всеказахстанской краевой конференции ВКП (б) Голощекин, закусив удила, предложил для начала распустить Казобком и создать Временное Бюро ЦК РКП (б) на один год, «чтобы остановить дальнейшее разложение партийно-советских кадров в Казахстане и оздоровить застойную атмосферу».

Конечно, Казобком распускать не стали, до столь крайних мер дело не дошло, хотя парторганизация Казахстана отличалась некоторой экзотикой. Например, делегат партконференции Сафарбеков сообщил, что «есть ячейки, которые взимают членские взносы лошадьми», что привело Голощекина в ярость. Кстати, в то же самое время в отчетах и постановлениях Казкрайкома начинает мелькать имя Николая Ежова.

Он до этого «произрастал» в Семипалатинской парторганизации, но вот дорос до ЦК Казкрайкома

и даже был замом Голощекина - вплоть до своего отбытия в Москву на курсы марксизма в Комакадемии. Чтобы стать впоследствии главным палачом Совдепии...

Вот что пишет о Голощекине Ерлан Медеубаев в статье «Палач царской семьи и автор «малого Октября» (*«Первые лица государства: политические портреты», Алматы, 1998, с. 231-245*): «Во многом усилиями Голощекина в крайком партии была создана нездоровая атмосфера, когда межгруппировочная борьба принимала склочный характер, большая часть времени и сил партийных работников, деятелей культуры уходила на выяснение отношений. В такой обстановке, видимо, было удобнее устраивать «охоту на ведьм», навешивать на неугодных людей политические ярлыки».

Как и большинству его коллег из Центра, Голощекину не давало покоя то, что казахи кочуют, т.е. с его точки зрения «ведут допотопный феодальный образ жизни, никак не совместимый с понятиями социализма». Необходимо было в срочном порядке добиться, чтобы они перешли к оседлости. Здесь, по мнению Голощекина, альтернативы не было и быть не могло. Скотоводов надо привязать к земле и принудить к земледелию.

Ему пытались объяснить, что сделать это непросто, менталитет уномада другой. Номады считали святотатством вторгаться в лоно земли. Взрезать ее плугом, лопатой - значит, ранить тело земли. Это искони жило в душе казаха-кочевника. Тут нужна была долговременная, постепенная психологическая перестройка.

Алихан Букейханов, принимая участие в статистической экспедиции Щербины по Казахстану в 1913 году, тщательно проанализировал ситуацию каса-

тельно традиции кочевничества. И пришел к выводу: чтобы сделать кочевника оседлым, безболезненно изменить его психологию, убедить его в том, что оседлый образ жизни неизбежен, понадобится 250 лет. Кто-то из близкого окружения (Курамысов? Ерназаров? Были, были подпевалы в его окружении!) подсунул эту мысль Голощекину.

«250 лет!» - у него от бешенства вздернулся клин бороды, побагровела шея, он буквально онемел от гнева. А когда обрел способность говорить, отчеканил с металлом в голосе: «Мы сделаем это за два-три года!» Тут очень кстати подоспела коллективизация.

Надо сказать, что скотоводческое хозяйство Казахстана в течение всего предшествующего столетия подтачивалось колонизаторской политикой царизма. Строительство оборонительных линий нарушало маршруты кочевков, сокращало количество пастбищ. Для нужд переселенцев, потоком прибывающих в Казахстан (1 миллион 300 тысяч - к 1917 году), под пахотное земледелие у кочевников отрезались лучшие угодья.

Страшным бичом для скотоводов были и периодически настигавшие их джуты. В течение полувека, предшествующего 1917 году, джуты обрушивались на Степь 12 раз. Усугубляли положение непосильные налоги - они вели к обнищанию. Но налоги эти не шли ни в какое сравнение с драконовскими порядками, введенными в годы военного коммунизма и продразверстки, согласно которым Казахстан должен был поставлять ежегодно 64 тысячи тонн мяса. Скот повсеместно шел под нож.

К 1920 году количество скота в Казахстане сократилось в пять раз. Следствием этого был голод, разразившийся в 1921 году, голодом было охвачено треть населения Казахстана. Степь словно находи-

лась в глубоком обмороке. И не будет преувеличением сказать, что в канун коллективизации скотоводческое хозяйство Казахстана уже находилось на грани катастрофы, оно, можно сказать, взывало о помощи. Но реальное положение вещей мало кого интересовало в Совдепии. Большевикам «запорошила мозги» идея о тотальной коллективизации.

Впрочем, до коллективизации и последующего голода по Казахстану прокатилось несколько волн весьма крупномасштабного грабежа населения. Началом этому послужило принятие 27 августа 1928 года постановления КазЦИК и СНК Казахстана «О конфискации байских хозяйств». Ленин еще в 1919 году, отвечая на вопрос казахстанцев-делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота».

И вот в ноябре 1927 г., на VI Казахстанской партконференции, вопрос этот встал, как говорится, ребром: экспроприация баев стала неизбежной. А потому необходимо «изъятие у крупных баев части скота и инвентаря», что должно привести к «осереднячиванию» аула, развитию его производительных сил и еще большему закреплению союза пролетариата с трудящимися массами аула.

Здесь можно было бы восхититься новоязом тех лет, подивиться пустой идеологической трескотне и убогой демагогии, если бы все это не стало руководством к действию для новоявленных шариковых. Преступность большевистских деяний получила свое изощренное проявление и в том, что они сумели задействовать плебс, пробудить в нем самые темные инстинкты, поставить его на службу себе.

Разумеется, Голощекин не смог бы осуществить в

одинокую свои замыслы, тем более что за восемь лет пребывания в Казахстане он почти не выезжал на места, безвыездно сидел в столице. Ему нужны были подручные, ему нужен был покорный аульный партактив, который послушно, как по нотам, выполнял бы его директивы. И он создал этот актив в кратчайшие сроки.

Первоначально его опорой были уполномоченные, рассылаемые в аулы. На хлебозаготовки в 1928 году крайком по распоряжению Голощекина направил 4812 уполномоченных. Они были вроде бродильной закваски, подчиняя себе аульную бедноту, которая вошла в союз «Кошчи», объединивший 230 тысяч человек. Из них-то и формировались комбеды и ударные отряды, скажем так, «конфискаторов» и «коллективизаторов».

«Таким образом, в начале коллективизации, - делился своими откровениями Голощекин, - мы опирались на наших уполномоченных, на небольшой партийный и советский аппарат аула, который мы вырастили за это время, а в основном мы опирались на организованные в процессе самой конфискации бедноту и батраков, осознавших свои классовые интересы».

Все так, только в основе этого «осознания» лежала откровенная лицензия на грабеж. Первым пунктом этого грабежа была конфискация имущества баев, начавшаяся осенью 1928 года. Вслед за постановлением КазЦИК и СНК КазССР «О конфискации байских хозяйств» появляется директива «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего полуфеодалного байства».

Во всем любил размах Голощекин и первоначально наметил «прижать к ногтю» 1500 байских хозяйств, в каждом из которых было 150 голов скота. Но в ЦК,

ознакомившись с планом конфискации, его одернули, и план уменьшили вдвое, в результате конфискации подлежали те, у кого было по 400 голов скота.

Трудно представить сейчас, как это происходило и что именно отбирали. Но вот в газете «Советская степь» за 13 ноября 1928 года напечатаны цифры по Актюбинскому региону об экспроприированных «богатствах» этих баев. В 60 хозяйствах, кроме скота, были изъяты 16 юрт, 11 землянок (!), 17 единиц сельхозтехники, 26 ковров и 26 кошм. Подчеркиваю: в 60 хозяйствах! Можете себе вообразить, какое представление о богатстве было у подручных Голощекина, «осознавших свои классовые интересы»...

Конфискации подлежали 700 байских хозяйств. Но это было лишь начало. Той же осенью почти 54 тысячи хозяйств обложили повышенным налогом, их обобрали на 14,4 миллиона рублей. Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения значительная часть хозяйств, используя терминологию тех лет, «самораскулачилась», или, точнее говоря, раскрестьянивалась, уходя в города. Ведь одновременно началась кампания по хлебозаготовкам.

Надлежало заготовить 63 миллиона пудов хлеба. Чабаны вынуждены были за бесценок продавать скот и по заоблачным ценам покупать зерно, чтобы сдать его государству. Если кто несогласен... с такими разговор короток: к стенке! Так называемые «раскулачиваемые» подводились под целый ряд статей уголовного характера. При этом отсутствовало какое-либо подобие судебного разбирательства.

Все решалось оперативными «тройками», созданными в нарушение Конституции и существующих законов. За пять лет, т.е. с 1929 года, были приняты репрессивные решения в отношении 22 933 лиц, из них: к высшей мере наказания - расстрелу - приговорено

3386 человек, заключению в концлагерях на срок от трех до десяти лет - 13 151.

Ошеломленных хлебозаготовками людей весной 1929 года заставляли участвовать в посевной кампании. А чтобы они не уклонялись от этого, на сев командировано 10 045 уполномоченных. К тому времени в Казахстане возникла новая прослойка людей, состоявшая из активистов (белсенді) и уполномоченных, которые занимались узаконенным грабежом. У них были на то соответствующие «разрешительные» бумаги. Кстати, кое у кого было и оружие.

Этих жалящих и жирующих трутней было около 30 тысяч. Их действия были практически неподконтрольными, поскольку контроль был возможен лишь близ городов и вдоль железной дороги. На всем остальном пространстве Степи - ни сколько-нибудь надежной связи, ни средств сообщения не было.

Актив по сути представлял собой совокупность банд, которые пользовались крайкомовскими директивами как еще одним поводом для грабежа и злоупотреблений. Степь была охвачена вакханалией грабежей. Последним толчком к катастрофе стала голощекинская директива о «коллективизации на основе оседания». Согласно ей, требовалось ликвидировать и кочевание, и проживание в мелких аулах по 5-6 юрт.

План проведения оседания был огромный - охватить 544 тысячи хозяйств в течение трех лет. Директива эта была воспринята исполнителями не иначе как команда ко всеобщему грабежу, теперь уже повальному и повсеместному.

«Оседание» начали осуществлять в марте 1930 года. Кочевников срывали с зимовок, не считаясь с падением скота, гнали в произвольно выбранное место для «оседания», ставили в линейном порядке 300-400

юрт. Скот сгоняли рядом в один безразмерный гурт, окруженный арканом. Поить, кормить, ухаживать за ним было некому, начался неконтролируемый падеж скота.

Опять же скот надо было раздать бедноте, «осознавшей свои классовые интересы». И по возможности его раздали. Но проблемы это никак не решило. То мизерное количество скота, которое попадало в руки бедноты, не могло быть основой для самостоятельного хозяйства, и скот этот либо шел на продажу, либо пускался под нож. И потом: о каком самостоятельном хозяйстве могла идти речь в период поголовной коллективизации?

Что уж тут говорить о глубинных проблемах кочевого скотоводства, корни которых кроются в седой древности, в истории казахского народа, его традициях, смыкающихся с проблемами самого существования экосистем. Эти проблемы абсолютно не интересовали большевиков и «коллективизаторов». Но самоочевидно, что скот, варварски отнятый у владельцев и обобществленный, грубо говоря, «совершенно по-идиотски», был обречен на гибель.

Большевиков даже обескураживало столь несознательное отношение скота к идее коллективизации. «Животноводство проявляет неустойчивость при переходе от натурального хозяйства к социалистическому», - глубокомысленно констатировал Голощекин.

Скот погибал от бескормицы, отсутствия ухода. Много скота было расхищено на вполне, так сказать, «законных» основаниях тем же активом. Разумеется, все было списано на происки баев, на их злые козни. Даже то, что какая-то умная партголова предписала колхозам зимой 1930 года сдать по 10 кг шерсти с хозяйства. Овец в лютые морозы подвергли стрижке,

и несознательные овцы, понятное дело, простыли и сдохли.

В 1927 году в Казахстане было около сорока миллионов скота, к 1932 году осталось пять миллионов, то есть в восемь раз меньше! Коней было три с половиной миллиона, осталось 300 тысяч. Верблюдов было более миллиона, осталось 63 тысячи...

И грянул не голод, голодомор. Толпы голодающих из вымерших и вымирающих аулов потянулись в голодные города. Города оказались окруженными кольцом из трупов, и на улицах городов тоже лежали трупы людей. Голод 1931-1932 годов унес 1 миллион 800 тысяч жизней, вымерла треть нации. В октябре 1932 года, когда Степь была погружена в пучину голода, Голощекин устроил «пир во время чумы»: провел помпезное празднование 12-летия республики.

«В течение трех лет коллективизации, - пишет Валерий Михайлов в документальной повести «Великий джут» («Хроника Великого джута»), вышедшей уже третьим изданием у нас в стране, - Голощекин совершил в Казахстане то же самое, что Пол Пот в свое время сделал в Кампучии. До революции казахи были самым многочисленным этносом среди тюркских народностей азиатского материка. Если бы не геноцид казахского народа, устроенный Советской властью, казахов сейчас было бы 40-50 миллионов. То, что сотворил Голощекин в Казахстане, сравнимо с джунгарским нашествием».

Особо следует сказать о «заслугах» Голощекина в истреблении представителей казахской интеллигенции. Магжан Жумабаев, Мыржакип Дулатов, Ахмет Байтурсынов - сколько светлых умов ушло в небытие в те злосчастные годы!.. У Голощекина и здесь все шло по плану. Он писал Сталину, что необходимо «уничтожить оставшуюся интеллигенцию, еще раз изме-

нить казахский алфавит; таким образом, подрастающее поколение не будет иметь возможности читать историю своего народа». В ответном письме Сталин этот план одобрил: «Товарищ Голощекин! По-моему, упомянутая в служебном письме политика в основе единственно верная».

В связи с этим представляется крайне любопытным следующее. В феврале 1976 года по чьей-то инициативе ЦК Компартии Казахстана принял решение праздновать 100-летие со дня рождения «товарища» Голощекина. Помнится, в «Казправде» даже появилась величальная статья. Оставляю факт без комментария.

Чем же завершилась жизненная эпопея нашего «доброего друга» из Невеля? Москву «бомбардировали» письмами о голодоморе в Казахстане. И в какой-то момент пренебрегать ими стало уже невозможно. Летом 1933 года верного ленинца (и сталинца!) отзывают в Москву. Здесь, как свидетельствуют биографы, его ждала жизнь партийного бонзы второй величины: квартира в центре Москвы, казенная машина, приличная должность главного государственного арбитра при СНК СССР. И хотя вокруг свирепствовали репрессии, которые не обходили стороной многих заслуженных большевиков, это не касалось Голощекина. Еще бы! Во главе НКВД стоял всемогущий на тот момент Ежов, соратник и друг Голощекина по Казахстану.

Но, как говорят, «Бог шельму метит». Пришел срок, и отлаженная Ежовым машина репрессий поглотила самого Ежова, а пришедший ему на смену Берия был мало знаком с Голощекиным. И, очевидно, решил познакомиться ближе. Ранним утром 15 октября 1939 года главный государственный арбитр Филипп Голощекин был арестован. Обвинения традиционные:

сочувствие «троцкизму», подготовка террористического акта. То есть, как это против кого? Разумеется, против вождя всех времен и народов.

Припомнили ему и «перегибы» в коллективизации - это тоже годилось в дело. В общем, получился солидный пакет обвинений, вполне достаточный, чтобы приговорить к высшей мере. Прекрасно осознавая всю опасность ситуации, «добрый друг» из Невеля ищет заступничества у вождя. У нас в руках редкий документ - копия письма Голощекина Сталину. Оно стоит того, чтобы его процитировать.

«Лично.

Вождю народов секретарю ЦК ВКП (б)

И.В. Сталину.

от Филиппа Исаевича Голощекина

(подследственный Бутырской тюрьмы)

Заявление

С полной суровой ответственностью заявляю Вам, Великий Сталин, и в Вашем лице ЦК ВКП (б) и Правительству СССР о том, казалось бы, невероятном чудовищном факте, однако совершенно верном и несомненном факте. Несмотря на то, что я, Филипп Голощекин, в течение 36 лет (т.е. с 1903 г. моего вступления в партию до 15 октября 1939 г., когда я был арестован) был верным, честным, преданным членом великой Ленинско-Сталинской большевистской коммунистической партии; несмотря на то, что на всех этапах истории партии я был в передовых рядах в борьбе со всеми врагами рабочего класса, врагами Советской власти и социализма, врагами большевизма и Ленина - Сталина; несмотря на то, что в соответствии с этим я был активным участником в строительстве большевистской партии, Советской власти и социа-

лизма, несмотря на все это я, на советской, на большевистской земле 15 октября 1939 г. был арестован, сижу в тюрьме уже 22 месяца, в том числе 12 месяцев испытывал суровейший режим Сухановской тюрьмы, прошел испытание до 140-150 физически и морально мучительных допросов... За что? Ведь лживость и клеветнический характер показаний против меня врагов народа Ежова, Сафарова и Голубова видны невооруженным глазом...

Моя просьба диктуется еще и тем, что я рассматриваю свое дело не только как личное дело. Что касается меня лично, то моя просьба диктуется желанием бороться за правду и восстановить свое честное партийное имя, чтобы иметь возможность остаток дней моих (мне 66 лет и лишение свободы, тюрьма и следствие укоротили мою физическую жизнь) совместно с великой большевистской партией под руководством ЦК ВКП (б) и Великого Сталина жить и бороться за победу дела Ленина - Сталина в нашей стране и во всем мире. Глубоко убежденный, что большевистская правда победит.

Пишу Вам впервые лишь только потому, что за все время пребывания в тюрьме эта возможность мне представлена в первый раз.

Филипп Голощекин.

12.VIII- 41 г. Бутырская тюрьма, камера 224.

Во имя того, что я не случайный человек в партии, что дело мое не имеет только личный характер, прошу Секретариат И.В. Сталина доложить мое заявление лично Сталину».

Если письмо и дошло до адресата, то по логике, присущей вождю, оно лишь усугубило положение подследственного. Осенью 1941-го, когда фашисты оказались на подступах к Москве, наиболее именитые сидельцы Бутырки были срочно переправлены в Куй-

бышев. И уже здесь 28 октября без суда и следствия по одному лишь распоряжению Берия расстреляны в пригороде Куйбышева, поселке Барбош.

Берия, конечно, не голубь сизокрылый, но, как не без мрачного юмора заметил Дмитрий Верхотуров в статье «Следы великого джута», можно было бы поставить небольшой памятный бюст Берии с табличкой «Лаврентию Берия за расстрел Голощекина». Так уж вышло, что он отомстил за голодную смерть почти половины казахского народа.

ЛЕВОН МИРЗОЯН. НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

На его долю выпала сложнейшая задача - спасти уцелевший после голощекинского разбоя народ Степи от окончательной гибели, а попросту - от голодной смерти. Но прежде чем приступить к повествованию о Левоне Мирзояне, я счел необходимым пополнить копилку скупых, в общем-то, сведений об этой незаурядной - да что там! - выдающейся личности посредством Интернета. И среди благодарных отзывов об этом достойном человеке вдруг «налетел» на мнения, от которых отшатнулся, как от чумы.

Там бестрепетной и небрежной рукой был поставлен жирный знак равенства между Голощекиным и Мирзояном. Что они, мол, «одного поля ягода, в гробу мы видели таких благодетелей казахского народа». Там была еще та лексика, обнаруживающая в этих людях и возраст их, и убогий кругозор мыслителей-новобранцев из той категории, что слышали звон, да не знают толком, откуда он.

Уже то, что они, походя, спутали Микояна с Мирзояном, характеризовало их достаточно полно. И можно было бы их мнением пренебречь, но на сайте, приглашающем к дискуссии, они были так напористы, так нетерпимы к любому возражению, что, видно, не

один я обратил внимание на этих бравых джигитов, к слову сказать, анонимных (такие времена!) а потому упивающихся своей вседозволенностью и безнаказанностью.

Тем не менее, не столько в пику им, сколько в порядке деловых комментариев на дискуссионном сайте появилась сжатая, но убедительная биографическая справка политолога Досыма Сатпаева о Мирзояне, которая с исчерпывающей полнотой давала понять людям некомпетентным и просто не знающим, как много сделал Мирзоян для Казахстана.

В ответ все те же оппоненты продолжали упорствовать в своем неприятии Мирзояна. Причем, все в том же лексическом русле и с набором все тех же аргументов, которые сродни если не лому, то фомке, вскрывающей любые хитроумные замки.

Полную ясность в эту невольную дискуссию о первом секретаре Казахского крайкома партии, а затем и ЦК КП (б) Казахстана в 1933-1938 гг., была, видимо, призвана внести появившаяся вскоре на сайте основательная, хорошо аргументированная статья о Мирзояне доцента Таразского госуниверситета Тельмана Достанбаева. Но и она, став мишенью для наших лихих «ниспровергателей авторитетов», лишь добавила толику хамства в их суждения. Плюс ко всему в их тирадах возник и откровенный националистический душок.

Было понятно, что это классический случай, когда один глупец может задать такие вопросы, на которые не найдут ответа и сто мудрецов. Но я понимал и то, что выросло новое поколение, не знакомое с кровавыми перипетиями не столь уж далеких эпох. Поколение, нуждающееся в том, чтобы ему разъяснили многие факты и судьбы, сопряженные с истинами, которые для нас кажутся азбучными. «Тем более,- подумал я,- мы должны - просто обязаны! - рассказывать

подробнее и чаще о таких людях, как Мирзоян, чтобы светлый облик их не таял за далью времени и не покрывался патиной забвения».

Ну да Аллах с ними, с этими неразумными малыми. Но вот если люди с научными степенями и учеными званиями вдруг начинают всерьез рассуждать о гениальности Сталина-кадровика, о том, что именно его назначенцы... и в частности, Голощекин, удивительно точно появились тогда и там, где надо, что именно такой человек именно в Казахстане был уместен в те годы и даже необходим... Причем, говорят об этом не какие-то там пришлые, сторонние люди, а мои соотечественники, мои единокровные братья и сестры - казахи, у которых голодомор оставил неизгладимый след в генетической памяти, едва не перечеркнув казахов как этнос...

Я покидаю поле какой бы то ни было дискуссии по этому вопросу. Ибо такая дискуссия лежит вне той системы координат элементарной логики и нравственности, которой я придерживаюсь всю свою сознательную жизнь. А что касается гениальности Сталина-кадровика, то он и впрямь вел огромную работу по селекции кадров. Достаточно посмотреть на расстрельные списки с его резолюцией к исполнению. Там действительно значатся лучшие кадры эпохи. И еще при этом мне вспоминаются слова Карла Маркса, который дал точное определение феномену некоторых тиранов новейших эпох. «Наше время отличается тем,- сказал он,- что плеть воображает, будто она гениальна».

Но продолжим о Мирзояне. Это был, пожалуй, единственный случай, когда Коба прислал в Казахстан единственно нужного в тот момент Казахстану человека. Видно, в его сверхмнительном аппарате мышления произошла все-таки какая-то подвижка, и он решил не губить до конца степной народ, над ко-

торым так долго экспериментировал, приучая его к оседлости и заставляя перешагнуть из феодализма в социализм, минуя ненавистную стадию капитализма.

Он потом, чуть позже, отыграется на других народах - корейцах, ингушах, чеченцах. Ему очень хотелось применить в социальной и в этнической сфере опыты придурковатого экспериментатора от науки Лысенко, который, фигурально выражаясь, «гвозди забивал микроскопом», не удосуживаясь заглянуть в него. И не только умудрился «запретить» генетику, но уморил голодом в Саратовской тюрьме выдающегося ученого Николая Ивановича Вавилова, генетика, растениевода, создателя научных основ селекции, мечтавшего накормить человечество хлебом. В науке Лысенко смыслил как раз на уровне, доступном и понятном вождю. Так что Иосиф Виссарионович был еще тот кадровик.

Сталин ревниво, внимательнейшим образом наблюдал за Мирзояном. Армянин, родившийся в Азербайджане, Мирзоян прошел здесь школу революционной борьбы, а потом и школу советского парторботника и хозяйственника. В партию большевиков он вступил в 1917 году, когда ему исполнилось 19 лет. Его отличала редкая цельность характера и самостоятельность суждений. Он был верным ленинцем, но директивы партии, ее установки для него не были догмой. Мирзоян следовал им до той грани, где они не начинали ущемлять жизненные интересы простого человека. «Коммунист - совесть эпохи, если он думает о народе, - считал Мирзоян. - Если коммунист о народе не думает, нам с таким коммунистом не по пути».

Не нравилась такая позиция Сталину, никак не нравилась, но он вынужден был терпеть Мирзояна до поры до времени - уж очень опытным и удачливым тот был партийцем-организатором. В том числе, когда вел профсоюзные дела на республиканском уровне

в Азербайджане, что было крайне важно, потому что нефтяники Баку были одним из пролетарских оплотов Советской власти на Кавказе.

Авторитет Мирзояна был столь высок, что его сочли нужным выдвинуть на должность наркома труда, а потом и на пост секретаря ЦК Компартии Азербайджана, и он в этой ипостаси сумел проделать наисложнейшую, филигранную работу по организации Нагорно-Карабахской автономной области. Коба понимал, как непросто было это сделать, и про себя не без опаски дал высокую оценку организаторским способностям Мирзояна.

Его было перевели секретарем Уральского обкома партии, тоже являвшегося одним из пролетарских оплотов. Но тут понадобилось срочно отозвать из Алма-Аты Голощекина. Судя по крайне тревожным письмам, идущим из Казахстана, Филипп Исаевич явно переусердствовал в своих бескомпромиссных крайних мерах.

Степняки не выдерживали столь резких социальных перемен в своей судьбе и по недоразумению стали массово вымирать. Надо было их как-то удержать от несознательных смертей. Тут нужен был опытный, верный партиец, однако умеющий проявить и гибкость, и предельную чуткость к людям, попавшим в беду. Нужна была скорая помощь, для этой миссии Мирзоян подходил идеально.

Правда, на XVII съезде он голосовал за Кирова - при мысли об этом Кобу корежило. Он всегда будет помнить состояние невесомости, которое пережил в те минуты, часы и дни. Понадобились нечеловеческие усилия, невероятная «эквилибристика» с подсчетом голосов, но все сложилось таким образом, что в результате он, Коба, одержал верх. И сумел вычислить всех - всех до единого! - кто голосовал против.

«Они что, не понимали, чем это обернется для каж-

дого из них? Ишь, какие умные выискались! Он окоротит им умы. Прокруст в Древней Греции был не так уж глуп, как это хочется думать демосу... Но пусть пока поживут, поработают на благо партии. Их час придет». Такие вот, тяжелые, в общем-то, думы омрачали душу кремлевского небожителя, который попыхивая трубкой, неслышно шагал в мягких сапожках по своему кабинету...

Левон Мирзоян приехал в Алма-Ату зимой 1933 года. Стояла февральская слякоть, типичная для зимы в Алма-Ате. Панорама величавых гор согревала душу кавказца. Но до чего же убогим и захолустным показался ему этот городишко, который по статусу был столицей автономии, явно этому не соответствующая. Антисанитария вопиющая.

«Ужас, что из себя представляет Алма-Ата... это паршивенькая деревенька, и, конечно, в несколько раз хуже любой северо-кавказской станицы, - писал он Лазарю Кагановичу. - Помещений нет, народу негде жить, работники разбегаются, света нет - приходится работать при керосиновых лампах...

В городе нет ни одного общественного здания, где можно было бы собрать больше 300-400 человек; нет театра, нет ни одного клуба, кроме Дома Красной Армии. До сих пор в Алма-Ате не построено ни одного специального здания для кинотеатра. Больничная сеть города осталась в том же виде, как она была в старой Алма-Ате (добавлено несколько временных бараков)...

В городе гостиниц нет, а существуют старого типа заезжие дома на 70 номеров, из которых более половины занято постоянными жильцами. Новые здания в городе, естественно, проектируются с водопроводом и канализацией, а между тем канализации в городе нет. А когда ставишь вопрос о том, что надо строить, то все приводят десятки доводов о невозможности этого...»

Он умел заряжать людей позитивной энергией, нацеливать их на реальные дела. У тех, кто ему возражал, очень быстро исчерпывались доводы «против». Уже в том же 1933 году было закончено строительство водопровода, проведена канализация, Открылись четыре общественных бани, три гостиницы. А через год в центре города высился Дом связи, образец стиля конструктивизма. Годы спустя горожане будут чтить Главпочтамт как памятник архитектуры. Строились жилые дома, появился трамвайный маршрут, приступили к планированию троллейбусных линий. И уже наметили место, где будет построен Театр оперы и балета.

Мирзоян долго вглядывался в макет будущего Дворца, он был поистине прекрасен, он сочетал в себе душу кочевника и классические образцы архитектуры Древней Греции. К тому времени, когда Казахстан из автономии был преобразован в республику, Мирзоян не без радости думал о том, что этот город у подножия гор вполне отвечает статусу столицы союзной республики. Он полюбил и строгую геометрию улиц, и возносящиеся к небу ряды пирамидальных тополей, и беззаботное журчание арыков вдоль проспектов.

Он прировнился к холодным майским грозам и к июльскому полдневному зною, полюбил, подобное половодью, обильное бело-розовое цветенье садов и легкий ветерок, несущий прохладу с горных ледников. А золотая осень была здесь задумчивой и долгой.

Под ногами шуршали узорчатые ковры палых листьев, попыхивая горьковатым дымком, неспешно курились то там, то сям костерки из пожухлой листвы. И в небе над городом порой пролетал неровный журавлиный клин, бередя сердце печальным курлыканием, которое никак не состыковывалось с маршем энтузиастов.

Но без этого журавлиного клина и социализм едва

ли будет полным. И даже февральско-мартовская слякоть была уже не в тягость, не размагничивала, а напротив своим пронизывающим холодком вселяла бодрость и настраивала на деловой лад - в духе директив из Центра.

Он старался не вспоминать те дни, когда только что приехал в Казахстан. Вспоминать было страшно. Умиравшая от голода Степь, заваленные трупами города. Весной с невероятными усилиями, надрывая жилы, удалось провести вспашку. Надо было сеять, но доверить умирающим с голоду людям семенное зерно было невозможно. Сеяли с самолета.

На свой страх и риск Мирзоян стал раздавать людям скот. За три года колхозникам было роздано 1 миллион 117 тысяч голов скота. Смерть отступила, народ стал оживать. И природа, видно, тоже решила помочь людям: в 1934 году уродился небывалый урожай, он позволил накормить не только Казахстан, но и города России. «Посмотрите-ка: этому Мирзояну и тут повезло», - мрачно думал Коба. - Оргвыводы мы уже сделали,- размышлял он,- но спешить не будем. То, что надо сделать, мы сделать успеем».

А Мирзоян во время поездок на места, встречаясь с людьми, вглядывался в лица степняков. Они казались непроницаемыми. Пройдя сквозь муки почти небытия, люди разучились проявлять свои чувства.

Он понимал: конечно, сытой жизнь не назовешь, но люди снова впряглись в работу. Им бы вернуться к былой кочевой жизни, но тот скот, которым он смог их наделить,- это капля в море. По существу, у них теперь не было скота, не было юрт, другого необходимого имущества. И поумирали старики, знавшие секреты кочевой жизни. А те, кто не умер, кто остался в живых, пытались научиться жить новой бескрылой жизнью, и жизнь эта была подобна небытию. Но жили. Потому что на голодную смерть уже насмотрелись досыта.

«И все-таки они потомственные скотоводы, - думал Мирзоян. - Со временем зов крови даст знать о себе, мастерство скотовода обретет былую силу, и тучные стада вновь заполнят степь. А пока... он прилагал все силы, чтобы в степи укоренилось зерновое хозяйство.

С казахами он разговаривал на казахском. Запомнилась встреча с чабаном во время поездки по району близ Аулие-Аты. Неподалеку от дороги Мирзоян увидел небольшую отару, рядом с ней верхового. Попросил шофера притормозить. Пошел в сторону отары. Под ногами хрустел курай, сквозь который пробивалась жидкая травка. Чабан тоже заметил его, спешился, пошел навстречу.

Мирзоян протянул ему руку:

- Ассалаумағалейкүм! Мал-жан аман ба? (мол, «как дела? Здоров ли скот, здоровы ли близкие?..»)

Чабан при звуках родной речи от незнакомого человека, явно не казаха, на миг опешил. В его заскорузлом, продутом ветрами и лихолетьем лице что-то дрогнуло. Он двумя ладонями взял руку незнакомца, бережно пожал ее:

- Рахмет, мырза. Құдайға шүкір!

И в этом почти безжизненном лице вдруг что-то затеплилось, мелькнуло узнавание. Чабан понял, кто перед ним. Он, как и все в Степи, был наслышан об этом человеке. И вдруг чабан добавил чуть слышно:

- Рахмет, мырза-жан, явно вкладывая в эти слова нечто большее, чем просто приветствие.

Вот это «мырза-жан» было для Мирзояна дороже всех наград и почестей, которых его удостоивали где бы то ни было и когда бы то ни было. Кстати, он ведь одним из первых среди партийцев был удостоен ордена Ленина.

Приехав в Казахстан, Мирзоян в кратчайшие сроки оценил ситуацию и с самого начала выбрал приоритетными три направления, требовавшие неотложно-

го внимания: сельское хозяйство, промышленность и культуру. Был пересмотрен устав и состав сельхозартелей в скотоводческих регионах, передано в индивидуальное пользование колхозникам значительное количество скота. Главное - нужно было остановить голодомор, прекратить разбой комбедов, снять с людей удавку, накиннутую Голощекиным.

Степь начала оживать... Были введены в строй действующих Чимкентский свинцовый завод, Балхашский медеплавильный и Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинаты, Актюбинский химкомбинат, закладывались новые нефтяные скважины на Эмбе, началось освоение Джезказганского медно-рудного месторождения... Мирзоян поднял вопрос о развитии обрабатывающей и перерабатывающей промышленности. Казахстан необходимо было выводить из разряда простых сырьевых приделков.

Сталин настороженно относился к интеллигенции, которая видела лучше других ошибочность его постулатов. Мирзоян понимал, что без интеллигенции никакого движения вперед быть не может, а потому постоянно оказывал ей внимание и поддержку. При нем был подготовлен и проведен первый съезд писателей Казахстана. Создан Казахский музыкальный театр, ставший впоследствии театром оперы и балета, появилась Казахская госфилармония, открылся Республиканский русский драмтеатр, а Казахский драмтеатр именно тогда обрел статус академического.

Созданная в 1932 г. Казахстанская база Академии наук СССР, которая первоначально имела в своем составе два сектора - зоологический, ботанический и Ботанический сад в Алма-Ате, в 1936 г. приняла под свое крыло Казахский НИИ национальной культуры, включавший секторы казахского языка и литературы, народного творчества. В 1938 г. база была преобразована в Казахский филиал Академии наук СССР, в

1936 году состоялся первый выпуск медицинского института.

В мае 1936 года прошла первая Декада литературы и искусства Казахстана в Москве, мир узнал Жамбыла, Куляш Байсеитову. Был «реабилитирован» и вернулся в духовную жизнь казахов великий Абай. Во многих областях появились вузы, работу которых курировал сам Левон Исаевич.

При Мирзояне начали работать сотни школ в казахских аулах. Кстати, этого ему Сталин тоже простить не мог, обвинив в казахском национализме... А в марте 1937 года X съезд Советов республики принял Конституцию Казахской ССР, разработанную под руководством Левона Мирзояна. Он любил Казахстан, называл его солнечным батыром.

Между тем механизм репрессий делал новый виток. К концу 1937-го сместили с постов и расстреляли как врагов народа почти всех первых руководителей республик и областей. Расстрельные списки поступали из Центра. Наши сегодняшние «добрые друзья» Мирзояна всячески навязывают нам мысль о том, что Левон Исаевич был причастен к этим зловещим спискам, хотя конкретных фактов привести не могут. А вот то, что он многих людей в Казахстане спас от репрессий, общеизвестно.

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Левон Исаевич Мирзоян пытается уменьшить число жертв, но НКВД был всемогущ и ему никак не подвластен. И все-таки... ему удалось спасти великого Мухтара Ауэзова, он предупредил его о возможном аресте и настоял на незамедлительном отъезде из Алма-Аты. Только себя он уберечь не смог...

В 1938 году Мирзоян отправил телеграмму на имя Сталина и Молотова, в которой выразил свое несогласие с решением переместить корейцев (переселенных в 1936 году из Приморья) в северную часть

республики, где они не могли бы заниматься рисо-водством. Кобу взбесила эта телеграмма. И он вновь с одобрением вспомнил о Прокрусте.

Перед началом первой сессии Верховного Совета СССР первого созыва Мирзоян на приеме у Сталина и Ежова высказал накопившиеся сомнения по поводу методов работы НКВД. «Выводы» были сделаны незамедлительно. 15 мая 1938 года он получил телеграмму: «В трехдневный срок сдать дела исполняющему обязанности секретаря Скворцову Николаю Александровичу, выехать в распоряжение Политбюро. Сталин». Ну, лопнуло терпение у Кобы...

До Москвы Мирзоян не доехал. На станции Раменское его сняли с поезда. А дальше - обвинение в троцкизме, антисоветском заговоре, казахском национализме... Ну, и так далее. Этим, пожалуй, можно было бы и завершить, но нахожу уместным привести здесь один из немногочисленных документов, раздвигающих рамки моего повествования.

Из воспоминаний Михаила Шрейдера, замнаркома внутренних дел Казахстана:

«Уже рассветало, когда начальник внутренней тюрьмы Миронов поместил меня в камеру, где кроме меня было уже три человека.

Один из них, Григорий Якубович, лежа на постели, с ожесточением вгрызался в огромную сырую луковицу, нос и щеки его были измазаны соком. Я хорошо знал Якубовича как руководящего работника УНКВД Московской области... Фамилию второго заключенного не помню. Это был бывший сотрудник НКВД в звании капитана. Третьего я не узнал, но он вдруг обратился ко мне и едва слышно произнес:

- Как, и ты тоже попал?

А потом, видя, что я с недоразумением смотрю на него, добавил:

- Ты что, не узнал меня? Я - Мирзоян! - и заплакал.

Присмотревшись внимательно, я обомлел: передо мною сидел на койке согнувшийся старик, худой, как скелет, обросший седой щетиной, с провалившимися глазами. Это был первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Леон Исаевич Мирзоян, с которым мы последний раз виделись в Алма-Ате 1 Мая 1938 года. Тогда он был здоровым и цветущим человеком, веселым, жизнерадостным, преданным партии и Сталину. Когда я взял Мирзояна за руку, то почувствовал, что у него не было сил ответить на мое рукопожатие...

Наши встречи с Мирзояном носили чисто служебный характер. Я бывал у него в кабинете, докладывая о милицеских делах, несколько раз слышал его выступления на заседаниях Бюро ЦК КП Казахстана и других совещаниях и собраниях. У нас с ним было несколько конфликтов в связи с введением паспортного режима. Кроме того, когда я узнал от Реденса, что на него по заданию Москвы подбирают материал, я старался поменьше сталкиваться с ним, но все же наши отношения были нормально деловыми.

Здесь, в камере, общее горе сразу сблизило нас, и мы подружились. Прежде всего, Мирзоян поинтересовался, не знаю ли я чего-либо о судьбе жены и детей. Но, к сожалению, я ничего не знал. Затем он рассказал, как, получив на руки решение ЦК за подписью Сталина об освобождении его от должности первого секретаря ЦК КП Казахстана и отозвании в распоряжение ЦК ВКП (б), он с семьей в отдельном вагоне со своей личной охраной выехал в Москву.

Когда поезд прибыл в Куйбышев, к нему в вагон вошли местные работники НКВД и предъявили ордер на арест. Сопровождавшие его работники охраны, жена и дети были выведены из вагона, а он в этом же вагоне под охраной куйбышевских чекистов был доставлен в Москву и прямо с вокзала привезен в Лефортовскую тюрьму.

В тюрьме его с первого же дня начали зверски из-

бивать, требуя показаний о его шпионской деятельности и о том, что он якобы вел переговоры с англичанами об отделении Казахстана от СССР, а также о подготовке им террористического акта против Калинина, когда последний в дни празднования 15-летия Казахской ССР приезжал в Алма-Ату на торжества и жил несколько дней на квартире у Мирзояна. (Во всех этих фальсифицированных обвинениях чувствовалась характерная для ежовских следователей «железная логика».)

Затем Мирзояну предъявили обвинение в том, что он еще готовил террористические акты против Сталина и Ежова. На его требования, чтобы его связали со Сталиным, следователи отвечали бранью и еще сильнее его избивали.

Однажды во время допроса в кабинете следователя появился Ежов, к которому Мирзоян обратился с жалобой на методы следствия, просил разобраться во всем и прекратить пытки.

- Товарищ Сталин приказал оставить тебе целой только кисть правой руки, чтобы ты мог подписать показания о своей вражеской деятельности, - заявил Ежов. - Учти, Мирзоян, что указания Иосифа Виссарионовича будут выполнены с точностью!

Мирзояна зверски избивали, от ударов по голове у него были повреждены барабанные перепонки, так что он едва слышал. По нескольку дней его держали на допросах стоя. Следователи менялись, а он продолжал стоять, ноги распухали, и он падал, теряя сознание. Тогда его обливали водой, приводили в сознание, а затем опять продолжались избиения, издевательства и пытки. Наконец, не выдержав пыток, Мирзоян подписал то, что от него требовали.

Через несколько дней его снова вызвали на допрос, и он был поражен, увидев Берию, окруженного совершенно новыми следователями... Мирзоян знал

Берию по прошлой работе в Закавказье, где они не ладили между собой, однако Мирзоян в первое мгновение (так же, как и я) порадовался, увидев Берию, так как надеялся через него дать знать о себе Сталину и добиться правды. Поэтому он сразу же стал рассказывать Берии, что его страшно пытали и все подписанное им является ложью.

- Мы давно знали, что ты старый шпион, провокатор и мусаватист, - ответил Берия. - Так же как знаем твою грязную роль в расстреле двадцати шести бакинских комиссаров. Поэтому нечего выкручиваться, а не то снова будем бить!

- Чему угодно я могу поверить, Лаврентий, - забыв, что он подследственный, сказал Мирзоян, - но только не тому, что ты веришь в то, что говоришь!

- Какой я тебе Лаврентий, мерзавец! - крикнул Берия. - Обращайся, как полагается преступникам, а если ты забыл, как надо обращаться, тебе поможет Богдан.

Обернувшись к Кобулову, распорядился:

- Продолжайте допрос! - и вышел из кабинета. Кобулов набросился на Мирзояна с оскорблениями и побоями. Кобулову помогали человек пять крепких парней, которые били Мирзояна резиновыми палками, причем, зная, что у него больные почки, нарочно били по пояснице и другим самым уязвимым местам. Снимали с него ботинки и били по голым пяткам. (Это, кстати сказать, был один из новых методов избиения, введенный Берией, видимо, заимствованный из китайской практики. Удары по пяткам вызывали острую боль и не оставляли никаких следов.) Несколько раз вызывали какого-то врача, который, проверив пульс, цинично заявлял: «Можно продолжать!» и уходил.

Со дня прихода в НКВД Берии Мирзояна допрашивали почти ежедневно. Несколько раз на допросах

присутствовал Берия и лично избивал его. На одном из допросов Берия потребовал, чтобы Мирзоян рассказал, как им были завербованы в террористическую организацию его шурина Тевосяна, в то время член ЦК ВКП (б), и бывший уполномоченный по Казахстану Москатов. Мирзоян долго сопротивлялся, но, будучи доведен побоями и пытками до отчаяния, подписал показания против Тевосяна и Москатова, а также и все ранее данные ложные показания.

После этого его на некоторое время оставили в покое, а затем снова вызвали на допрос, и Кобулов, а также и сам Берия начали кричать на него:

- Ты провокатор! Почему ты оклеветал честных людей? Зачем ты, сволочь, оговорил Тевосяна и Москатова? Напиши, что ты их сознательно оклеветал!

На первых порах Мирзоян не хотел отказываться от показаний на Тевосяна и Москатова, боясь новой провокации, но его опять побоями и пытками принудили подписать отказ...

Когда Мирзоян подписал новые «выбитые» у него показания, что он умышленно оклеветал Тевосяна и Москатова, Берия заявил ему:

- Скоро приедут из Политбюро. Ты должен им рассказать, как оклеветал Тевосяна и Москатова, и признаться во всех своих шпионских и контрреволюционных действиях. Учти, если будешь фокусничать, мы с тебя шкуру снимем! Ведь ты - не дурак? Сам понимаешь: они уедут, а ты останешься с нами.

Приблизительно через полчаса после этого предупреждения в кабинет, где находился Мирзоян, вошли Молотов, Маленков и Каганович. Они, конечно, прекрасно видели, в каком ужасном состоянии был Мирзоян, но сделали вид, что все в порядке, и задали Мирзояну несколько вопросов: зачем он оклеветал Тевосяна и Москатова? С какого времени он начал свою шпионскую и троцкистскую деятельность?

Желая скорее покончить счеты с жизнью и будучи напуганным угрозами Берии о новых пытках, которых он уже не в состоянии был выносить, Мирзоян невнятно пробормотал все, что от него требовали. Потом, видя, что процедура допроса заканчивается, и члены Политбюро вот-вот уедут, Мирзоян все же не выдержал и обратился к Молотову:

- Вячеслав Михайлович, меня страшно пытали... - не смог продолжать далее и зарыдал.

- А что же с такой сволочью, как ты, целоваться, что ли? - бросил реплику Каганович, и все присутствующие, в том числе Молотов и Маленков, усмехнулись этой «остротой».

После этого Мирзояна вынесли из кабинета и отправили в камеру. Сам ходить он уже давно не мог, у него были перебиты чуть ли не все ребра.

В одной камере вместе с Мирзояном мне пришлось просидеть более двух с половиною месяцев. Он почти не мог вставать и поднимался с огромным трудом, с моей или с чьей-нибудь помощью, причем, каждый шаг вызывал у него ужасные боли, доводившие его до истерического плача. При мне Мирзояна еще пять или шесть раз выносили на носилках на допросы, каждый раз требуя показаний на других работников. 27 или 28 января 1939 года меня вызвали с вещами, и я с грустью распрощался с Мирзояном, с которым мы за два с половиной месяца очень подружились.

- Ну что ж, брат, наше дело, видимо, конченное, - напутствовал меня Мирзоян. - Встретимся на том свете!..»

В последнем слове у него хватило сил сказать: «Я 22 года честно служил партии и народу... никогда интересов партии не предавал, клянусь своим последним вздохом и жизнью своих детей, что врагом партии и народа не был». Но кто его слушал? Разве что Вечность. 26 февраля 1939 года Левон Исаевич Мирзоян был расстрелян.

В 1956-м он был реабилитирован и восстановлен в партии. По решению Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева за большие заслуги перед казахским народом в Актобе установлен памятник Мирзояну на одноименной площади и улице. Есть улица Мирзояна и в Алматы - городе, который он искренне любил и для которого сделал так много доброго. Впрочем, как и для всего Казахстана.

НИКОЛАЙ СКВОРЦОВ. ГЕННАДИЙ БОРКОВ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯМ

В конце апреля 1938 года Николая Скворцова, в пожарном так сказать порядке, командировали в Алматы. Он работал завотделом в аппарате ЦК и привык с готовностью выполнять любое задание партии. У него было безукоризненное для партийца крестьянское происхождение. Родился в Астраханской губернии на излете XIX века, в 1899 году. Революцию встретил бойцом Красной гвардии. Участник гражданской войны, большевик с 1919 года, он был из тех, на ком держалась партия, беспрекословно выполнял любое партийное поручение.

Назначили военкомом штрафной части в Астрахани, он без звука взвалил на себя эту непростую ношу. Велели стать зампредом уездной комиссии по борьбе с бандитизмом, он, невзирая на опасность, с готовностью подставил свое плечо. Приказали стать командиром кавалерийского отряда, Николай Скворцов - сама храбрость и удаль.

Что там еще, где он нужен партии? Надо речь произнести на митинге? Что ж, он готов, используя большевистскую риторику тех лет, «бросить в массы пламенное слово», разъясняя последние директивы ЦК. Заведовать уездным агитпропом? Пожалуйста! Воз-

главить народное образование в уезде? Возьмемся за дело, друзья! И так вплоть до зампреда исполкома одного из Астраханских округов

Годам к тридцати он понял, что истинным коммунистом может считать себя лишь тот, кто «обогатил свою душу всеми знаниями, выработанными человечеством». Всеми не всеми, а надо было окончить какой-то вуз. И Николай Скворцов с 1930 по 1933 год был студентом Московского планово-экономического института. Уже тогда его привлекли к работе в ЦК ВКП (б), для начала на должность инструктора.

Оценив его рвение в работе, Скворцова назначают руководителем группы, а затем и заведующим сектором учета кадров Отдела руководящих партийных органов. В этой должности он пребывал до 1938 года и, конечно, знал все «подковерные» кадровые дела в областях и республиках. Усвоил он и негласные законы, которым подчинялась партийная номенклатура. С предельной осторожностью ходить по коридорам власти, не высовываться, не тянуть одеяло на себя и, как говорят украинцы, «поперек батьки не лезть в пекло».

Разумеется, он видел (не мог не видеть!) разгул репрессий, не без содрогания думал о тех, кто попал в «ежовые рукавицы», и, как большинство партийцев, втайне надеялся, что его минет чаша сия. Конечно, он понимал, что над Мирзояном сгущаются тучи, что скорый финал неизбежен. Но едва ли предполагал, что именно ему, Николаю Скворцову, придется войти новым хозяином в кабинет Мирзояна.

На Красной площади в Москве шли приготовления к Первомайскому параду, из репродукторов лились бравадные шлягеры тех дней «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля» и «Широка страна моя родная», а Скворцову было велено срочно отбыть в столицу Казахской ССР - Алма-Ату.

Уже 7 мая 1938 года Бюро ЦК КПК «в связи с решением ЦК ВКП (б)» утверждает командированного в Казахстан Скворцова вторым секретарем ЦК Компартии республики, а 16 мая он становится исполняющим обязанности первого секретаря. На втором съезде партии (3-14 июля) Скворцова утвердили первым секретарем ЦК КПК. И он зачитал отчетный доклад Бюро ЦК. Сегодня чтение этого документа может спровоцировать приступ зубной боли.

Дело даже не в стиле и не в лексике - они убоги до беспредельности, там сплошь трескучая большевистская риторика. Но главное - вывернутый наизнанку здравый смысл и лютая злоба к врагам. Не явным, а как теперь выясняется, - мнимым. Причем, в стан врагов определяли самых совестливых и честных людей. «Презренные изменники и предатели торговали нашей родиной, действовали по указке иностранных разведок. Заодно с ними работали буржуазные националисты... являясь агентурой германо-японского фашизма, готовили отторжение Казахстана от СССР... Ложь и двурушничество... банда шпионов... хищники... звериное лицо поджигателей войны». Это о Колумбетове, Ескараеве, Садвокасове и, разумеется, о Мирзояне. Именно Скворцов как первый секретарь ЦК КПК должен был «озвучить» эту злобную абракадабру. Таковы были правила игры, и Скворцов слишком хорошо знал, чем грозит несоблюдение этих правил.

Как покажут дальнейшие события, Николай Скворцов был крепким хозяйственником, незаурядным организатором. Умел и расположить людей к себе, и нацелить их на работу, и строго с них спросить. Динмухамед Ахмедович Кунаев (тогда директор Коунрадского рудника, что близ Балхаша) писал о Скворцове: «Называли его, не в глаза, конечно, так: «Его Партийное Величество Николай Третий».

Да, этот тезка Николая Второго, крупноголовый, с широкой косой челкой и пристальным взглядом, широкоплечий и толстогубый, уже только одним своим обличьем мог нагнать страху на человека даже не робкого десятка. Но и расположить к себе Скворцов тоже запросто мог. Его улыбка могла быть очень открытой и доброжелательной... Говорил он толково, по делу, и, что поражало, до тонкостей знал технологию добычи и обогащения руд, плавки и выпуска металла». Что ж, оно и впрямь - такое не часто встретишь среди первых руководителей той эпохи.

И дальше: «Он отлично знал экономику и людей Казахстана, продолжительное время работал первым секретарем ЦК КПК и, без сомнения, очень много сделал для развития республики, особенно в период войны. Важна его роль в воспитании и росте национальных кадров. Самую добрую память он оставил о своих делах в Казахстане».

Общеизвестно, что Казахстан в годы войны превратился в арсенал фронта. Одна треть нужной для обороны меди производилась у нас. Девять из десяти пуль было отлито из нашего, казахстанского свинца. Уголь Караганды, нефть Эмбы, молибден, марганец, висмут, вольфрам для оборонной промышленности поставлял Казахстан.

Благодаря самоотверженности казахстанцев в кратчайшие сроки были введены в действие 460 заводов, фабрик, шахт и рудников, в том числе 220 эвакуированных предприятий. И во все, что здесь перечислено, были вложены непосредственные усилия первого секретаря ЦК КПК, его настойчивость, воля.

Фронт нуждался в продовольствии, его тоже поставлял Казахстан. Да и население республики надо было кормить. Учтем при этом, что Казахстан приютил сотни тысяч эвакуированных, им тоже требовался провиант. А значит, сельское хозяйство нуждалось

в неусыпном внимании секретаря ЦК.

Димаш Ахмедович неслучайно обмолвился о роли Скворцова в воспитании национальных кадров. Именно Скворцов заметил талант организаторов в таких незаурядных личностях, как Динмухамед Кунаев, Ильяс Омаров, Жумабай Шаяхметов, Нуртас Ондасынов... Он, Скворцов, выдвинул их на ответственные посты и как бы дал путевку в большую политику.

Кунаев явит собою новую веху в истории Казахстана, Жумабай Шаяхметов вскоре станет первым секретарем ЦК Компартии республики, Ильяс Омаров - секретарем ЦК по идеологии, Нуртас Ондасынов с 1938 по 1951 возглавлял Совет Народных Комиссаров, преобразованный позже в Совмин Казахской ССР.

Николай Александрович Скворцов был во главе Казахстана в самые трагические для нашей республики и для всего СССР годы. Наш народ противостоял фашистской коричневой чуме и сумел одолеть ее. В этом есть личный вклад первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Николая Скворцова, истинного партийца, на пределе сил своих исполнявшего свой долг коммуниста и гражданина.

А далее была рутинная ротация кадров. В 1945-м Николая Скворцова отозвали в Москву, он стал народным комиссаром, а затем министром технических культур СССР. Был министром совхозов, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС...

Почетный пенсионер, он ушел из жизни в 1974 году. НКВД и КГБ не успели распорядиться его судьбой так, как они обычно это делали с людьми подобного ранга. Подчеркнем это особо, потому как до него все первые руководители Казахстана - Пестковский, Мендешев, Голощекин (не к ночи будь помянут), Мирзоян - в благодарность за труды свои были удостоены высшей меры, то есть расстреляны.

На смену Скворцову в том же 1945-м прибыл из Москвы Геннадий Андреевич Борков. Фигура во многом

случайная, он возглавлял ЦК Компартии Казахстана чуть меньше года, никак и ничем не успел себя проявить. Тем более что уже при Скворцове вторым секретарем ЦК стал Жумабай Шаяхметов. Он, в сущности, после ухода Скворцова, решал все дела на республиканском уровне. Противостоять ему Борков не мог, да и не смог бы при всем желании, хотя был, в общем-то, опытным партийцем, до этого возглавлял парторганизацию Хабаровского края.

После Казахстана Борков был первым секретарем Саратовского обкома партии. Итогом и вершиной его карьеры стала должность зам. министра сельского хозяйства СССР, что было вполне закономерным. Ведь он еще в 30-е годы окончил Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева и даже учился там в аспирантуре, которую, впрочем, не закончил, посвятив себя полностью партийным делам.

В Казахстане этот назначенец Москвы надолго не задержался, и то был особый знак - в республике входили в силу национальные кадры.

ЖУМАБАЙ ШАЯХМЕТОВ. НЕСМОТРЯ И ВОПРЕКИ

Он был почти ровесником XX века. Год рождения - 1902-й. В партийной анкете бестрепетной рукой записывал, что родился в семье пастуха в ауле № 2 Шабаркульского района Омской области. Все так, все ладно и складно. Но, приглядевшись внимательно к этому самому аулу № 2, мы обнаружим, что это родовое селение Токтамыса би аргынского рода атыгай. А более тесное родство с Токтамысом би в те годы, когда анкета заполнялась, было не совсем уместно.

Бдительные товарищи по партии могли истолковать это по-своему и засомневаться в пастушеско-крестьянском происхождении будущего секретаря ЦК КП Казахстана. Но для казаха, более или менее знакомого

с неписаными степными законоуложениями, тесное родство семьи Шаяхметовых с достославным бием не вызывает сомнений, а главное - добавляет этой семье уважения и почета.

Сына пастуха едва ли удалось бы определить в Ашыкульскую аульную школу, а Жумабай прилежно учился в ней с 1910 по 1913-й, зачарованно слушая учителя и открывая для себя удивительный мир знаний. Ему еще было неизвестно, что вскоре он сам будет работать здесь учителем, и аульная ребятня в свой черед, затаив дыхание и широко распахнув глаза, будет слушать совсем еще молодого учителя и задавать ему после уроков всякие мудреные вопросы, на которые в те годы он и сам хотел бы получить ответы.

Позже Жумабай окончит двухгодичное русско-киргизское училище, произойдет это аккуратно в 1917 году. Какое-то время у него будет возможность учительствовать в своей родной школе, и он воспользуется этим временем, чтобы заняться самообразованием. Но вскоре водоворот событий, вторгшихся в Степь, властно подхватит его и уже не отпустит, хотя в какой-то момент он сам станет той силой, что направляет тот водоворот и вовлекает в него огромные человеческие массы, преобразуя окружающую жизнь.

Не думаю, что Жумабай зачитывался приключениями Шерлока Холмса и ему не давали покоя лавры конандойловского сыщика. Все было приземленней, зримей и страшнее. Гражданская война вкупе с голодом, лишениями и вселенской неразберихой породила всплеск бандитизма, с которым надо было бороться. И, естественно, Советская власть делала ставку на молодых, неоперившихся комсомольцев, которых рекрутировали в местную милицию и в органы сыска, где он работал с 1920 по 1926 год.

Здесь в его жизнеописании некий пробел, биографы как бы стыдятся этих страниц его жизни. А на-

прасно. Работа была тяжелой, опасной, замешанной на крови. Маховик репрессий еще не набрал свою силу, а вот воровство и разбой цвели махровым цветом. Во все времена для скотовода самой большой бедой было, когда у него угоняли скот. А милиция - на то и милиция, чтобы воров найти, и скот вернуть законным хозяевам. Ну а вор он порой вооружен получше милиционеров, да и миндальничать не будет, почуяв, что его «прищучили». Скольких друзей он потерял, преследуя отстреливающихся барымтачей, сколько раз сам находился на волосок от смерти!..

Конечно, была у милиционеров и материальная заинтересованность: за каждую голову отбитого у воров и возвращенного скота давали пять рублей. И вот однажды на премиальные Жумабай купил новенькие галоши - дефицит по тем временам. Ну, а чтобы галоши не знали сносу, их полагалось «обмыть». Разумеется, с товарищами по оружию.

Видно, он «крепко перебрал», потому как начал «качать права», перед своими же, и даже открыл стрельбу из пистолета. По счастью никого не задел. В общем, бузотера связали, засунули до утра в каталажку. При этом таинственным образом исчезли и галоши.

Наутро, несколько помятый, совершенно разбитый с похмелья и лишенный галош, явился он к родимой женушке Майнур. В нем, видно, был уже заложен твердый характер, поскольку он не просто повинился перед женой, но сделал и определенные оргвыводы: дал зарок не пить никогда и ни при каких обстоятельствах.

Много позже Коба, узнав об этом суровом зароке, проникнется уважением к младшему товарищу по партии и прикажет во время кремлевских приемов ставить перед Жумабаем графин с виноградным соком - пусть все думают, что это вино, и не пристают с крепкими напитками к «истинному ценителю вин».

В 1929 году Шаяхметова приняли в члены ВКП (б). А в 1932-м, в день 15-летия «органов», он был награжден знаком «Почетный чекист». Достойная награда, чего ж ее стесняться-то? В сентябре того же года его послали учиться в Москву, в Институт востоковедения имени Нариманова при МГУ. На учебу прибыли многие чекисты с периферии.

Жумабай приехал основательно, с женой и сыновьями. Равилю было пять лет, Ноэлю - годик. Жили в Подмосковье, в поселке Новоалексеевский - это неподалеку от ВДНХ. Ему как семейному дали в общежитии отдельную комнату, где им жилось хорошо и уютно.

То, что его послали на учебу в Москву, было само по себе добрым знаком. Он испытывал чувство окрыленности. Жена, встревоженная и счастливая, тесно прижималась к его плечу. Будь сыновья чуть постарше, он повел бы их в цирк, в уголок Дурова. И, конечно, в планетарий... Впрочем, с Равилем в цирк уже можно было сходить.

Они прожили в Москве осень, зиму, прихватили первые весенние месяцы - март и апрель. В Казахстане свирепствовал голодомор. А здесь, в первопрестольной, было относительно сытно, и это отчего-то бередило душу. Лекции читали знаменитые профессора, они рассказывали о Копернике и Кампанелле, пытались расширить горизонт мировосприятия милиционеров из глубинки советской империи, и простые, провинциальные парни, поднаторевшие в схватках с бандюгами, чувствовали себя гражданами мира. Но после пятиминутной перемены между лекциями их возвращали на землю бойцы невидимого фронта - опытные чекисты. Они призывали к бдительности и подчеркивали, что с построением социализма классовая борьба обостряется.

Жумабай пытался проникнуться серьезностью этого обострения, но в общежитии его ждала тишай-

шая жена, и это притупляло бдительность чекиста. А близ общежития пацаны, привязав к обуви коньки, носились по заледенелому двору как угорелые, им тоже не было никакого дела до обострения классово-борьбы.

Это была странная диалектика жизни, соединявшая теорию с практикой и позволявшая ночью, когда крепко уснут маленькие сыновья, без всяких усилий, но с восторгом и нежностью вывести простую формулу человеческого счастья, без которого не прожить на Земле даже бывалому чекисту, каковым себя считал Жумабай.

Весной он вернулся в родные пенаты, в благословенные просторы Северного Казахстана, в эти акварельные березовые рощицы, где даже зуденье комара воспринимаешь как гимн малой родине. Опять «разборки» с ворюгами всех мастей.

Но теперь все чаще наряду, с отпетыми «урками», приходилось иметь дело с людьми иной породы - негромкими интеллигентами с пытливым взглядом. То были врачи, учителя, инженеры, скромные бухгалтеры. Они были отменными специалистами и вроде бы хорошо делали свое дело. Но как же их угораздило попасть в сети мирового империализма? А главное - каким образом умудрялись они передавать непонятно какие, но, без сомнения, государственные секреты агентам иностранной разведки? Это ж надо - исхитриться отыскать таких агентов в казахской Степи!

Будучи разоблаченными как враги и двурушники, они изо всех сил отпирались, доказывая свою невиновность. Тут можно было запросто пойти у них на поводу, и надо было мобилизовать в себе всю свою чекистскую стойкость и весь арсенал доступных средств, чтобы выбить из этих людей признательные показания.

До чего ж то была психологически (да и физически) тяжелая работа! Но такова установка партии,

такова установка вождя и товарища Реденса, чекиста по особым поручениям из Москвы. Кстати, он свояк великого вождя, женат на сестре его жены Надежды Аллилуевой. Но для нас важно то, что вскоре Станислав Францевич станет во главе НКВД республики, а Жумабай Шаяхметов займет, пожалуй, не менее ответственный пост заместителя.

Впрочем, это произойдет несколько позже. Вначале Жумабаю поручили должность заместителя начальника НКВД Северо-Казахстанской области и одновременно он возглавлял областную парторганизацию. Удостоверившись в неколебимости его убеждений, строгом следовании социалистической законности, его перевели в столицу Казахстана. И недавно назначенный секретарем ЦК Компартии республики Николай Александрович Скворцов тотчас разглядел в молодом немногословном исполнительном чекисте крайне нужного человека (причем, что немаловажно - из местных), который может стать надежной опорой в партийных делах.

Вскоре Жумабай Шаяхметов стал третьим секретарем всесильного ЦК, сменив, кстати, на этом посту Габита Мусрепова. А чуть позже (после того как разоблачили второго секретаря ЦК Компартии Казахстана Садыка Нурпеисова) он становится и вторым секретарем. Что поразительно: в кадровой чехарде, которая в те времена была свойственна высшему эшелону власти, он в ипостаси секретаря ЦК КПК - сначала второго, потом и первого - в течение 16 лет будет стоять незыблемо, как гранитный утес. Быть может, чекистская закваска и предельная осторожность были тому гарантией. Хотя свехосторожным его не назовешь, в чем мы убедимся чуть позже.

О Станиславе Реденсе ходят легенды как об одном из самых кровавых инквизиторов сталинской поры. Он формировал и утверждал расстрельные списки.

Наверное, заместителю этого стервятника было сложно оставаться белым голубем. Но мы не ставим здесь своей целью обличать Жумабая Шаяхметова в неблагоприятных делах. К тому же доподлинно известно, что, став вторым секретарем ЦК КПК, а тем более первым он немало способствовал ослаблению репрессий.

Он сумел вывести из-под удара Каныша Сатпаева, вовремя «спровадив» его в Москву, и тот тихо, мирно преподавал какое-то время в вузе. Когда гроза рассеялась, Жумабай пришел в гостиницу «Москва», где жил Сатпаев: «Возвращайся домой, там дел невпроворот». - «Да хоть сейчас!» - ответил Каныш Имантаевич. - «Вот-вот, именно сейчас. Надо Институт геологии открывать».- «А кто его возглавит?» - усомнился Сатпаев. Шаяхметов лишь руками развел, погасив улыбку: «Так ведь, кроме Сатпаева, некому!»

Он спас от гибели Мухтара Ауэзова, над которым навис дамоклов меч НКВД. Тоже потихоньку отправил его на время в Москву. Мухтар Омарханович устроился преподавателем в МГУ, сеял разумное, доброе, вечное. Пока и ему Шаяхметов не дал отмашку: дескать, можно возвращаться домой.

Уже будучи первым секретарем ЦК, Шаяхметов долго старался не обращать внимания на ту вакханалию, которую устроили мои милые земляки, ревнители исторической правды, вокруг Ермухана Бекмаханова, посмевшегося вызволить из небытия хана Кенесары и дать его деяниям оценку, которая несколько разнилась с тем, что было сказано в одной из главных книг эпохи строящегося социализма - «Кратком курсе истории ВКП (б)». То есть, Ермухан Бекмаханов посмел возразить самому автору «Краткого курса», которому, как известно, принадлежала истина в последней инстанции, тут даже сам Аллах возражать не посмеет. А Ермухан посмел. Да как он мог?!

О, эта психология стаи!.. Вал доносов из Казахстана в Москву достиг апогея. Суслову, этому «серому кардиналу», который был, конечно же, «святее папы римского», доносили, что и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Жумабай Шаяхметов, и секретарь по идеологии Ильяс Омаров как бы самоустранились от дискуссии, не дают ей политической оценки. Да что там! Они попросту не принимают мер!

Шаяхметов понимал, что после этого уже невозможно было делать вид, что ничего не происходит, и вынужден был, скрепя сердце, покритиковать даже самого себя. Мол, и я не безгрешен: в 1944 году в газете «Социалистік Қазақстан» назвал народными героями Кенесары, Абылай-хана и Наурызбая. Но уже выступила газета «Правда», а это был тот случай, когда против лома нет приема. Вывести из-под удара историка Бекмаханова, при всем желании, Шаяхметов не смог...

На капитанский мостик нашей страны Шаяхметов взошел в судьбоносные для Отечества дни - в канун войны. И вместе со Скворцовым ему, Шаяхметову, пришлось размещать на территории Казахстана эвакуированные заводы, налаживать на них производство. И к тому, что девять из десяти пуль были изготовлены в Казахстане, Шаяхметов имел самое прямое отношение. Кстати, первые сто опытных образцов автомата Калашникова еще в 1943 году изготовлены в Алма-Ате, на заводе имени Кирова.

Мало кто знает, что Николай Калашников еще до войны работал в паровозном депо станции Матай (это 420 километров от Алма-Аты), куда и вернулся после ранения в 1942 году. Народного умельца матайские чекисты схватили в сарае, на месте преступления, вместе с автоматом, когда он его испытывал.

Калашников загремел в НКВД. Слава Аллаху, об этом прознал Шаяхметов и попросил разобраться в

инциденте секретаря ЦК по промышленности Ахмеджана Койшигулова. И уже не в сарае, а в заводских цехах конструктор «доводил до ума» свой чудо-автомат.

Шаяхметов и сельское хозяйство перевел на военные рельсы, поставляя фронту мясо и молоко, о чем свидетельствуют первая премия Государственного комитета обороны и переходящее Красное знамя. А как вам такая частность: в первые дни войны он был уполномоченным ГКО по сбору металлолома. Мелочь? Не скажите: без скрапа плавить металл было невозможно.

Он был поистине правой рукой Скворцова: организовал военно-мобилизационную работу, занимался размещением эвакуированных в Казахстан беженцев. Осенью 1941 года с Украины пришел эшелон с детьми. Жумабай Шаяхметов обратился к алматинцам с призывом принять детей, так как государству было не под силу взять их на содержание. А дальше он сделал вот что: по согласию с супругой Майнур усыновил трехлетнего украинского мальчика Владимира Малько. Наутро всех прибывших детишек разобрали.

Он как мог радел за свой народ. К 1943 году эхом откликнулся голодомор 1931-1933 годов: в Казахстане уменьшилось число годных для армии граждан. Казахское население переживало демографический кризис. Жумабай сумел обрисовать Сталину эту проблему и попросил направлять мобилизованных казахов не на фронт, а чернорабочими на заводы цветмета и другие предприятия тяжелой индустрии.

Димаш Ахметович Кунаев, человек весьма сдержанный на оценки, отмечал особый организаторский дар Шаяхметова, который «строго контролировал ход выполнения своих указаний отделами ЦК и руководителями министерств и ведомств. В отличие от своих предшественников он был более активным и аккуратным руководителем, хорошим организатором.

Под его руководством еще более высокими темпами стала развиваться экономика Казахстана в послевоенные годы».

Жумабай Шаяхметов был из тех людей, о ком отзываются так: «горит на работе». Его дочь, Алма Жумабаевна в книге «Глазами дочери» пишет:

«У папы был очень напряженный рабочий день, продолжительностью 13-15 часов. К 9 часам он уезжал на работу и возвращался домой к 6 часам вечера. После ужина он ложился спать, а в половине 11 ночи я его будила, и он снова ехал на работу - до трех-четырёх часов ночи. А на следующий день снова на работу к 9 часам. И так в течение шести дней»...

Вождь народов ночами не спал, и не спали ночами его подчиненные во всех концах Советского Союза. Соснуть два-три часа можно было на рассвете, потому что в 9.00. положено быть на рабочем месте. Обычно Жумабай без всяких сновидений проваливался в сон, как в глубокий омут. Но иногда, минут за пять до пробуждения, ему снился родной аул, родная школа. И ребяташки, распахнув глаза, слушали его рассказы про Кампанеллу и Коперника, про планетарий, куда их, чекистов, привели однажды после занятий.

Тогда, в планетарии, он смотрел в звездное небо, на созвездия, знакомые с детства, и пытался запомнить их новые для него, мудреные названия. Сладко ныло под ложечкой от огромности Вселенной и от волнующей безмерности знаний. И, быть может, от зарождающегося в нем ощущения, что самое большое наслаждение - раздвигать границы мира, а потом делиться тем, что ты узнал, с другими.

Несмотря на тяжелейшие военные и послевоенные годы, при Шаяхметове была основана (в 1946 на базе Казахского филиала АН СССР) Академия наук Казахской ССР, были открыты Чимкентский технологический институт; в Алма-Ате - Институт иностранных

языков, Женский педагогический институт (чтобы открыть ЖенПИ, он специально ездил к Сталину. До этого в Средней Азии не было такого прецедента). При Шаяхметове распахнула свои двери для первых студентов Казахская консерватория, состоялось открытие ТЮЗа.

Наталия Ильинична Сац, возглавлявшая театр юного зрителя в течение 13 лет, вспоминала:

- Письма о том, что в Алма-Ате должен быть создан первый театр для детей и юношества Казахстана, я начала писать уже после первого моего утренника. «Замолкла» на некоторое время из-за работы над «Чио-Чио-Сан». Но, замолкнув из-за нее тогда, почувствовала право говорить с утроенной силой теперь: нужен, необходим театр алматинской детворе!

И вот на одно из моих писем приходит ответ. Мне назначен прием у товарища Шаяхметова! В приемной второго секретаря ЦК КП (б) Казахстана меня встретил его помощник и точно в назначенное время подвел к дверям большого кабинета.

За столом, отягощенным множеством бумаг и телефонов, я увидела маленького человека с круглым лицом и острыми глазами. Несколько его коротких приветливых слов о «Чио-Чио-Сан», мои ответные - о творческой радости работы с казахской труппой, о таланте Байсеитовой - дали мне возможность перейти к мысли, что для взрослых есть много театров, а черноволосые, черноглазые ребяташки, верно, коряят меня за то, что я о них забыла.

- Пошлите их ко мне. Я подтверждаю, что Вы забывчивы, - ответил товарищ Шаяхметов.

Я заметила лежащую около него раскрытую папку... с моими письмами! Может, сердится, что я всем надоедаю? Не надо паники. Делаю то, что должна, во что верю. Дошла до секретаря ЦК. Высоко будет падать.

Он говорит тихо, но очень четко. Смотрит пристально, не улыбается, но я хорошо чувствую себя «на острие» его глаз. И вдруг я заметила на маленьком столике, за которым сидела, спички. Чудесные спички! Вероятно, они хорошо горят, а нам в литерный паек клали какие-то отсыревшие, и наша керосинка на них совсем не реагировала.

- Курите? - спросил он.

- Нет, что Вы. Режиссер должен иметь волевой голос! Спички у Вас хорошие, но... простите (неужели упусти момент, не зажгу его своей волей, не собранна, теряю время...).

И я заговорила, сдерживая горячность.

- Мне говорят - война, новое создавать не время. Как - не время? Отцы на фронте, матери на работе, а заглянуть в сердце десятилетнему человеку, дать ему радость, веру нужно именно сейчас, чтобы детский театр стал большим другом, когда...

Шаяхметов встал и протянул мне крепкую руку.

- Театр для детей всех национальностей, что живут у нас, создавать будем. На русском, вслед ему - на казахском, первый театр для детей и юношества Казахстана. Ваш опыт нам очень нужен. Спасибо.

Я вышла, ошарашенная краткостью и строгой деловитостью нашей встречи. Жаль, отсюда до нашего жилья слишком близко: хотелось перевести дух, прежде чем увижу Русю. Она встретила у дверей. Знала, сколько я писала, куда теперь ходила, волновалась:

- Ну как, мамочка?

Я была взволнованна и не находила слов. Но зазвонил телефон:

- Наталия Ильинична! Говорит помощник товарища Шаяхметова. Вы, когда уходили, забыли одну вещь, сейчас я вам ее доставлю.

Хотела ответить, что ничего не забыла: у меня с собой ни докладных, ни сумочки не было... И вдруг на

пороге нашей комнаты, словно джинн из сказки, появился тот, кто только что приблизил меня к дверям большого кабинета:

- Товарищ Шаяхметов просил Вам лично передать...

В руках у меня оказались те спички, которые лежали у него на столе. Они хорошо горели!..

...После войны Скворцова отозвали в Москву, и на хозяйстве в Казахстане остался Шаяхметов. Послевоенные годы были трудными, и вся их тяжесть легла на плечи первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Говорят, Сталин замышлял новый виток репрессий, и бывший ответработник НКВД в должности руководителя Компартии одной из крупнейших республик СССР ему был нужен. Так или иначе, но Сталин любил Шаяхметова, называл его «орел Востока». Сталин настоял, чтобы Шаяхметова избрали председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Должность, в общем-то, декоративная, но авторитета Шаяхметова никак не умаляющая. Булганин однажды попросил Сталина назначить Шаяхметова союзным министром. Сталин не согласился: «Пока не будет ему замены, Казахстан без Шаяхметова не оставлю»...

А потом Сталин все-таки умер. Шаяхметов и при Хрущеве еще почти год оставался на своем посту. Но Хрущеву «приспичило» поднимать в Казахстане целину, причем, с совершенно немислимым гигантским размахом. Шаяхметов пытался его окоротить, объясняя, что два с половиной сантиметра гумуса, которые веками накоплены почвой казахских степей, при подобной безудержной распашке будут пущены в распыл, а это неосмотрительная и даже преступная бесхозяйственность.

Шаяхметов и сам уже подумывал о распашке целинных земель, но ведь не в таких же масштабах!..

Безудержный гигантизм претил Шаяхметову, а Хрущев мог мыслить лишь такими и только такими - вселенскими - категориями. К тому же Шаяхметов прекрасно понимал, что подъем целины с таким охватом земель, как это хотелось Хрущеву, вызовет небывало огромный наплыв людских ресурсов со стороны, и казахи могут оказаться в собственной республике в меньшинстве.

Но Хрущева все это уже мало интересовало. Позицию Шаяхметова он воспринял как личный выпад против него, Хрущева. И, какое-то время продержав Шаяхметова без работы, отправил его, по сути, в ссылку - секретарем Южно-Казахстанского обкома. Верный партийной дисциплине, Шаяхметов добросовестно проработал на этой должности примерно год, до мая 1955-го. Но внезапно резко ухудшилось его здоровье. Врачи поставили диагноз: опухоль мозга. Причем, злокачественная. Дело в том, что 29 августа 1949 года он присутствовал на Семипалатинском полигоне при испытании первого экспериментального образца ядерного заряда и, судя по всему, получил высокую дозу радиации.

По складу характера он был бесребреник. Когда его освободили от должности первого секретаря ЦК Компартии республики, он съехал с казенной квартиры с двумя чемоданами, в которых уместилось все нажитое им с Майнур добро. Но он не придавал этому особого значения, главным своим богатством он считал детей и внуков.

Что еще следовало бы сказать о Шаяхметове? Безусловно, он стал, по сути, родоначальником казахской партийно-советской номенклатуры. Зародившаяся в 1920-1926 годах при Байтурсынове и Мендешеве, она была почти истреблена в 1936-1939 годах. Немногие из тех, кто уцелел, были деморализованы и затаились. И мы можем с полным на то правом сказать,

что казахская коммунистическая номенклатура была воссоздана в годы войны, укрепилась и поднялась во весь рост при Шаяхметове, в послевоенное время.

Кадры, выросшие под патронажем Шаяхметова, после его ухода поспешили отречься от него, хотя это мало кого из них спасло. В годы освоения целинных и залежных земель Москве нужна была новая генерация местных кадров, которая стала бы гонителем своих национальных ценностей и интересов.

И резюмируя: он был героем своего времени. По словам политолога Азимбая Гали, «это противоречивая личность с точки зрения современных оценок... классический продукт своей эпохи». В конечном счете - человек трудной судьбы, отдавший свою жизнь не только служению идее, но и служению народу и Отечеству. А что касается эпохи, то ведь она беспощадна: использовала человеческую жизнь, исчерпала ее до дна, до предела. И бросила у обочины столбовой дороги из прошлого в будущее.

Вы не согласны? Дело хозяйское. Но вот вам под занавес вполне объективное свидетельство вполне объективного человека.

Мукаш Елеусизов, академик: «Незабываемые встречи»:

- Это произошло в середине 1946 года. Я работал инструктором обкома комсомола в Кызылжаре. Однажды в полдень проходил мимо местной казахской средней школы. В этот момент возле нее остановилась обкомовская «эмка», и из машины вышли первый секретарь обкома Мельник и незнакомый мне человек среднего роста, внешне похожий на казаха. Я подошел к ним, поздоровался, и меня попросили проводить их в школу.

Школьный двор был весь в грязи. По кирпичикам мы прошли в здание и направились в кабинет директора. Однако его на месте не оказалось - ушел на

обед. Я знал директора школы - фронтовика Мати Куцаинова, быстро нашел его. Поздоровались, Мельник представил своего спутника - первого секретаря ЦК КП Казахстана Жумабая Шаяхметова и сказал, что тот приехал в область по вопросам, связанным с уборкой урожая, но попутно хочет узнать, как идут дела в школе.

Плачевное состояние единственной в областном центре казахской школы его сильно огорчило, тем более что когда-то он сам в ней преподавал. Пристыдил присутствующих областных и городских руководителей за бездействие - они сами могли бы без особых усилий, не ожидая помощи от государства, привести в порядок хотя бы школьный двор. В течение года школа преобразилась, видимо, помог тот разговор, и по итогам учебно-воспитательной работы заняла первое место в области.

Моя вторая встреча с Ж. Шаяхметовым произошла в июле 1952 года. Он вел заседание Бюро ЦК Компартии Казахстана, где меня, в числе других выпускников-отличников Республиканской партшколы, утверждали на должность преподавателя кафедры политэкономии этой школы. После утверждения Жумеке встал, подошел к нам и поздравил с назначением, пожелав успехов.

Третий раз я его встретил на пленуме ЦК Компартии Казахстана, который проходил 5-6 февраля 1954 года. В памяти осталось ужасное впечатление: авторитетный и уважаемый народом руководитель в тоталитарной системе может легко превратиться в беспомощного человека. Те, кто только вчера заискивал перед Шаяхметовым, один за другим поднимались на трибуну и говорили о нем всякие небылицы. На меня произвело впечатление поведение Жумеке: он держался спокойно, не уклонялся от подробных ответов даже на незначительные вопросы.

Последняя встреча с Ж. Шаяхметовым произошла весной. Идя домой, я заметил возле дома сидящего на скамейке у подъезда старика. Его лицо показалось мне знакомым. Я подошел к нему и поздоровался. Это был Жумеке. Он приехал к своему свату и попросил меня сообщить о его приезде, поскольку у него нет сил подняться к ним. Свата дома не оказалось, о госте я сообщил его жене. Жумеке поблагодарил меня и спросил, откуда я родом. Ответил, что из Кызылжара, из аула Жанажол. Я напомнил ему про то заседание Бюро ЦК Компартии Казахстана в 1952 году под его руководством, где меня утверждали. Он сказал: «Если это так, то тогда все правильно». Он еще что-то хотел сказать, но подошла его сваха и повела его домой. Я еще долго там стоял и смотрел вслед...

**ПАНТЕЛЕЙМОН ПОНОМАРЕНКО,
ИВАН ЯКОВЛЕВ,
НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ, ИСМАИЛ ЮСУПОВ.
СЛЕДУЯ ДИРЕКТИВАМ ЦЕНТРА.
КОГОРТА ХРУЩЕВСКИХ НАЗНАЧЕНЦЕВ**

После трагедийных десятилетий сталинского произвола, закончившихся вполне естественной смертью диктатора, наступила иная эпоха, лицо которой определяли новые люди. Близился XX съезд с его разоблачением культа личности, брезжила недолгая «хрущевская оттепель». Полузабытое чувство гражданственности и полузадушенная, пребывавшая в полном забвении память о свободе, как первоцвет, пробивались сквозь мартовский наст. Но ничего не могу с собой поделатъ: начинаю осмыслять то время, и душу бередит тревога. Откуда она, почему?..

Разгадка лежит на поверхности, поскольку поневоле речь должна идти о ключевой фигуре, определявшей политическую физиономию тех лет. О непредсказуемом лидере Страны Советов с кукурузным початком в одной руке, с ботинком фабрики «Скороход», которым он стучал по трибуне ООН, - в другой, с его угрозой «показать кузькину мать» заокеанским громилам, с его похвальбой: «...мы производим ракеты, как сосиски», и, наконец, с его залихватским обещанием построить коммунизм к 1980 году.

Вообще-то, «наш дорогой Никита Сергеевич» трижды ставил страну на грань третьей мировой войны - во время Суэцкого, Берлинского и Карибского кризисов. Как политик, обуреваемый неутолимой жаждой деятельности, «дров он наломал» изрядно. Ломал их в планетарном масштабе, общесоюзном и, так сказать, на уровне отдельных республик. Казахстан внимани-

ем не обошел, и его политику здесь даже с большой натяжкой умелой не назовешь.

Достаточно сказать, что у нас в Казахстане в высшем эшелоне власти он устроил настоящую кадровую чехарду. За десять лет сменилось семь первых секретарей ЦК Компартии: Жумабай Шаяхметов, Пантелеймон Пономаренко, Леонид Брежнев, Иван Яковлев, Николай Беляев, Динмухамед Кунаев, Исмаил Юсупов...

Не успеет вновь назначенный лидер парторганизации республики толком войти в курс дела, как его перебрасывают либо на повышение в Москву, либо на понижение в одну из областей России, либо вообще отправляют на пенсионное обеспечение.

По большей части (за исключением Шаяхметова и Кунаева) люди это были случайные, временные. Появление их в Казахстане было результатом подковерных кремлевских интриг и номенклатурных подвижек. Конечно, были среди них и толковые, имевшие основательную хозяйственную хватку, организаторский опыт.

Но, во-первых, назначенцы Хрущева не знали реалий Казахстана, и это не могло не сказываться на их хозяйственной практике; во-вторых, паралич их воли был неизбежен, поскольку вся работа зависела от взбалмошного характера кремлевского лидера. А он принимал судьбоносные для государства и народного хозяйства решения импульсивно, не просчитывая загодя все «pro» и «contra», будто ему была неведома простая народная мудрость «семь раз отмерь - один раз отрежь».

Кроил и перекраивал, резал по живому Хрущев, как бы не задумываясь о последствиях, заботясь лишь о сиюминутной выгоде. Так, кукурузой не засеял разве что лунные кратеры. Затея с целиной, вопреки народному энтузиазму, в конечном счете, обернулась профанацией, лишив Казахстан столь нужных ему

пастбищных угодий, и дала мизерную прибавку к урожайности зерновых.

Индустриализация Казахстана? Я не экономист, тут можно было бы взвесить все «за» и «против», но темиртауские события наотмашь ударили по физиономии партийной номенклатуры, показав всю неуклюжую топорность социалистических методов интенсификации народного хозяйства.

А стремление Хрущева перекраивать территории? Порт-Артур презентовал Китаю, Крым - Украине. Не давала ему покоя обширность территории Казахстана. Страсть как хотелось отрезать наши хлопкосеющие районы Узбекистану, нефтеносный Мангышлак - Азербайджану и Туркменистану, север Казахстана - России.

Понадобилось незаурядное мужество Жумабека Ташенева (он был тогда председателем Совмина республики), который прилюдно дал отпор новоявленному землеустроителю. Самому Ташеневу это стоило карьеры, да и Кунаеву вышло боком. Можете себе представить, как уменьшилась бы к настоящему времени территория Казахстана, если бы дали волю географическим экспериментам Хрущева?..

Вновь и вновь изучаю портретную галерею хрущевских назначенцев. И ловлю себя на мысли, что большинство из них как бы лишены индивидуальности, одна фигура будто «перетекает» в другую, не отличаясь «лица не общим выраженьем». И когда суммируешь их поражения и победы, возникает некий усредненный портрет номенклатурного партийца очень высокого ранга.

Они идут, словно в единой связке, порой, что называется, «не оторвать одного от другого». И, тем не менее, это были очень разные люди - по темпераменту, жизненному опыту по судьбе. Приглядимся пристальнее к каждому из них.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был первым секретарем ЦК Компартии Казахстана в 1954-1955 годах. Назначение в Казахстан явилось закатом его политической карьеры, хотя сам он об этом тогда еще не знал. Сталин видел в нем своего преемника и готовил его к этой роли. В частности, в феврале 1953 года членам Президиума ЦК был разослан на утверждение документ о назначении Пономаренко председателем Совмина, и кое-кто его уже тогда завизировал.

После неожиданной смерти Сталина эта бумага затерялась. Началась ожесточенная борьба за власть между «кремлевскими небожителями». Среди таких тяжеловесов и старожилов Кремля, как Молотов, Берия, Хрущев, Каганович, Маленков и Булганин, П. К. Пономаренко был в некоторой степени новичком, а потому фигурой неуместной. Вот они и «задвинули» его с глаз долой в Казахстан. Годом позже отправили еще дальше - на дипломатическую службу, сначала послом в Польшу, потом - в Индию, Непал, Нидерланды...

Сталин далеко неслучайно выделил из своего окружения именно Пономаренко, да и, кстати говоря, Брежнева: вождю на старости лет нравились молодые статные генералы. Что касается Пономаренко, то он с 1938 по 1947 годы был первым секретарем ЦК КП (б) Белоруссии, а во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего. Ему в 1943 году было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Вообще, послужной список Пантелеймона Кондратьевича поражает широтой и разнообразием. Родился он в семье крестьянина. С 12 лет подрабатывал подмастерьем в швейной мастерской. С 16 лет оборонял Екатеринодар от беляков. Потом работал на нефтепромыслах и на железнодорожном транспорте. Есте-

ственно, принимал участие в комсомольской работе. В 25 лет окончил рабфак, в 30 - Московский институт инженеров транспорта. Затем четыре года кадровой службы в армии, после чего на «гражданке» - инженер Всесоюзного электротехнического института. Так что он был технарем высшей пробы.

Но это не все. Являясь заместителем Председателя Совета Министров СССР, он одновременно был вначале министром заготовок (с 1950 г.), потом (в 1953-1954 гг.) возглавлял (о зигзаги судьбы!) союзное Министерство культуры. А уже отработав послом в нескольких странах, стал представителем СССР при МАГАТЭ. Так что в Казахстан прибыл не просто многоопытный партийный функционер, но плюс ко всему бывалый хозяйственник, незаурядный организатор и просто очень толковый человек.

Кстати, вторым секретарем ЦК КП республики при Пономаренко был избран еще один выдвигенец Сталина - Брежнев. Его кремлевские долгожители тоже «задвинули», было, «в дальний ящик» - отправили служить в Политуправление Минобороны, чтобы «не путался под ногами». Но, видно, сказался кадровый голод, а потому Леонида Ильича снова позвали в Кремль с целью примерки к властным функциям.

И если для Пономаренко отъезд в Казахстан был финалом его службы на первых ролях во властном Олимпе, то для Брежнева это был выход на взлетную площадку, что вызвало в нем прилив сил и бодрости. К тому же был он податлив, проявлял готовность выполнить любую волю первого лица во власти. Не то что Пономаренко, который как раз отличался независимостью, мог проявить характер и даже возразить начальству, что, сами понимаете, порождало в Хрущеве приступы ярости.

Первое, что сделал Пономаренко: устроил капитальный разнос партийным чиновникам и блюсти-

телям идеологической чистоты в местных исторических конюшнях. Эти ретивые критики осудили Ермухана Бекмаханова на 25 лет лагерей за то, что он не стал смешивать с грязью Кенесары Касымова.

Конечно, рассуждал Пономаренко несколько прямолинейно, по-партийному. У него была своя, в общем-то, куца логика, но в здравом смысле ему не откажешь. Пантелеймон Кондратьевич сказал тогда буквально следующее: «Ученые молодого государства ищут в архивах поэтов, ученых, полководцев прошлого. Бекмаханов нашел не того героя. Вместо того чтобы подсказать, чтобы он нашел другого героя, отправили ученого в тюрьму. Я бы эти 25 лет, которые ему дали, распределил между пятью секретарями ЦК - как раз по 5 лет. Это было бы справедливо».

Само собой разумеется, при этом он был дисциплинированным партийцем и человеком исполнительным. Главная установка, которая ему была дана в Центре, - подъем целины. Противодействие этому постановлению ЦК он воспринимал как недопустимое покушение на авторитет партии.

Очередной «исторический» Пленум ЦК КПСС состоялся с 23 февраля по 2 марта 1954 года. На нем было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Речь шла о тех регионах, где имелись «огромные массивы неосвоенных земель с плодородными черноземами и каштановыми почвами, на которых можно получать высокий урожай без больших капитальных вложений». К таким регионам были отнесены и степные зоны Казахстана.

На пленуме Пантелеймон Пономаренко, только-только поставленный во главе республики, обвинил в национализме казахских почвоведов, которые доказывали, что не все целинные земли можно пахать. Если бы он оказался прав! Аллах с ним, как-нибудь

пережили бы обвинение в национализме. Однако правота была на стороне наших почвоведов. Вскоре после подъема целины начались пыльные бури. На огромных площадях был уничтожен пахотный слой...

Но это потом «считать мы стали раны». А тогда, в 1954-м, энтузиазм был небывалый. Новым руководителям республики поставили задачу освоить в 1954-1955 годах более шести миллионов гектаров нетронутых плугом земель. В республику эшелонами шла новая техника. В течение двух лет к нам приехали столь нужные целинным совхозам триста шестьдесят тысяч специалистов - механизаторов, строителей, агрономов.

Первые успехи кружили голову. Да и как тут не впасть в эйфорию?! На редкость урожайным был 1951 год. В Казахстане собрали 100 миллионов пудов зерна. Рекордный урожай! В 1954 году (не очень, кстати, урожайном) было собрано 250 миллионов пудов - за счет поднятой целины. А впереди был казахстанский миллиард!..

Кунаев вспоминает, как Ауэзов пригласил их с Пономаренко однажды в гости, и как разоткровенничался тогда Пантелеймон Кондратьевич:

- Работать в Казахстане очень интересно, здесь надо решать крупные проблемы, но не знаю, позволят ли мне долго оставаться в этой республике с ее замечательными людьми. Вам придется работать под началом Хрущева. Учтите, это увлекающаяся натура. Многие вопросы он ставит неглубоко, всесторонне не продумывая. Ваши вопросы, предложения, мнения, если таковые расходятся с его мнением, он не пропустит. Более того, это может привести к нежелательным результатам.

Для него неважно мнение других, он идет напролом. Хрущев органически не выносит людей более способных и более знающих, чем он сам. Он начал пла-

номерно избавляться от людей твердых и могущих до конца отстаивать свои взгляды. Многих руководящих работников на местах и в центре, решительно защищающих свои предложения и взгляды, он постепенно убирает с их постов.

По словам Кунаева, Пантелеймон Кондратьевич «был человеком твердого характера и очень доступным, простым. Умел располагать к себе собеседника, был очень демократичным».

Хрущев часто приезжал в Казахстан, следил за тем, как идут дела на целине. Устраивал совещания с республиканским активом. На многочисленных газетных снимках того времени видно: в президиуме с одной стороны от Хрущева сидит окрыленный Брежнев, с другой - задумчивый, хмурый Пономаренко. «С Хрущевым работать становится все труднее и труднее», - говорил он всякий раз, когда высокое начальство уезжало в Москву.

Спустя несколько дней после того памятного визита к Ауэзову в кабинете, Пономаренко, где присутствовал и Кунаев, раздался звонок из Москвы. На проводе - министр иностранных дел Молотов.

Выслушав его, Пантелеймон Кондратьевич ответил:

- Вас понял. Слушаюсь.

Положил трубку. И через паузу:

- Вот и кончилась моя работа в Казахстане. Перехожу на дипломатическую стезю. Уезжаю в Польшу.

Самолет был готов к отлету через три часа. Пономаренко попрощался с членами Бюро ЦК. В аэропорту его провожал лишь Динмухамед Кунаев. Опальных руководителей забывают тотчас же, едва они, уходя, переступают порог.

А на смену тандему «Пономаренко - Брежнев» тут же пришел тандем «Брежнев - Яковлев». Справедливости ради надо сказать, что в те годы Брежнев очень

много работал. Трудоголиком он не был, но целина давалась нелегко.

В ЦК засиживался за полночь. К тому же первому руководителю республики приходилось много ездить по необъятным просторам Казахстана, забывая о сне и отдыхе. Однажды ночью из Семипалатинска его срочно отправили в Алма-Ату. И с трапа самолета - в больницу. Все объяснялось просто: мотался по области, три ночи не спал. В другой раз ему стало плохо в Целинограде. Потерял сознание. Очнулся на носилках.

И опять же справедливости ради скажем, что, вопреки постоянным вояжам, одет он был всегда с иголочки. Не выносил нерях, грубиянов и невежд, но любил острое словцо, падок был на анекдоты и предельно открыт для общения.

Тяжелым был 1955-й год. Ни одного дождя за лето. Засуха. Посевы гибли. Целинники называли его «годом отчаяния». По логике вещей быть бы козлом отпущения Брежневу. Но со стороны Хрущева - ни слова упрека. Напротив, он все более симпатизировал Брежневу, искал лишь повод вернуть его в Москву.

Что Брежнев за год сделал для Казахстана? Засуху ведь в актив ему не запишешь. Но именно в этот период произошло событие, крайне важное для грядущих дней Казахстана. Во время пребывания здесь судьба свела Брежнева с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Они стали на долгие годы близкими друзьями. Кунаев всегда - и во время совместной работы в Казахстане, и спустя время после отзыва Брежнева в Москву, находил у него поддержку, а тот в свою очередь постоянно чувствовал надежное плечо Кунаева в Политбюро.

Первый контакт их наметился в марте 1955 года, еще при Пономаренко. Кунаев был тогда президентом Академии наук Казахстана. Он приехал в Москву,

где ему надлежало выступить с докладом на сессии Верховного Совета. И вот пристроился он в одном из кабинетов Совмина писать доклад, а его окликают Пономаренко с Брежневым:

- Чем занят?

- Да вот, пишу доклад.

- Зачем? - смеются они. - Читать его не придется.

- То есть, как?

- Мы хотим сделать Вам предложение. Только что на Бюро ЦК утвердили Вас председателем Совмина Казахстана. Вы непротив?

- Я должен выполнять директиву ЦК, - ответил Кунаев.

- Мы так и думали, - расплылся в радушной улыбке Брежнев. - Сейчас представим Вас Хрущеву. Будьте готовы через 10 минут.

Потом, как бы примериваясь на десятилетия к высокой должности первого секретаря ЦК Компартии республики, Кунаев в течение двух лет будет возглавлять парторганизацию Казахстана. И когда ему придется на время оставить этот пост, он вернется в кресло председателя Совмина...А Брежнева, ушедшего в кремлевские высоты, сменит на посту первого секретаря ЦК Компартии республики в свой черед, другой назначенец Хрущева.

Иван Дмитриевич Яковлев. Его биография - самая что ни есть обычная для человека, рутинно продвигавшегося по партийной карьерной лестнице. Единственное, что отличало его от всех послевоенных руководителей Казахстана, - он не имел высшего образования.

Хотя как сказать: согласно анкетным данным, в 1949 году он окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). Определение «высшая», думается, неслучайно стоит на первом месте в названии этого весьма специфического учебного заведения, которое сами же его выпускники шутя называли «партийный

монастырь для зрелых мужиков начальственного резерва».

Родом Яковлев был с Алтая, партийная карьера его в доказахстанский период созидалась главным образом в Новосибирске. По карьерной лестнице восходил, не спеша, ступенька за ступенькой: второй секретарь горкома партии, второй секретарь обкома, потом - первый.

Не торопился, не рвал построики. Был, так сказать, «рабочей лошадкой». «Кремлевские шахматисты», двигая фигуры в кадровых перестановках, порой и его перемещали на клетку чуть выше. Так он оказался вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана в ту пору, когда Брежнева сделали первым. А поскольку Брежнева, который обрел «статус ладьи», Хрущев в срочном порядке «подверстал» к своей кремлевской свите, не надо было и голову-то ломать, кого поставить в Казахстане на место Брежнева. Понятное дело, его зама.

Хотя, по логике вещей, «варяги» едва ли были нужны Казахстану, в первом эшелоне коммунистов здесь уже выросли свои толковые кадры. И вообще, в республике могли бы и сами решить, кого поставить первым. Но Кремль работал, не напрягая извилин, по шаблону. И потом в Центре были живучи имперские замашки: мол, вы там, в Казахстане, помалкивайте в тряпочку, нам тут виднее, кого над вами ставить.

Угнездившись за кремлевской стеной, Брежнев принялся разоблачать антипартийную группу Маленкова. Он, пожалуй, и забыл, что незадолго до своего отъезда из Казахстана, желая выслужиться перед Москвой, на очередном съезде Компартии республики поставил перед целинниками рубеж: довести производство хлеба до миллиарда пудов и сдать государству не менее шестисот миллионов пудов.

Брежнев уехал, а «отдуваться» за его обещания

пришлось Яковлеву. И ведь он, как говорится, «костьми лег», чтобы только задачу эту выполнить.

Во-первых, он увеличил посевные площади зерновых до немыслимых размеров - 23 миллиона гектаров. Правда, из них 9 миллионов га почвы уже были подвержены ветровой эрозии. Да кто ж берет в ум подобные цифры при всеобщем оголтелом энтузиазме?!

Во-вторых, он нагнал в республику несметное количество техники. Казахстан имел 75 тысяч комбайнов и дополнительно задействовал из соседних республик еще 13 тысяч. Зерно вывозили на тока и элеваторы 90 тысяч большегрузных автомашин. И чтобы как-то поддерживать боевой дух этих работяг... или, выражаясь не столь приземленно, для этой «рабочей косточки» за рулем и штурвалом, Яковлев придумал звания: «Лучший тракторист Казахстана», «Лучший комбайнер», «Лучший шофер». Затея почти октябрьская, а срабатывала безотказно.

Энтузиазм и впрямь был неподдельный, люди шли на хлебоуборку, как в бой. Результат был ошеломляющий: 1 миллиард 340 тысяч пудов хлеба! Это на 402 миллиона пудов больше государственного плана. На казахстанцев звездопадом обрушились награды: 139 Героев Социалистического Труда, 40 тысяч орденосцев. На знамени республики появился орден Ленина.

Нетрудно заметить, что по количеству техники, которая принимала участие в жатве, это была «Курская битва, да и только»! А сколько было задействовано людских ресурсов! Целина, как гигантская воронка, втянула в себя миллион приезжих людей. Хлебушек-то вышел в результате нерентабельным, но это сообщили уже много позже.

Дальше с неизбежностью произошло вот что. Благодаря нечеловеческим усилиям и небывалому энтузиазму удалось собрать рекордный урожай. Но логи-

ка коммунистов такова: сегодня это рекорд, завтра - норма. Поэтому Яковлев на следующий год должен был - просто обязан! - отрапортовать, что собран урожай ничуть не меньший.

Но подвели метеоусловия - это первое. И второе, как было указано в соответствующих документах, «халатность руководителей всех уровней». Не сумели они внедрить передовой опыт, не учли специфику целинного земледелия. А главное: «ослабили организаторскую и массово-политическую работу среди рабочих МТС, колхозов и совхозов».

Но если бы только это! Поскольку Хрущев был безудержным реформатором, а реформы его не очень-то «встраивались» в жизнь, за них должен был кто-то «отдуваться». Кто конкретно? А тот, кому выпадет такая карта.

В 1957 году, по инициативе Хрущева, были организованы совнархозы, то есть в дополнение к существующим структурам власти внедрена еще одна - управленческая. В результате возникла сумятица и неразбериха. Яковлев был горячим сторонником этого нововведения, а значит, за неудачи по его внедрению ему-то и должно было больше всех «перепасть на орехи». Низкий урожай того года был основанием более чем достаточным, чтобы отстранить Яковлева от должности первого секретаря ЦК КП республики.

Он еще несколько лет занимал руководящие посты в Ульяновске и Омске. А в истории Казахстана остался, пожалуй, как повод для натужной шутки: президент Академии наук Кунаев был в те годы подотчетен вечному абитуриенту Яковлеву.

Но, как говорят наши друзья россияне, «свято место пусто не бывает». Во властных структурах Казахстана вскоре возникла фигура еще одного ставленника Хрущева - **Николая Ильича Беляева**.

Неугомонный Никита Сергеевич никак не мог оста-

новиться и продолжал свои «реформаторские художества». Создав совнархозы (которые ликвидировали сразу же после его ухода) и, в общем-то, капитально «лопухнувшись» с ними, он взялся реформировать сельское хозяйство: МТС реорганизовал в РТС, свел к минимуму частные подворья в сельской местности, а в городах запретил держать любую живность, вплоть до несчастных кур

Да, в СССР строились птицефабрики, но когда яйца «выбрасывали» в продажу, выстраивались уму непостижимые очереди. Так что курице в городском подворье можно было бы вручить медаль за трудовую доблесть - хохлатка хоть как-то восполняла дефицит куриных яиц. А на нее стали устраивать облавы. Приношу извинения за некоторую гривуазность (нескромность) цитаты, но из песни слов не выкинешь. В те годы была популярной частушка: «Птицефабрик у нас много, //Еще больше строится, //А народ-то яйца видит, //Когда в бане моется».

Не знаю, любил ли Никита Сергеевич о себе анекдоты, подобно Леониду Ильичу, но анекдотов тогда в народе ходила масса (слава Аллаху, за них уже не сажали), да и сама жизнь порой походила на нескончаемый анекдот.

А вот назначенцам Хрущева было не до анекдотов, поскольку тому же самому Беляеву надо было осуществлять реорганизацию МТС, устраивать в городах облавы на кур, ставших персонами «нон грата», и прочее в том же духе.

Даже самым горячим сторонникам хрущевских реформ стало ясно, что парткомы, обкомы и прочие «комы» можно перестраивать до бесконечности, но это не повысит производительность труда; что экстенсификацию сельского хозяйства дальше вести не имеет смысла: распхать можно все - «с южных гор до северных морей», но это не повысит урожайность.

Пора было брать курс на интенсификацию сельского хозяйства, то есть подключать к сельскому хозяйству не голый энтузиазм, а голову. Но это произойдет немного позже, пока же Беляев был заложником хрущевских экспериментов.

Хрущев его недолюбливал: «Шибко грамотный! Институт народного хозяйства имени Плеханова окончил аж в 1925 году». Весьма некстати он был Хрущеву со своей хорошей экономической подкованностью, тем более что мог и возразить по существу, а этого Никита Сергеевич не любил.

Беляева он сам, по неосмотрительности, забрал в Москву с Алтая, сделал секретарем кремлевского ЦК, но как-то быстро разочаровался в своем выдвиженце и хотел его снова «задвинуть» куда-нибудь подальше. Мешал он Никите Сергеевичу, очень мешал. Так что с точки зрения Хрущева Казахстан для Беляева был в самую пору.

К тому времени горячка с целиной чуть поутихла. И хотя она по-прежнему была главной ареной битвы за урожай, впрочем, все более сомнительный по части рекордов, надо было осваивать животноводческую целину и не забывать о промышленной индустрии Казахстана.

Как раз в индустриальном секторе Беляев и поскользнулся. И грохнулся оземь, да так громко, что весть о произошедшем разнеслась не только по всему Советскому Союзу, но и было о чем поговорить тогда враждебным забугорным радиоголосам. Речь об августовской 1959 года трагедии в городе Темиртау.

Конечно, за давностью лет все видится много яснее и проще. И, тем не менее, поражаешься вопиющей безответственности людей, облеченных властью и не замечавших самоочевидного. Человека мало поставить к станку или к мартеновской печи и убедить, что он должен «пахать до седьмого пота». Ведь после этой

пахоты он захочет и помыться, и водички попить, и поесть более или менее сытно. А вот с тем, чтобы попить и поесть, в Темиртау была напряженка.

Утром в субботу 1 августа рабочие обнаружили, что столовые закрыты, поесть больше негде, и в магазинах «шаром покати». А голодный желудок бунтует не на шутку, да еще жажда проклятая мучает. Столовые оказались закрытыми и на следующий день, в воскресенье. А что такое разъяренная голодная толпа?.. упаси Аллах, иметь с ней дело! К тому же рабочий контингент этот ударной стройки был пестрым, точно құрақ көрпе (лоскутное одеяло). Брали на стройку всех без разбору, там были и уголовные элементы, и те, кто далек от строгих нравственных установок. В эту гремучую смесь только брось спичку...

Короче: столовые разгромили в пух и прах, только стены стоять остались, продуктовые ларьки разнесли в щепки. Ладно, казалось бы, дурную кровь спустили, и все пойдет на убыль. Ан нет! Есть и пить нечего. И в дополнение к этому милиция задержала двух бунтовщиков. К вечеру градус возмущения вырос до критической отметки. Здание милиции люди взяли в кольцо, готовясь к его штурму.

Чтобы утихомирить страсти, пришлось задействовать и милицейские подразделения, и охрану соседнего Карлага. А поскольку силовые структуры были при оружии, то дальше все шло по Чехову: «...если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить». И уже неважно, кто отдал команду стрелять. Погибли 16 человек, ранено было более ста, 42 отданы под суд.

Тут бы, едва запахло порохом, примчаться к месту событий первому секретарю ЦК партии республики и принять аварийные меры, на то он и первый секретарь. Но Беляев в это время был в отпуске. Хрущеву мигом все доложили, и он посылает к месту ЧП Бреж-

нева. Впрочем, в Темиртау они явились вместе - Беляев и Брежнев. Но, так сказать, к «шапочному разбору»: охранники зоны и милиция уже разогнали толпу.

Кто виноват в темиртауском взрыве? Вообще-то, виновата, конечно, система, но ведь она своей вины ни за что не признает. И «козлом отпущения», естественно, стал Беляев. Причем, логика такова: чем основательней система оступилась, тем крупнее была вина Беляева. К тому же целинный урожай в 1959 году погиб, можно сказать, на корню, посевы накрыл ранний снег. Республика брала обязательства сдать 900 миллионов пудов зерна, а сдала лишь 700. Не оправдал доверия партии, товарищ, не оправдал...

На этом собственно партийная звезда Беляева и закатилась. Какое-то время он проработал первым секретарем Ставропольского края, но вскоре его сняли и отправили на пенсию. А что еще оставалось?

Нам же в этой главе осталось рассказать об **Исмаиле Абдрасуловиче Юсупове** - последнем назначенце беспокойного Никиты Хрущева.

Вообще-то, если быть особенно точным, после Беляева кресло первого секретаря ЦК КПК на какое-то время занял Кунаев, но - именно «на время». Вот что пишет по этому поводу в своей книге «Брежнев» Леонид Млечин (размещена в Интернете, читается, словно книга Агата Кристи, не оторваться).

«В ту самую пору Узбекистан обратился в Кремль с просьбой передать ему два сельскохозяйственных района Чимкентской области, где выращивают хлопок. Хрущев счел идею разумной. Но Кунаев был категорически против! Хрущев опешил. Возражать? Мне?!»

Хрущев не сдерживал эмоций: «Вам что - земли мало? А вот первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома Исмаил Юсупович Юсупов нисколько не возражает, напротив, безоговорочно согласен на территориальный передел».

Юсупова вызвали в Москву, он и не подозревал за-
чем?..

- Меня не устраивает нынешнее руководство Ка-
захстана, - сказал ему Хрущев. - Как Вы посмотрите,
если на эту работу мы направим Вас?

Вот уж как снег на голову!

- Никита Сергеевич, благодарю за доверие,- отве-
тил растерявшийся от неожиданности Юсупов,- но
я боюсь, что меня казахский народ не поймет. Ведь
я представитель уйгурского народа. И вдруг един-
ственного уйгура-начальника выдвигают первым се-
кретарем...

Хрущев разозлился: «Опять ему смеют возражать!»

- Какое это имеет значение? - в раздражении бро-
сил он. - Я думал, ты грамотный, понимаешь задачи
коммунизма. У нас скоро ни границ, ни националь-
ностей не будет. В Союзе в перспективе будет единый
язык, границы между республиками исчезнут. Забудь
все это, иди и работай.

По молодости лет Исмаил Юсупов учился в сельско-
хозяйственном техникуме. Когда призвали в армию,
окончил военно-политическое училище в Минске.
Воевал на Ленинградском фронте, попал в окруже-
ние, вышел из него. После ранения в 1942 году был
признан негодным к строевой службе. Вернулся в Ка-
захстан. В 1945 году он был уже наркомом водного хо-
зяйства республики. Со временем стал секретарем ЦК
КП республики по сельскому хозяйству.

Когда в ходе освоения целины изменили админи-
стративно-территориальное деление Казахстана, и
появились три новых края, Юсупова сделали первым
секретарем Южно-Казахстанского крайкома. Он счел
это понижением и обиделся на Кунаева. И вот теперь
как бы взял реванш.

А Кунаева опять определили на роль председателя
Совмина. Он, правда, просил отпустить его в Акаде-

мию наук, в Институт горного дела, но Хрущев лишь поморщился:

- Мы своих решений не меняем. На должности председателя Совмина вы принесете большую пользу.

Казалось бы, для Юсупова настал «звездный час», но ему «повезло», быть может, больше всех его предшественников. Время его правления в Казахстане совпало с пиком волюнтаризма Хрущева. Кремлевский реформатор создает обособленные друг от друга сельскохозяйственные и промышленные обкомы.

Мало задумываясь о последствиях, укрупняет сельские районы, ликвидирует районные газеты. И начинает перекраивать административную карту Казахстана. Появляется Целинный край, следом возникают Южно-Казахстанский и Западно-Казахстанский, на очереди было создание Восточно-Казахстанского края, но времени чуть-чуть не хватило. Эту свою задумку Никита-реформатор осуществить уже не успел. Сместили верные соратники.

Административное переустройство - зло не самое большое, однако Никита Хрущев взялся перекраивать, как мы уже говорили, и географическую карту Казахстана, стремясь урезать часть его территории. И во всех этих начинаниях Юсупов, как верный клевет кремлевского владыки, должен был его поддерживать.

Да и в Москве бравый Никита устраивал турбулентные завихрения. Чего стоит одна лишь «бульдозерная выставка» художников-модернистов. На Андрея Вознесенского вождь наорал прилюдно, что, спустя годы, сказалось роковым инфарктом. И стало очевидно: оттепель «накрылась рваной пилоткой».

Юсупов в Алма-Ате тоже должен был идти фарватером событий. Здесь срочно открыли «охоту на ведьм» - безотлагательно велено было найти своих модернистов. На эту роль пытались определить ху-

дожника Алексея Степанова, но его творчество оказалось настолько ярким и жизнеутверждающим, что в качестве модерниста он выглядел неубедительно.

Тем не менее, Юсупов собрал в зале заседания ЦК творческую интеллигенцию Алма-Аты, пожурил ее за некоторые отступления от соцреализма и, по свидетельству участников этого совещания, получил мощный «отлуп» от Олжаса Сулейменова, который после своей недавно вышедшей космической поэмы «Земля, поклонись человеку» был на пике популярности. Олжас на пальцах объяснил заместителю Хрущева, что нож бульдозера и палитра художника - явления разного порядка и сопрягаться не могут.

Наступил октябрь 1964 года, кремлевские «заединщики» спровадили «нашего дорогого Никиту Сергеевича» из Кремля. Пришло время Брежнева. И, как мы знаем, Кунаева.

Димаш Ахмедович вписал весомые страницы в историю нашей страны. Но об этом надо говорить в особицу и с красной строки.

ДИНМУХАМЕД КУНАЕВ. В ДРУЖЕСКИХ ТИСКАХ КРЕМЛЯ

Монументальную фигуру из бронзы отливают обычно частями, а затем накрепко соединяют эти части между собой, и при внимательном исследовании монумента можно обнаружить швы. Но порою жизнь, а точнее история, являет нам цельную личность, где подобные швы неуместны, где, вопреки гигантским масштабам натуры, целостность как бы задана от природы.

Я думал об этом, исследуя судьбу и биографию Динмухамеда Минлиахмедовича Кунаева. Он от природы был щедро одарен - ростом, статью, талантами. Жил размашисто, крупно, был как бы запрограмми-

рован стать впереди идущим, вести за собою массы. И призыванию этому не противился.

Родился он в 1912 году в городе Верном (ныне - Алматы). Старожилы указывают место, где стоял дом его родителей (к сожалению, он не сохранился). Это напротив здания казахского ТЮЗа, неподалеку от конной статуи Амангельды Иманова. Тогда это была, можно сказать, окраина Верного. Улочка, на которой стоял дом, вела в район старого кладбища - оно располагалось там, где сейчас находится железнодорожный вокзал Алматы-II.

Ближе к началу Великой Отечественной войны сюда, в район нынешнего расположения ТЮЗа, сместился центр города. Здесь была и площадь имени Коминтерна, на которой проходили парады и демонстрации. Улочку выпрямили, заасфальтировали, по ней помчался невеликий в те времена поток автомобилей, и она обрела помпезное название - проспект Сталина.

А в детские годы Кунаева здесь была малолюдная тихая гавань. На ночь окна закрывали ставнями. За домами кустились зеленью огороды. Курчавился на заборах духмяный цепкий хмель. Алым соком наливались на грядках пахучие помидоры, застенчиво прятались под зеленым листом фиолетовые баклажаны. И вызревали огромные тыквы. К сентябрю на их боках проступали оранжевые кольца.

Огород шел в низинку, оттуда в жаркий полдень тянуло сыростью. Маленький Димаш любил затаиться среди тугих кукурузных стеблей и, подняв кверху голову, смотреть на белые, неспешно плывущие по небу облака. Они как вечные вестники из прошлого в неведомый завтрашний день.

И потом, годы и годы спустя, среди взрослой жизни, в минуты неимоверного напряжения, когда надо было срочно прогнать усталость, он буквально на

полминуты прикрывал глаза. Ему являлся двор его детства, огород, утопающий в зелени, в лицо веяло свежестью, над головою в синем небе плыли невесомые облака - мир до краев был наполнен покоем. И приходила пронзительная ясность. То, что мгновеньем назад казалось почти неразрешимым, обретало простоту эвклидовых Начал.

Минут сверхнапряжения в его жизни было более чем достаточно. И когда он занимал высокие посты, а Кунаев уже в тридцать лет стал заместителем председателя Совнаркома республики, курировал оборонную промышленность Казахстана (шел 1942 год); и много раньше, когда строил Коунрадский рудник, был его директором, как, впрочем, чуть позже стал директором рудников Риддера (Лениногорска), которые, было, зачихали, но партия велела ему, Кунаеву, вызвать их к новой жизни, и он сумел это сделать.

Учтем, что по профессии он был горняк, бурильщик и взрывник. А это невольно сказывается на облике и характере человека. Надо знать неодолимую, косную силу Земли, надо уметь извлечь из ее недр рудоносную массу. Надо точно знать, какими бурами бурить скважины, в какой последовательности закладывать их и взрывать.

На излете жизни он напишет книгу «От Сталина до Горбачева. В аспекте истории Казахстана» и в ней скажет: «В своей инженерной деятельности мне приходилось сталкиваться... со всеми разновидностями взрывных работ, подземных и наземных. В условиях Коунрада приходилось взрывать десятки, сотни скважин, заряженных взрывчатыми веществами общим весом от тонны до десятков и сотен тысяч тонн». И тут же перебросит мостик из 30-х годов в 60-е: «В известной степени этот опыт пригодился при уникальном направленном взрыве в урочище Медео близ Алма-Аты».

И сверх того, он знал, что самый взрывоопасный, но и созидательный материал (все зависит от направленности взрыва) - человек, его психика, его воля. Как партийный вожак Кунаев обязан был уметь нацелить эту волю на благие дела, вызвать к жизни скрытые в самом человеке резервы, о которых тот нередко и не подозревает. Как он это делал, за счет чего, ведает только Аллах.

На Коунрадском руднике Кунаев сумел сплотить вокруг себя людей, зажечь энтузиазмом. Причем, в нечеловеческих условиях: летом запредельная жара, зимой лютая стужа, снабжение, мягко говоря, скудное. Бездорожье, до ближайшего населенного пункта - километров 500, добраться можно лишь на самолете. А сколько их было-то в начале 30-х годов, этих самолетов?.. И, тем не менее, план по строительству рудника и Балхашского медеплавильного комбината выполняли с опережением на 150-200 процентов...

Риддер тоже был крепким орешком. Кунаев прибыл сюда на исходе осени (кстати, с молодой женой, но об этом чуть позже). План добычи руды не выполнялся, верхние горизонты были почти полностью отработаны, о стабильной работе приходилось только мечтать.

Основная задача, стоявшая перед ним, - подготовить к пуску строящуюся обогатительную фабрику и сполна обеспечить ее рудой. А руды добывалось мало. Непростительно мало. Риддер впору было помещать в реанимационное отделение. Меж тем был канун 1940 года, на Западе шла война, и наша страна готовилась к войне. Едва ли надо говорить, что значили в этих условиях цинк, свинец и другие цветные металлы. Тут «разводить турусы на колесах» было некогда.

Повторяю: Кунаев прибыл сюда, на рудники, где едва теплилась жизнь, в конце ноября. Но уже с первого января рудник начал выполнять план. Каким

образом? Какие резервы нашел? Что сумел сделать вновь прибывший директор, чтобы в корне изменить ситуацию?..

В наши дни звучит странно, необедительно и даже наивно такая вот фраза: «Развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана горно-капитальных работ, добычи руды, повышения производительности, за внедрение новых методов труда». Как сказал бы Гамлет: слова, слова, слова...

Но вслед за этой для нас, сегодняшних, мало что значащей фразой Кунаев пишет нечто вполне конкретное: «Увеличилось количество одновременно работающих забоев, сократилось расстояние перекидки руды от забоя до рудоспуска, по строгому графику производились выемки секции...»

Не понимаю до конца сути производственных процессов в данном случае, но, тем не менее, читаю дальше, и вот оно мое прозрение: «Инженерная мысль, помноженная на рабочую смекалку и ударный труд горняков, позволила в кратчайшие сроки внедрить многозабойное и перфораторное бурение...Производительность труда на ряде участков повысилась в 3-4 раза».

Загадкой для меня остается следующее: люди на рудниках работали те же, что и до прибытия нового директора, и те же самые специалисты руководили ими, но результат был разительно другой. Ведь не изпод палки же стали «вкалывать» на рудниках до седьмого пота... Видно, в психологии людей свершилась некая созидательная подвижка, ибо, несомненно, была какая-то магия в партийцах тех лет. Само присутствие Кунаева стало тем изначальным импульсом, который преобразил все вокруг.

Пытаясь разгадать его тайну, я возвращаюсь к школьным годам Димаша Ахмедовича. «На уроках нас подробно знакомили с биографиями главных руково-

дителей государства - Ленина и Троцкого,- пишет он в своей книге. - Повсюду вывешивали их портреты. В пионерах мы разучивали о них песни и стихи...

Но вот однажды нам стало известно, что Троцкого освободили от всех его постов, выслали из Москвы, и теперь он живет в нашем городе. Понятно, что желание увидеть его было огромным. Однажды кто-то в классе сообщил, что Троцкий живет на улице Гурдэ, в доме № 75. Возвращаясь из школы, мы всегда проходили мимо этого дома, однако увидеть ссыльного жильца нам так и не удавалось.

Но раз подвернулся случай, и мы сами неожиданно встретились с ним, когда группой учеников возвращались домой после похода на Мохнатую сопку в урочище Медео. Это довольно далеко от города - не менее двадцати километров. На повороте узкой дороги возле учительской дачи появился арбакеш (извозчик) с узелками, положенными на телегу, за которой шли несколько женщин. Впереди всех уверенно шел человек в пенсне, с клиновидной бородкой, небольшого роста.

Мы без труда узнали, по знакомым портретам и фотоснимкам, в этом человеке Троцкого. Замерев, почтительно поздоровались. Он ответил на наше приветствие и, не останавливаясь, продолжил со своими спутницами путь в направлении урочища Медео.

Потом еще несколько раз доводилось мне видеть его и в охотничьем снаряжении, и неспешно прогуливавшегося на улицах. Никакой охраны с ним ни рядом, ни поодаль не было. И как он исчез из города, тоже никто не заметил. Позже, много лет спустя, мы узнали, что Троцкий в Алма-Ате не сидел, сложа руки. Только за апрель - ноябрь 1928 год он отправил своим сторонникам 800 писем и 500 телеграмм...

А теперь чуть укрупним масштабную планку: «Впереди всех уверенно шел человек в пенсне, с кли-

новидной бородкой, небольшого роста. Замерев, мы почтительно поздоровались. Он ответил на наше приветствие и, не останавливаясь, продолжил... путь».

Мальчику запала в память, в душу вот эта уверенно идущая впереди всех по горной дороге фигура человека. Его целеустремленность - вперед и выше. Он знает, куда идет. Он знает, куда должны идти те, кто следует за ним.

Едва ли нужны оговорки, что я не собираюсь словословить Троцкого. Но в данном конкретном случае нетрудно догадаться, что испытала зреющая детская душа. Образ стремительно идущего человека проник в потаенные глубины души, укоренился в ней, стал ее сутью.

У Кунаева была размашистая, стремительная походка человека, идущего к намеченной цели. Человека, который знает, куда и с какой целью идет. Знает, куда и зачем он ведет тех, кто следует за ним. И у тех, кто шел за ним, походка становилась такой же целеустремленной.

В пушкинском «Евгении Онегине» есть удивительная строчка, простая и неисчерпаемая по глубине: «Судьба Евгения хранила...» Нам всем, как правило, недосуг вдумываться в ее суть, а стоило бы...

Кунаев, работая на Коунрадском руднике, был свидетелем того, как благодаря стараниям «органов» внезапно и бесследно исчезали люди. Причем, лучшие по своим человеческим и профессиональным качествам. «У нас в Коунраде политических процессов не было. Ни одного, - вспоминал Кунаев. - Аресты чекисты производили, как правило, ночью. Приезжали на машине, увозили и - ни слуху, ни духу о нем. Был человек, и нет его. Ни о каких ходатайствах, поручительствах, общественной защите и речи быть не могло».

Потом, годы спустя, придет горестное недоумение: «Безвинно арестованные... Враги народа... Сегодня мы знаем, что массовым репрессиям, ссылкам, аре-

стам - этому террору против собственного народа, его лучших представителей нет и не может быть никакого оправдания».

Когда я читал эти строки, когда входил в перипетии жизни молодого талантливый специалиста на Коунрадском руднике, который не просто плыл по течению, а наперекор косным обстоятельствам пытался изменить ситуацию, добиться оптимальных результатов, у меня сердце сжималось в тревоге.

Таких вот яростных и непокорных чекисты прибирали к рукам в первую очередь. Слава Аллаху, его миновала сия чаша. Ради будущего, ради того, что ему еще надлежало свершить. Судьба Кунаева хранила...

Риддерским, то бишь Лениногорским, рудникам он безоглядно отдал сердце. Повинны в том не только профессиональная одержимость, но и молодость, и любовь, которая пришла к нему в те дни и годы. Незадолго до Риддерской эпопеи он встретил свою Зухру Ялымову, предложил стать его женой.

Их приезд в Восточный Казахстан стал и свадебным путешествием, и прологом к, богатой на события, многолетней семейной жизни. Их молодость и взаимная крепкая любовь росли и расцветали среди красот горной тайги Восточного Алтая. И это правда. Хотя чистая правда и то, что тогда Кунаеву было не до сантиментов - работа отнимала все время и все силы. Но щедрая, безудержная палитра красок, которой одаривали горные реки, таежные дали, небесная синева над Алтаем в любую пору года, всю жизнь потом, словно магнит, будут манить, притягивать его к себе.

Книгу, которую я здесь цитирую (она вышла из печати уже после кончины Кунаева, в 1994 году), Динмухамед Минлиахмедович в благодарность за многолетнюю верность посвятил светлой памяти друга и жены Зухры Шариповны.

Он рано понял, что жизнь его ему не принадлежит.

Не знаю, пришло ли осознание этого со временем или оно было органично присуще ему как верному и убежденному партийцу, но любое свое назначение Кунаев принимал как должное, и каждый раз отдавался новой работе полностью, до самозабвения.

В апреле 1942 его отозвали из Лениногорска в распоряжение ЦК Компартии Казахстана: «Мне было сказано, - пишет он, - что я рекомендую заместителем председателя Совнаркома республики, буду заниматься работой промышленности союзного подчинения».

Естественно, ему поручалось контролировать работу предприятий цветной металлургии и помогать им. Сверх того он курировал угольную и нефтяную промышленность, электростанции, железные дороги, автотранспорт и оборонные заводы. А ведь в ту пору было ему всего лишь 30 лет. Но, по его словам, он «не испытывал боязни перед ответственной поручением. Доверяют большое дело - должен его выполнить».

Из репродукторов военных лет звучал бравурный марш танкистов: «Броня крепка и танки наши быстры...» А крепость брони зависела от процентного содержания в ней вольфрама и молибдена. Ему, Кунаеву, поручено ускорить строительство вольфрамового комбината в Акчетау. Потом выехать в Балхаш, чтобы оптимизировать получение молибденового концентрата из медно-порфировых руд Коунрада, а там надо было для начала разведать залежи руд и построить рудник. Чуть позже он скажет об этом по-военному четко и коротко: «Разведали. Построили. Добыли».

Для начала Кунаев с небольшой группой помощников выезжает в Акчетау. И, разумеется, ему удалось в самые сжатые сроки выполнить задание Госкомитета Обороны. Однако поражает другое. Занятый сверхважным делом сегодня, он думает о завтрашнем дне.

И с трудом выкроив время, выезжает в те горные массивы Акчетау, где ведут поисково-разведочные работы геологи.

За неделю он побывал в десятках геологоразведочных партий. «Это очень помогло мне, - напишет он потом в своей книге, - когда я стал председателем Геологосовета республики (учреждение ЦК для координации работ многочисленных геологоразведочных организаций)».

Коридоры власти непредсказуемо скользкие, а потому падения и ушибы почти неизбежны. Случались отставки с высоких постов и у Димаша Ахмедовича. Хотя точнее было бы назвать их не отставками, а подвигами, как это бывает в шахматной игре.

Отставка предполагает не столько даже понижение в должности, сколько поражение в правах, после чего как бы уже и невозможен подъем на прежний высокий уровень. Но в случае с Кунаевым могла быть лишь, с позволения сказать, «рокировка» - в длинную либо короткую сторону.

Он никогда не терял свое высокое позиционное качество, потому что его человеческие качества были, безусловно, истинными и наивысшей пробы.

Десять лет проработал он заместителем председателя СНК республики. И в какое время! С 1942 по 1952 годы. Неукоснительно выполняя все задания партии, как бы сложны они ни были, он обнаружил в себе предельный запас прочности.

Следующий пост, который довелось занимать Кунаеву, был для него и внове, и довольно непростым, причем, назначение на эту должность состоялось в очень сложной ситуации.

Была в разгаре развязанная Суловым вакханалия вокруг историка Ермухана Бекмаханова и его оценки движения Кенесары Касымова. А поскольку Институт истории являлся частью Академии наук, то на Каны-

ша Имантаевича Сатпаева, президента академии, стали необоснованно возводить обвинения, то есть, по просту говоря, «всех собак вешать».

Жумабай Шаяхметов (первый секретарь ЦК КПК) был в очень щекотливом положении, по долгу службы он должен был поддерживать официальную точку зрения кремлевского ЦК. И чтобы разрядить обстановку, он в декабре 1952 года предложил возглавить Академию наук Казахстана Кунаеву. Тот, как говорится, «с порога» отказался.

Но ситуация усложнялась. И когда через два месяца Шаяхметов повторил это предложение, Кунаев вынужден был согласиться. В конце сентября 1952 года состоялся VI съезд Компартии Казахстана. Президент Академии наук был избран членом республиканского ЦК и делегатом XIX съезда ВКП (б) - последнего, как вы понимаете, съезда с участием Сталина.

Инерцию зла порой трудно загасить. ЦК КП республики предложил Кунаеву вывести Мухтара Омархановича Ауэзова из состава академиков «по идеологическим соображениям». То были последние конвульсии сталинско-бериевских репрессий. Всегда законопослушный Кунаев на этот раз не подчинился всеильному ЦК, срочно улетел в Москву, чтобы там, в самых верхах, вывести Ауэзова из-под удара.

А дальше наступило непростое десятилетие Хрущева с его непредсказуемыми реформами и нередко спонтанными назначениями. Кунаев дважды занимал пост председателя Совмина Казахстана, был первым секретарем ЦК Компартии республики - с этой должности он был смещен за то, что посмел возразить партийному диктатору по территориальному вопросу.

Десятилетие это вместило в себя и освоение целины, и XX съезд партии, развенчавший культ личности Сталина, и события в Темиртау, когда взрывник Кунаев осознал на конкретном примере, что самая взры-

воопасная смесь - это человеческая толпа, подогреваемая деструктивными элементами.

В январе-феврале 1960 года в составе советской правительственной делегации Кунаев побывал в США. В той поездке было много различных встреч: в ООН, с губернатором штата Нью-Йорк, с председателем Верховного суда США, с миллиардером Рокфеллером.

Запомнился прием у Гертера, госсекретаря США. Кунаев был несказанно рад, когда на этом приеме вдруг появился дорогой его сердцу земляк, которого он смог вытащить из-под катка репрессий, - Мухтар Ауэзов. Перед отлетом советской делегации на родину ее принял Президент США Эйзенхауэр. Мир раздвигал рамки, мир поражал многозвучными контрастами и неоднозначными, полярными оценками происходящих событий.

Кунаев присутствовал на октябрьском 1964 года Пленуме ЦК КПСС, когда был освобожден от занимаемой должности Никита Хрущев, и первым лицом СССР стал Брежнев. А уже в декабре Кунаев стал партийным лидером Казахстана.

Для него наступили годы и десятилетия истинного созидания, когда он, вопреки диктату Кремля, но, тем не менее, пользуясь его поддержкой, сумел сделать так много добрых дел для своего Отечества, для Родины, для Казахстана.

Однако вернусь к событиям, которые произошли годом раньше, летом 1963 года. В Алма-Ату прибыл Косыгин. Он был занят составлением очередного пятилетнего плана и хотел сам ознакомиться с ситуацией в крупнейших республиках. Тогдашний первый секретарь ЦК КП Казахстана Юсупов находился в отпуске, и высокопоставленного союзного коллегу сопровождал Кунаев. Где они только ни побывали! Кустанай и Целиноград; Павлодар и Караганда; Балхаш,

Джезказган, Усть-Каменогорск... И вот - любимый многими город Алма-Ата.

- Про Медео и Чимбулак мы слышаны, - сказал Алексей Николаевич на исходе недели. - Чем вы еще знамениты?

- Высокогорное озеро Иссык, - ответил Димаш Ахмедович. - О, такую красоту и в Швейцарии не сыщешь.

К вечеру в воскресенье 7 июля Косыгин должен был вылететь в Москву. А с утра они поехали на Иссык. Это было недалеко от Алма-Аты, каких-то 70 километров в отрогах Заилийского Алатау. Погода отличная, пейзаж изумительный. Озеро изумрудно-зеленой окраски, и рядом сопредельное озерко синевы неописуемой. Безмятежные лодки с отдыхающими.

Высоких гостей ожидал катерок, он отвезет их на противоположный берег, где горы почти отвесно уходят в воду. Они уже подошли к катеру, как вдруг заметили несущийся с гор гудящий коричневый поток. Селевая масса обрушилась в озеро. Вода вздыбилась, закипела. Мощный вал ее переворачивал лодки с людьми...

Машина, в которой находились Косыгин с внуком и Кунаев, едва успела проскочить через мост. Секунда-другая и мост под ударом стихии рухнул. Шесть миллионов тонн грязекаменной массы обрушились в озеро, стерев его с лица земли. Погибли люди, разрушены жилые дома.

Тем летом и годы спустя, осмысляя происшедшее, Кунаев вникал в статистику катастроф. С 1921 по 1982 годы в Казахстане зафиксировано 5 катастрофических селей, 3 из них дошли до Алма-Аты. Уже тогда, в 1963 году, Кунаев понял: угроза селя для столицы будет постоянной, если не принять упреждающих мер. Нужна противоселевая защита, она приобрела государственную значимость.

Меж тем предстояло заново строить высокогорный каток «Медео», ледовую фабрику рекордов. И совершая рекогносцировку на местности, Димаш Ахмедович опытным взглядом взрывника отметил уступы горы Махнатка, нависающие над катком. Потом обратил внимание на противоположный склон ущелья. И тут пришло единственно верное, по его мнению, решение.

Дальше - почти дословно - информация, текст которой размещен на сайте Международного фонда Кунаева: 21 октября 1966 года под руководством Динмухамеда Ахмедовича был произведен направленный взрыв для сооружения плотины в верховьях Алматинки. Взрыв не вызвал никаких посторонних разрушений, а верхушка горы, как и ожидалось, легла точно в тело сооружаемой дамбы.

Спустя чуть более полугода, 14 апреля 1967-го, произвели второй взрыв камерных зарядов, уложенных в левобережье скалы. Таким образом, было образовано основное тело селеудерживающей плотины.

В 1973 году на плотину, словно проверяя ее прочность, обрушился мощный сель. Грязекаменный поток возник от прорыва мореных озер ледника Туюксу, расположенных на высоте 3300 метров над уровнем моря. Селевая масса в объеме 3,5-4 миллиона кубометров была задержана плотиной.

Вторая волна селевого потока прошла 16 июля. Плотина выдержала и этот удар. От разрушения была спасена вся восточная часть города. В те трудные дни Динмухамед Ахмедович сам возглавлял ответственную работу по предотвращению последствий селевого потока и созданию условий для спокойной жизни населения города.

В 1975 году были начаты и в 1980 году закончены селезащитные работы по реке Большая Алматинка. Рядом с плотиной, у ее подножия, расположен современный каток «Медео».

Возглавив в 1955 году Совмин и сполна осознав масштаб стоящих перед ним задач, Кунаев настоял на создании трех новых министерств - цветной металлургии, строительно-монтажных работ и Министерства геологии, объединившего все геологические службы. Чуть позже было организовано Министерство энергетики, а затем - Министерство сельского строительства. Это не было раздуванием административно-управленческого аппарата, а обуславливалось жесткими требованиями, предъявляемыми жизнью. В одном лишь 1955 году предстояло построить 250 новых совхозов.

И еще о двух событиях 1955 года просто нельзя умолчать. Впервые за всю историю Советского Казахстана именно в бытность Кунаева председателем Совмина наша республика принимала гостей на высшем международном уровне: Алма-Ату посетил Джавахарлал Неру с дочерью Индирой, а чуть позже - руководитель Бирмы У Ну.

Спустя год, Кунаев в составе парламентской делегации СССР, возглавляемой Фурцевой, побывал в Англии, где был представлен королеве Елизавете II, премьер-министру Идену и Уинстону Черчиллю. И уже под сводами Букингемского дворца прозвучало тоже, быть может, впервые еще непривычное европейскому уху слово «Казахстан», но оно вполне конкретно персонифицировалось в высоком статном человеке по имени Динмухамед Кунаев, премьер-министр.

С именем Д. А. Кунаева связано открытие Казахстана такими странами, как Алжир, Иран, Египет, Япония, США, наконец. Именно Кунаевым начато строительство мостов дружбы и сотрудничества Казахстана с мировым сообществом. Благодаря его непосредственному патронажу в 1978 году в Алма-Ате прошла Международная конференция Всемирной организации здравоохранения, в работе которой при-

няли участие 134 страны. Выступил на ней и сенатор Эдвард Кеннеди.

«Ему по душе пришлось столица Казахстана, - вспоминал Кунаев, - и особенно Мемориал славы в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев, где, вспомнив убитого брата-президента, Кеннеди-младший заплакал. Конечно же, наши люди хорошо понимали его чувства. Мне довелось встретиться с этим неординарным политиком и человеком, обстоятельно побеседовать с ним. Республика к этому времени имела экономические связи с десятками стран мира... оказывала и научно-техническое содействие, и медицинскую помощь ряду государств Азии и Африки».

В Казахстан зачастили главы государств Европы, Океании, Северной и Латинской Америки. И как нам с вами не понять гордости лидера нашего Отечества: «Они приезжали и воочию убеждались, как весомы успехи Казахстана, некогда глухой и окраинной провинции царской России».

Волнующим событием для Кунаева стала прошедшая в Алма-Ате Пятая конференция писателей стран Азии и Африки. На нее приехали писатели и с других континентов. Форум открыл египетский писатель Юсуф Сибаи. Беседа с ним тоже надолго запомнилась Димашу Ахмедовичу: «По его настоятельной просьбе я подарил ему книгу Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы 19 века», которая в свое время подверглась жестокой критике и была изъята из обращения».

Коль скоро мы заговорили о писательских делах, нельзя обойти стороной ситуацию, сложившуюся вокруг книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Идеологией при Брежневле заправлял «серый кардинал» Суслов. В 1975 году вышла в свет выдающаяся (и это без преувеличений!) книга Олжаса.

У поэта был свой взгляд на историю, его книга не умещалась ни в партийные догмы, ни в рамки соцре-

ализма, а потому началась травля писателя. Дирижировал ею «серый кардинал», требуя строго наказывать всех, кто имел касательство к изданию книги.

А Кунаеву книга понравилась, о чем он прямо сказал Суслову, но доводы разума на того не действовали. Тогда Кунаев по-приятельски зашел к Брежневу и попросил его прочитать книгу Олжаса.

Приспешники Суслова на Старой площади в Москве вынашивали план расправы над Олжасом. О! Там готовилось разгромное постановление чиновников от идеологии, культуры и науки. Кунаев сумел их переиграть: Брежнев разрешил ему рассмотреть вопрос на местном, так сказать, уровне. Дело спустили на тормозах, диссидента из Олжаса сделать не удалось.

Михаил Исиналиев (в свое время министр культуры, министр иностранных дел Казахской ССР) в очерке «Наш Димеке» (материал взят мною из Интернета), вспоминая 60-е годы, пишет: «В те годы в столице было всего 3-4 памятника - Абаю, Ленину, Амангельды, Дзержинскому и бюст Виноградова. Не было памятников Шокану, Ауэзову, Жамбылу... Объяснение простое - нет денег, нет своих мастерских, а литье на стороне дорогостоящее. В записке на имя Кунаева от имени горкома и горисполкома мы обосновали необходимость для столицы памятников выдающимся деятелям. Получили с его стороны полную поддержку и нашли возможности для установления памятников».

А как он много сделал для Алма-Аты! Гроздь замечательных сооружений в квадрате улиц Байтурсынова, Сатпаева, Джандосова, Абая - Дворец спорта, плавательный бассейн, цирк, театр имени Ауэзова, Дворец бракосочетаний.

Проспект Абая берет свой разбег от Дворца Республики. Рядом высотная гостиница «Казахстан», Дом политического просвещения, чуть выше - оригиналь-

ное здание Дворца пионеров, гостиница «Алма-Ата»! Оздоровительный комплекс «Арасан»! А здание вокзала Алма-Ата-1... Театр имени Лермонтова, Центральный государственный музей, картинная галерея имени Кастеева, КазГУград, торговый центр города...

Для сооружения всех этих объектов требовались баснословно огромные деньги, которые были в распоряжении Москвы. Кунаеву стоило невероятных усилий буквально выцарапывать эти деньги у высоких партийных боссов.

В те годы в республике появлялись новые совхозы, росли новые поселки, города, строились промышленные предприятия, заводы, шахты, рудники. В Казахстане крепили основы экономики, которые уже вскоре, уже в иную эпоху позволят нашей стране сделать рывок в завтрашний день.

Кунаев был очень демократичен. В силу присущей ему от природы интеллигентности он умел находить общий язык и взаимопонимание с любым человеком, будь то чабан, механизатор, директор совхоза или крупного предприятия, ученый, писатель, артист. У него было потрясающее умение принять человека, выслушать его.

По воспоминаниям Михаила Исиналиева, даже если Димаш Ахмедович не мог выполнить просьбу человека, он был к нему так чуток и внимателен, что человек уходил от него просветленным. «Этому надо поучиться, - с восхищением пишет Исиналиев. - И это дорогого стоит».

Надо бы подытожить эту главу, а у меня, сказать по правде, сердце не лежит к тому, чтобы описать то смятение чувств, что пережил на склоне лет, в конце своей карьеры на государственном поприще, человек, который для многих из нас стал примером служения стране, служения народу. И которому все мы благодарны за его деяния. Пусть он остается в нашей памя-

ти в апофеозе своих дел и устремлений.

Мы невольно замедляем шаг, когда проходим мимо одного из красивейших скверов Алматы, он осенен стройным рядом фонтанов, и строгие ели служат как бы торжественным фоном для бронзового бюста трижды Героя Социалистического Труда Динмухамеда Ахмедовича Кунаева.

Кстати, сквер находится на улице, носящей его имя. Рядом - музей Кунаева. Родной город Димаша Ахмедовича бережно хранит память о своем славном земляке. Его именем названы университет и колледж. Создан Международный фонд Кунаева. Не меркнет его имя в благодарной памяти народа.

Один старый писатель рассказывал мне, как он в 70-е годы теперь уже прошлого столетия был на приеме в здании ЦК, на Старой площади. Пришел загодя, раньше назначенного часа. Кунаев был в городе.

Писателю велено было ждать, и он пристроился у подоконника, в кулуарах этого огромного и необычного здания. В нем шла своя неспешная размеренная жизнь. И литератор с чисто профессиональной хваткой вслушивался в шумы, доносящиеся с улиц сквозь массивные стекла окон в это державное святилище, ловил отзвуки голосов, долетающие из кабинетов и коридоров.

Мимо неспешно прошел деловито-подтянутый служащий. Если напрячь слух, можно было услышать воркованье голубей неподалеку и шум фонтанов в близлежащем сквере. Казалось, здесь все располагает к покою и неспешному течению мысли.

И вдруг - непонятно, как и чем это объяснить! - в самой атмосфере здания, в энергетике пространства возникло качественно новое состояние, и пробежала волна, что заставила невольно подтянуться и привести в повышенную готовность мысль и чувство. Казалось, сами стены здания и просторные коридоры

неожиданно обрели сверхчуткость. И тут поодаль стремительно прошел высокий человек. Его голова была вскинута вверх, походка была размашистой, крупной. За ним шли люди, их было немного - четверо или пятеро. Они, стараясь не отставать, слаженно двигались следом и как бы отдельно. Длилось это несколько быстрых секунд. Но писателю запомнилось на всю жизнь.

ГЕННАДИЙ КОЛБИН В РОЛИ НИКОЛАЯ I

Просвещенный читатель, пожалуй, заметит по поводу этого заголовка: «много, мол, чести для Колбина, сравнивая его с печально известным Государем Императором. Тот хоть, при всех его недостатках, был царской фамилии...»

Колбин был всего-навсего партийным функционером. И его роль в истории Казахстана (остался-таки в анналах) была сугубо практическая - роль заплатки на «тришкином кафтане» уже готового к распаду и трещавшего по всем швам социалистического строя...

*Из книги Динмухамеда Кунаева
«От Сталина до Горбачева. В аспекте истории
Казахстана»*

...Встретился с Горбачевым, и мы долго беседовали с ним. Высказал ему свои соображения по поводу многих аспектов нашей деятельности и, не скрою, высказал и претензии. Когда уходил от него, то пришел к окончательному выводу - уйти на пенсию.

В заявлении указал, что ЦК КПСС свыше сорока лет оказывает мне высокое доверие, и скоро исполняется 21 год, как состою в составе Политбюро. Глубоко признателен ЦК за поддержку и помощь, оказанную мне в практической деятельности за длительный период

моей работы. Он принял заявление и сказал, что поддерживает мою просьбу...

В конце разговора спросил Горбачева о том, кто будет секретарем вместо меня. Он ответил: «Позвольте это решить нам самим»...

11 декабря 1986 года *без моего участия* состоялось заседание Политбюро, на котором было принято решение о моем освобождении от работы в связи с уходом на пенсию.

16 декабря был собран пленум республиканского ЦК. Пленум открыл я и предоставил слово секретарю ЦК КПСС Разумовскому. Он огласил решение Политбюро о моем уходе на пенсию и произнес добрые слова в мой адрес. Первым секретарем ЦК избрали Г. В. Колбина. В конце работы я поблагодарил его участников за совместную дружную и сплоченную работу и пожелал им новых успехов. Члены ЦК проводили меня бурными аплодисментами.

Разумовский посетил Дворец пионеров, Дворец имени Ленина, ВДНХ. На выставке побывал только в главном павильоне, потому что спешил на самолет. В час дня он улетел в Москву. После отъезда секретаря ЦК я простился со всеми членами Бюро ЦК, приехавшими провожать Разумовского в аэропорт, и отправился домой.

17 декабря около 11 часов утра мне позвонил второй секретарь ЦК КПК Мирошхин и попросил приехать в ЦК. На мой вопрос: «Чем вызвано. Ведь я на пенсии?» Он ответил: «На площади собралась группа молодежи. Они требуют разъяснить решение прошедшего вчера пленума ЦК. Было бы хорошо вам выступить перед собравшимися и объяснить суть дела». - «Хорошо, - ответил я и спросил, - согласен ли Колбин?»

Мирошхин передал трубку Колбину. Тот просил приехать в ЦК и выступить перед молодежью. Я со-

гласился, немедленно приехал в ЦК и зашел в кабинет первого секретаря ЦК, где были в сборе все члены Бюро. Они совещались, как поступить с собравшимися на площади... Мне никаких поручений дано не было. О моем выступлении речь не шла, несмотря на то, что я просидел в кабинете Колбина свыше двух часов. Затем Колбин начал переговоры с Москвой, и, чтобы ему не мешать, мы все, кроме Мирошхина, вышли из кабинета.

Через небольшой отрезок времени Колбин собрал всех членов Бюро ЦК и пригласил меня. Обращаясь ко мне, он сказал: «Вы свободны, отдыхайте. Мы сами примем меры и наведем порядок».

Перед уходом спросил у Мирошхина, зачем меня вызывали и почему не дали выступить. Он ответил: «Посоветовались и решили, что Вам на площади выступать не надо».

В июне 1987 года в Москве, во время Пленума ЦК КПСС, Мирошхин еще раз подтвердил, что мне не разрешили выступать на площади.

Когда возвратился из ЦК, около часу дня семнадцатого декабря мне позвонил Горбачев. Он спросил меня: «Чем объяснить такой выход молодежи?» Я ответил: «Сейчас в ЦК собралось руководство республики, совещаются. Они Вам, наверное, доложат». Добавил, что мне неизвестны организаторы. Он сказал: «Хорошо, мы разберемся и примем меры, наведем порядок»... 17 декабря к концу дня началось избиение молодежи и продолжалось оно 18 декабря.

Позднее во многих своих выступлениях Колбин обвинил меня в том, что я категорически отказался выступить перед собравшимися на площади. Сказав явную ложь, он оклеветал меня и ввел в заблуждение всех членов ЦК, всех коммунистов и трудящихся республики.

Как выяснилось, декабрьские события в Алма-Ате

не были спровоцированы и не носили никакой националистической направленности. По моему глубокому убеждению, молодежь выступила против избрания первым секретарем ЦК Компартии Казахстана человека, никому в республике неизвестного и малоавторитетного. *(Вот что писал по этому поводу Нурсултан Назарбаев - в то время Председатель Совета Министров КазССР): «Считаю, что основной причиной, побудившей представителей Москвы полностью отстранить нас от контроля за происходящим на площади, стало подозрение, что мы, пользуясь настроением масс, попытаемся использовать его в своих интересах. Особую обеспокоенность у них вызвал поток записок от демонстрантов, предлагавших в качестве кандидатур на пост первого секретаря ЦК Компартии Е. Н. Ауельбекова, В. П. Демиденко, О. С. Мирошкина, Н. Е. Морозова, С. М. Мукашева, Н. А. Назарбаева и других. Кстати говоря, даже фамилии однозначно свидетельствуют, что молодежь отнюдь не выступала против того, чтобы к руководству республикой пришел человек русской национальности. Тем не менее, карта пресловутого «казахского национализма» была разыграна»).*

По моим данным, никто из руководителей республики так и не разъяснил молодежи сути пленума. Вместо этого они поставили «под ружье» милицию, войска и жестоко расправились с собравшимися. Пострадало множество студентов и молодых рабочих. За участие в событиях или за их поддержку, по данным ЦК комсомола Казахстана, несколько тысяч студентов были исключены из вузов, многие вынуждены были оставить учебу. В отношении большой группы комсомольцев и коммунистов были применены меры репрессивного характера.

Теперь ясно видно, что неумелые действия ответственных лиц, призванных контролировать обстановку и наводить порядок, привели к плачевным

результатам. За трагедию, за избиение и арест сотен безвинных людей надо отвечать. Боясь ответственности за то, что избиение молодых людей проводилось, как установлено, по команде, сверху, руководство ЦК во главе с Колбиным начали искать «виновных», на которых все можно свалить и самим уйти от ответственности.

Одним из главных организаторов «алматинских событий» выставили меня, несмотря на то, что я не имел к ним никакого отношения. Колбин говорил, что одной из основных причин развернувшихся событий был мой отказ выступить перед молодежью на площади. Не только это, но и все негативные явления, имевшие место в жизни партийной организации республики, начали связывать только с моим именем, только с моей деятельностью.

Как уже говорилось, 11 декабря 1986 года Политбюро приняло решение о моем уходе на пенсию *без моего участия*. В это время я находился в Алма-Ате. Поэтому утверждение Колбина, что я на Политбюро настойчиво просил направить на работу в Казахстан и рекомендовать первым секретарем ЦК человека русской национальности и не из пределов республики, не соответствует действительности. Это была очередная ложная информация.

В начале 1987 года состоялся Пленум ЦК КПСС. На пленуме я не присутствовал, но на нем было принято решение освободить меня от обязанностей члена Политбюро в связи с уходом на пенсию. На следующем пленуме, в июне, из-за однобокой и необъективной информации, поступившей Горбачеву, меня вывели из состава ЦК КПСС. Такое же решение принял относительно меня и пленум республиканского ЦК.

Колбин на Пленуме ЦК, критикуя меня, приводил непроверенные, необоснованные данные, а то и просто лгал... Главной причиной моего вывода из состава

республиканского ЦК и ЦК КПСС были декабрьские события 1986 года в Алма-Ате. По этому поводу было принято поспешное и незрелое постановление ЦК КПСС, хотя в Казахстане не было никакого национализма, как не было и базы для его возникновения. Поэтому постановление не было принято общественностью республики, поскольку необъективно отражало ситуацию в Казахстане и оскорбляло казахский народ.

Это постановление ЦК КПСС в мае 1990 года под давлением общественности было снято с контроля. Как указала комиссия ЦК КПСС, под руководством заведующего идеологическим отделом ЦК, «в принятом постановлении отдельные положения и политические оценки были по существу ошибочные, и происшедшие события не являются проявлением казахского национализма». ЦК КПСС официально признал свою ошибку, и с целого народа было снято несправедливое обвинение.

Характеризуя стиль работы Колбина, а проработал он здесь два с половиной года, можно отметить, что он пытался решить многие вопросы жизни республики непродуманными и некомпетентными действиями.

Чтобы одолеть продовольственную проблему, Колбин дал указание произвести без разбора отстрел сайгаков, кабанов, уток, гусей, использовать в пищу мясо барсуков, сурков и др. Это нанесло невосполнимый ущерб природному комплексу Казахстана. По свидетельству республиканской газеты «ЭКОкурьер», было уничтожено большое число животных, причем, тех видов, многие из которых занесены в Красную книгу. Это «волевое» решение было принято без совета со специалистами-экологами. Такой подход к делу был в его стиле.

При нем были ошибочно упразднены Тургайская и Мангышлакская области и много районов. Руководители республики считали, что области и районы были

образованы, дескать, из престижных соображений, и поэтому они были ликвидированы.

Жизнь показала, сколь неграмотными были эти решения - и еще раз была продемонстрирована недальновидность и некомпетентность этого руководителя. Позднее названные области и районы по многочисленным требованиям трудящихся были восстановлены.

В своих выступлениях в Москве Колбин утверждал, что изучил казахский язык и часть доклада на пленуме республиканского ЦК читает по-казахски. Это был пример откровенного обмана общественности.

Колбина отличало полное незнание культуры, науки, искусства народов Казахстана, вместе с тем он подвергал резкой, необоснованной критике и гонениям представителей интеллигенции республики.

В течение трех лет со дня декабрьских событий продолжалось преследование меня и моих близких. Для этого были мобилизованы бесчестные журналисты, ученые, которые выступали и писали статьи, делали все возможное, чтобы одновременно очернить и втоптать в грязь историю своей республики.

Ради справедливости отмечу, что с уходом Колбина отношение ко мне резко изменилось. Я получаю массу писем из самых разных мест, из зарубежных стран - с добрыми пожеланиями в мой адрес.

...Я прожил долгую жизнь, в ней было много хорошего, было и плохое. Но это моя жизнь. И цель, которую я ставил, еще будучи «юношей, обдумывающим житье», в меру сил своих и способностей выполнил...

Счастья вам всем, добрые люди Земли.

1993 год.

Сейчас, четверть века спустя, поражаешься близорукости Москвы во всей этой неприглядной истории. Самонадеянная фраза Горбачева: «Позвольте это ре-

шить нам самим» стала роковой. Народ устал от этой самонадеянности, и вот вам результат. Тогда, в декабре, советская система дала трещину по фундаменту и потому вскоре рухнула.

В нарушение всех партийных норм и устава, главой республики был даже не избран, а фактически назначен человек, не только не связанный с Казахстаном и не знавший местных условий, но даже не состоявший на учете ни в одной из местных партийных организаций и не имевший казахстанской прописки. Это было воспринято как оскорбление казахского народа и вызвало стихийный протест.

Утром 17 декабря на площади перед зданием ЦК стала собираться молодежь, требующая объяснить причины избрания Г. Колбина и протестующая против игнорирования Москвой интересов республики. Однако вместо откровенного диалога власть с благословения М. Горбачева прибегла к террору и репрессиям. 17 и 18 декабря против мирных демонстрантов были брошены силы милиции и внутренних войск. При этом использовали саперные лопатки, служебных собак.

Людей на морозе обливали водой, многих полураздетыми вывезли и оставили за городом. Несколько сотен человек были без санкций прокурора брошены в следственные изоляторы. Власти намеренно разжигали межнациональную рознь, вооружив железными прутьями и обрезками кабеля дружины, составленные из русскоязычных рабочих промышленных предприятий и натравливая их на демонстрантов-казахов.

А дальше как в лучших традициях царизма - репрессии. Колбину, видно, не давали покоя лавры Николая I, удушившего декабристов, - у нас ведь тоже события происходили в декабре. До ссылок на каторгу дело не дошло, но 99 человек были выставлены уголовниками и осуждены, 264 исключены из вузов,

758 - из комсомола, 52 - из партии, а это все равно что лишить дворянского звания.

Комсомольские и партийные взыскания получили около 1400 человек. Из органов внутренних дел было уволено 1200 человек, из транспортных и медицинских учреждений - более 300 человек. Своих постов лишились 12 ректоров вузов. И, разумеется, было принято Постановление ЦК КПСС, в котором происшедшее объявлялось проявлением «казахского национализма».

Исходя из концепции книги, здесь надо было бы привести биографию Колбина, но она мне в принципе не интересна. Обыкновенный партийный функционер, временщик. Пытался «закручивать гайки», но на всех болтах резьба была уже сорвана...

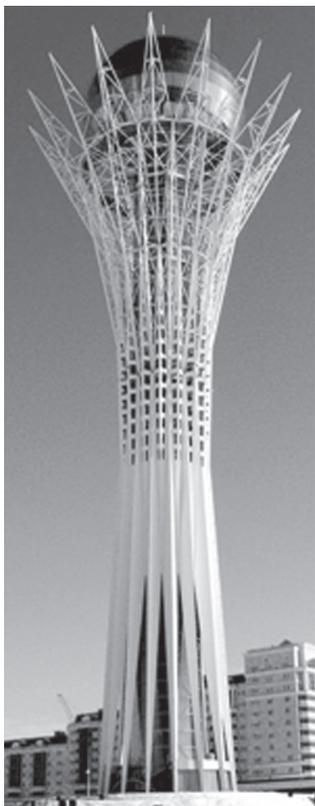
Кстати, операция по разгону мирной демонстрации в Алма-Ате шла под кодовым названием «Метель», и кто-то очень точно пригвоздил Колбина: принесенный «Метелью» и унесенный ветром перемен. Как говорится, ни убавить, ни прибавить...

ГЛАВА V.

**КАЗАХСТАН. СВОЙ ПУТЬ.
ЭПОХА НАЗАРБАЕВА**

НЕМНОГО ПРЕДИСТОРИИ

Не скрою: долго не мог приступить к написанию этой главы. Искал то, что могло бы послужить камертоном. Ходил вдоль книжных полок своей домашней библиотеки, пытаюсь понять, кого на сей раз позвать в друзья-соратники, кто поможет моей душе найти нужные слова, выразить почти невыразимое, настолько сложна была фигура человека, о котором я должен поведать, о котором, казалось бы, известно буквально все.

Бережно оглаживая корешки любимых книг, читанных-перечитанных и тех, что терпеливо ждут своего часа, я почти по наитию извлек томик целомудренной прозы Антуана де Сент-Экзюпери.

По старой памяти вступил в диалог с Маленьким принцем, и сердце мое как бы лишилось своих якорей, а набившая оскомину от бесконечного повторения фразы: «Все мы родом из детства» обрела первозданную новизну.

Словно оцепенев у книжной полки, я углубился в «Планету людей», и как во времена давней юности,

впитывал фразу за фразой: «Земля помогает нам понять самих себя, как не помогут никакие книги... Человек познает себя в борьбе с препятствиями. Но для этой борьбы ему нужны орудия. Нужен рубанок или плуг. Крестьянин, возделывая свое поле, мало-помалу вырывает у природы разгадку иных ее тайн и добывает всеобщую истину. Так и самолет - орудие, которое прокладывает воздушные пути, - приобщает человека к вечным вопросам.

Никогда не забуду мой первый ночной полет - это было над Аргентиной, ночь настала темная, лишь мерцали, точно звезды, рассеянные по равнине редкие огоньки. В этом море тьмы каждый огонек возвещал о чуде человеческого духа...»

То было как наваждение. Я не помнил, кто я, где я... Забыл, что за окном XXI век. Забыл, что сроки поджимают, что редактор книги торопит меня и бранит за нерасторопность. И вдруг, по наитию, по внезапной догадке понял: только что уже читал выдержку из книги Экзюпери, и точно так же меня завораживал текст фрагмента и придавал иное, светозарное звучание контексту.

Поспешив найти подтверждение своей догадке, я тут же торопливо раскрыл книгу, ставшую для меня в эти дни настольной, «Нурсултан Назарбаев. Казахстанский путь». Там в предисловии, буквально во втором абзаце, приведены чеканные строки военного летчика, эстета и мудреца: «...тот, кто, желая понять сущность дома, разбирает его, видит кирпичи, черепицу, но не находит ни тишины, ни уюта, ни прохлады, которым служили кирпичные стены и черепичная крыша. Кирпич, черепица - чему способны они научить, если распался замысел зодчего, который объединял их воедино? Камень нуждается в сердце и душе человека». И дальше, уже от автора книги: «Многие люди, особенно старшего поколения, знают,

как непросто построить хороший дом. Еще труднее было построить молодое государство Казахстан - наш общий дом».

И я воочию представил себе: автор «Казахстанского пути» точно так же, как я, маялся у книжных полок, пытаюсь найти камертон, зачин для своей объемной и емкой книги. И если я по наитию протянул руку к тому Экзюпери, то у моего старшего собрата по перу был вполне осознанный и целеустремленный шаг. Еще и потому, что человек, о котором я хочу сейчас написать, с детства мечтал о небе, хотел стать летчиком, и сделал все возможное для достижения этой цели.

Его даже приняли в летное училище, но находилось оно в Киеве, а вот в Киев его не отпустили аксакалы села Чемолган, где прошли отроческие и юные годы нашего героя: ты нужен здесь, родной земле, сказали они. Он покорился воле старших, поскольку был воспитан в почитании к сединам. Но нетрудно представить себе те непростые чувства, которые обуревали молодого человека, переживающего крушение своей мечты...

А дальше я был просто не в силах противостоять желанию уже в который раз окунуться в атмосферу удивительно доброго фильма Рустема Абдрашева «Небо моего детства», и рука сама потянулась к лазерному диску с этим фильмом - он лежал рядом с моим компьютером. «О Аллах, как прекрасна наша родная земля», - думал я, не в силах оторваться от дисплея, на котором разворачивались события фильма.

В том, что казахстанская земля прекрасна, заслуга не столько оператора фильма, сколько Всевышнего, создавшего наши царственные горы - Заилийский Алатау, и те головокружительные долины, что простираются у подножия этих гор. «Какое же это счастье, - думал я, - что пятилетний малыш мог, взобравшись на знакомую с младенчества скалу, с высоты

птичьего полета смотреть на родное урочище Ушко-ныр и дальше, на тающие в дымке селения, поля и пастбища, дороги, уходящие за горизонт. И надо всем этим - небо, высокое небо Родины. Благодатный отсвет этого высокого чистого неба унесет он в своей душе в большую и тревожную взрослую жизнь.

В этом фильме, целая россыпь эпизодов, которые, думаю, не только меня возвращали в детство, оживляя в памяти давно забытое. До слез тронули кадры, где семилетний Султан, впервые взяв в руки домбру, не хочет выпускать ее из рук и старательно, хотя пока еще неумело, пытается извлечь из нее те вещице звуки, что сопутствуют потом казаху всю его жизнь. И я уверен: где-то в потаенном месте Ак-Орды, в Астане, покоится домбра в терпеливом ожидании, когда хозяин ее выкроит среди своей невероятной занятости хотя бы четверть часа, и руки его бережно огладят гриф, легко коснутся заветных струн. И это будут счастливые мгновенья его жизни.

Все мы родом из детства... И уже с детства он видел землю с высоты орлиного полета, еще не зная тех высот, на которые он будет вознесен судьбою. Но уже в юности, и это очень лаконично и емко передано в фильме, в нем проявились лидерские начала. А быть лидером - нелегкий труд. В индуизме есть понятие «карма лидера». Меня поражает филигранность этой формулы.

Лидер, как правило, - это политик, а политика - это профессия, и, как всякая профессия, она основана на таланте и требует исключительного мастерства. Но если политик по природе своей лидер, то для него неизбежно принятие на себя абсолютной исторической ответственности, готовность предложить верное, пусть даже неожиданное, решение. И это отличительная черта настоящих лидеров.

Лидеры - исключение из общего правила. Их нель-

зя штамповать на конвейере. Они сами по себе - редкий, жизненно необходимый для нации тип людей. Лидеры - это те, в ком до критического уровня развито нежелание быть «среднего качества», то есть заурядным, те, кто просто неспособен быть посредственностью.

Все это в полной мере относится к Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, причем, независимо от поправок в законодательство о лидере нации. Тут нельзя не согласиться с самим Нурсултаном Абишевичем: «...статус лидера нации не нужно закреплять какими-либо законодательными актами». Лидеров не назначают, лидерами становятся.

Итак, Президент и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Казахстана, доктор экономических наук, Нурсултан Абишевич Назарбаев руководит страной с 1989 года, когда занял должность первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана. В апреле 1990 года на сессии Верховного совета Казахской ССР его избрали Президентом республики. В декабре 1991 года, январе 1999- го, декабре 2005-го и в апреле 2011 года Назарбаев побеждал на всенародных выборах и был избран Президентом Казахстана.

Не хотелось бы повторять общеизвестное, но, следуя общему замыслу своей книги, приведу (в самых общих чертах) факты его биографии. Родился 6 июля 1940 года в селе Чемолган Каскеленского района Алма-Атинской области. До шести лет рос на ферме Шубарат, в урочище Ушконыр. Среднюю школу закончил в Каскелене, где жил в интернате вместе с одноклассниками.

В 1958 году по комсомольской путевке он едет на строительство Карагандинского металлургического комбината. Здесь становится разнорабочим управления «Доменстрой». Но в том же году для овладения металлургическими специальностями вместе с груп-

пой ровесников поступает в Днепродзержинское техническое училище в Украине, а полтора года спустя возвращается в Темиртау и до 1969 года работает рабочим-литейщиком разливочных машин, горновым доменной печи, диспетчером, газовщиком и старшим газовщиком доменного цеха на Карагандинском металлургическом комбинате. Есть знаменитый снимок: горновой Назарбаев у доменной печи.

Да, летчиком он не стал. Не судьба. Но чувство полета, чувство неба было присуще ему с детства и осталось в нем навсегда. Отец его работал по кузнечному делу в селе, и сын был ему первый помощник. Серпы, вилы и прочий сельхозинвентарь они делали своими руками, так что с юности Нурсултан знал, как закаляется сталь. А после узнал и как она варится.

Характер человека, стоящего горновым у домны, наверняка, тоже проходит испытание на прочность в сверхвысоком температурном режиме. Судьба и тут позаботилась о нем заранее. Сам он едва ли предвидел, что станет во главе огромного по территории государства под названием Республика Казахстан и что именно ему придется провести свой народ, свою страну через горнило значительных социальных потрясений.

В 1967 году он, комсомолец, затем молодой коммунист, парторг цеха, окончил вечернее отделение завода-втуза при Карагандинском металлургическом комбинате и получил квалификацию инженера-металлурга.

Потом была судьбоносная встреча с Кунаевым. Димаш Ахмедович приехал в Караганду по своим сверхважным государственным делам. Побывал на металлургическом комбинате, заметил молодого инженера-металлурга. Взял его на заметку. Это во многом определило дальнейшие жизненные ориентиры перспективного инженера.

Назарбаев заочно окончил Высшую партийную

школу. И уже здесь дают о себе знать его - нет, не карьеристские, а именно лидерские качества. В 1973 году он - освобожденный секретарь парткома комбината, в 1977-м становится секретарем, через несколько месяцев - первым секретарем Карагандинского обкома партии. В декабре 1979 года он уже секретарь ЦК Компартии Казахстана.

В марте 1984 года Назарбаев возглавил Совет министров Казахской ССР. В июне 1989-го занял должность первого секретаря ЦК КПК. Одновременно (с февраля 1990 года) являлся Председателем Верховного Совета Казахской ССР, а в апреле 1990 года на одной из сессий республиканского парламента был избран Президентом Казахской ССР. И, наконец, 1 декабря 1991 года Назарбаев победил на первых всенародных выборах Президента Республики Казахстан.

В заключение этой краткой биографической справки назову, быть может, наиболее важное, что сделано Президентом Назарбаевым для суверенного Казахстана:

- страна приведена к независимости;
- создана новая Конституция суверенного Казахстана.
- произведена (и узаконена международным правом) делимитизация государственных границ со всеми соседними странами,
- закрыт ядерный полигон;
- введена национальная валюта;
- образован двухпалатный Парламент.
- созданы Вооруженные Силы Республики Казахстан;
- построена новая столица...

Ставлю здесь единственно уместный знак - многоточие, поскольку сложно дать весь перечень того, что сделано Президентом.

А теперь - самое главное, без чего моя книга не может быть достаточно полной. Вся история нашей страны была восхождением ко дню сегодняшнему, а масштабность личности и деяний Лидера нации нынешних дней обусловлены тем, что он стоит на плечах своих предшественников. Его внутренняя и внешняя политика, его личностные способности как Президента страны являют собой квинтэссенцию многовекового опыта его предшественников в деле строительства на территории Великой Степи независимого государства Республика Казахстан.

ГОДЫ СВЕРШЕНИЙ

Книгу Нурсултана Абишевича «Казахстанский путь» я прочел «от» и «до». Да, он не профессиональный писатель, но эта книга помимо воли автора есть аналогия роману Герцена «Былое и думы». По прочтении книги «думы» у каждого из нас будут, возможно, свои, а вот «былое», то, что мы пережили, было для всех нас, казахстанцев, одно. С той лишь разницей, что мы в основной своей массе плыли, так сказать, по течению, воспринимая все происходящее как неизбежность, как данность, которая нам неподвластна. А Назарбаев, находясь во главе государства и думая не столько о себе, сколько о стране, о нас с вами, как раз пытался эту данность изменить. В интересах страны. В интересах каждого из нас.

Газетчики старой закалки помнят, как в канун крупных юбилеев появлялись развороты и полосы под заголовком «Этапы большого пути». Теперь над этим можно иронизировать, хотя в принципе заголовок был точен по сути. Но тогда все было всерьез, и вовсе не до шуток.

Даже сейчас, читая как бестселлер, книгу «Казахстанский путь», неспешно переходя от главы к главе, я невольно определяю для себя ее структуру все той

же проверенной временем формулой «Этапы большого пути». И каждую главу воспринимаю как веху свершений в жизни страны и Президента, который стоял и ныне твердо стоит у ее штурвала.

Уже первый раздел «Стратегия независимости» подвергает читателя в пучину глобальных проблем, на распутье которых Казахстан оказался в последнее десятилетие прошлого века: «Историческое своеобразие периода, предшествовавшего рождению суверенного Казахстана, состоит в том, что его можно сравнивать с состоянием клинической смерти, которую переживал крупнейший государственный организм - Союз Советских Социалистических Республик.

Государственный организм был в коме, парализованный экономическими и политическими кризисами, в то время как общественный мозг «просматривал» краткий курс истории без прикрас, а социальное сознание трясло судорожной реакцией на этот тяжелый процесс».

И дальше: «Болезнь была так запущена, что до сих пор некоторые регионы бывшего СССР не могут выбраться из этого тяжелого состояния, фигурируя в сводках тревожных новостей в качестве «горячих точек» планеты. В этой связи мне вспоминается совместная пресс-конференция с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили в ходе его первого официального визита в Казахстан в марте 2005 года. Тогда он... сравнивал свою страну на пятнадцатом году ее независимости с пациентом в «состоянии реанимации после комы». Примерно в таком же положении находятся экономики ряда других стран СНГ».

И неожиданный, хотя вполне закономерный вывод: «Это говорит о том, что мы опередили их на 11-12 лет». Хотя и мы пережили социальную депрессию и апатию, психологическую напряженность людей. И перед нами с катастрофическим распадом СССР сто-

яла задача в корне менять не только экономическую систему, но и общее государственное устройство, начиная с самых его основ и даже мышление каждого казахстанца. Нам нужно было определить, чего мы хотим достичь, чтобы найти свой путь развития.

И тогда Президент обнародовал «Стратегию становления и развития Казахстана как суверенного государства». То был первый трехлетний общегосударственный план, согласно которому надо было создать государственные институты власти, добиться признания на международной арене, вступить в различные международные организации.

Да, то была стратегия выживания, но именно она определила, кто мы и кем мы станем в ближайшем и отдаленном будущем. То была основа для самоопределения казахстанской нации.

Стратегия провозглашала формирование рыночной экономики и создание правовых условий для реализации экономического самоопределения человека. И здесь неопределима заслуга сподвижников Назарбаева - тогдашнего вице-президента Ерика Асанбаева и группы молодых экономистов С.Аханова, У.Шукеева, О.Жандосова, Г.Марченко... Они разрабатывали этот документ, им предстояло преодолеть «застойность мышления» при переходе от плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к либеральной политике.

Следующим шагом стратегии независимости был «Меморандум Президента» 1994 года. Он явился призывом к высшим эшелонам государственной власти, политическим партиям и общественным объединениям осознать сложившиеся реалии и начать конструктивно работать. А это предполагало коренные реформы в денежно-кредитной и банковской системах, беспрецедентные меры по сокращению госаппарата, оптимизацию административной сферы: из 19

областей мы оставили 14, из 230 районов - 169.

И, наконец, в 1997 году появилась долгосрочная «Стратегия Казахстан-2030», которая положила начало традиции обращения Президента к народу с ежегодным Посланием. В последующие годы знаковыми стали Послание «К конкурентоспособной нации» и «Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира».

Сегодня Казахстан живет по Конституции 1995 года. Ее присутствие, ее действенная роль в социальной жизни страны для нас естественны, как воздух, которым мы дышим. На основе Главного Закона государства сформировано новое законодательство, создано обновленное конституционное право. Гражданское право регулирует отношения частной собственности и свободного предпринимательства.

Все так, все обыденно и привычно. Но вот читал я вторую главу книги, которая так и называется «Конституция 1995 года», и поражался, как все было не просто, сколько надо было проявить Президенту терпения, настойчивости, мудрости, чтобы в очень сложный период, когда была объявлена нелегитимность Верховного Совета, инициировать работу над Основным Законом республики.

Да, рядом были соратники Б.Мухамеджанов, Н.Шайкенов, рядом были корифеи юриспруденции Юрий Басин, Гайрат Сапаргалиев, Майдан Сулейменов. И над всем этим - воля Президента, его неусыпный контроль и внимание. Воспользовавшись двухнедельным отпуском, он внимательнейшим образом изучил и законспектировал конституции двадцати стран, чтобы учесть их опыт.

Была сверхзадача: все положения нашей Конституции должны соответствовать менталитету казахстанцев, лучшим традициям казахского народа и будущему, на которое мы ориентируемся.

Президент умеет смотреть правде в глаза и не боится называть вещи своими именами. Да, нефтяное богатство стало фундаментом нашего экономического успеха. Да, на первом этапе становления экономики мы вынуждены использовать экспорт энергоносителей и металлов. Это на следующем этапе развития, опираясь на наш ресурсно-экспортный потенциал, мы будем строить экономику на основе высоких технологий и инноваций, будем развивать индустрию переработки и утилизации сырья. А пока...

Сегодня на мировой арене мы выступаем как страна, ориентирующаяся на экспорт природного сырья. Это данность, от которой нам было бы недальновидно отворачиваться. И, слава Аллаху, что мир заинтересован в нас, надо лишь с умом использовать имеющиеся ресурсы на благо страны и народа. От этого и зависит ответ на альтернативный вопрос: «черное золото» - богатство или проклятие?..

Поразительно, но, перечитав главу «Битва за Каспий и нефтяной бум», я почувствовал, что мой интеллект начинает работать как компьютер, мощность которого значительно возросла, а объем памяти увеличился на сотни гигабайт. Иные тексты провоцируют на подобные позитивные подвижки.

Но признаюсь и в слабости: во мне, наверное, живет неистребимый обыватель. Чем иначе объяснить то нетерпение, с каким я шел к разделу «Тенге - символ нашей независимости»? Афористичность заявленной темы очевидна, но мы-то все помним, как проходил выход из рублевой зоны, обмен рублей на тенге, привыкание к новой валюте, радости и опасения, связанные с ней. Помним судорожное ощупывание своего кошелька: потолстел он или похудел? И насколько верно то, что в нем вдруг появилось?

Я читал главу о тенге, как захватывающий роман Агаты Кристи или Жоржа Сименона. Передо мной

разворачивались события, по накалу страстей равно- великие шекспировским драмам или тому, что происходит в пушкинском «Борисе Годунове». Меня могут упрекнуть: мол, это явное преувеличение. Но большинство ныне живущих наших сограждан прошло сквозь горнило той финансовой реформы и просто постарались в целях самосохранения забыть о тех потрясениях, что выпали тогда на их долю.

Президент не вправе их забывать. И перед нами разворачивается интрига, достойная высококлассного детектива. Там и тайные сыщики, и предательства, и благородство, и ожидание, казалось бы, неминуемой катастрофы, и почти по английскому рецепту сюжетосложения - «harry and». Чему способствовало участие в этом деле таких соратников Президента, как Даулет Сембаев (отец тенге) и Сергей Терещенко (он был тогда премьер-министром), на которого легла львиная доля трудностей, связанных с введением нацвалюты.

Однако поверх всего этого произвольно вырисовывается мощная фигура человека, который вынужден был сотворить этот сюжет и эту интригу, который на свой страх и риск взял на себя всю ответственность. И не дрогнул. Выстоял и победил.

Это сейчас к нам пришло осознание: те судьбоносные испытания были неизбежны на пути к сегодняшнему Казахстану - с его национальной валютой, с его самостоятельной финансовой системой. Без них не состоялся бы истинный суверенитет страны.

Приватизация на чаше весов истории... Казахстанский фонд будущих поколений... Эволюция земельного вопроса... Какую же мощнейшую энергетику должен нести в себе человек, чтобы решение всех этих проблем взвалить на свои плечи...

Уинстон Черчилль в своем обращении к народу в начале Второй мировой войны произнес примерно

следующее: не обещаю вам легкой победы, вы должны пройти сквозь горечь потерь и одолеть все испытания... Наверное, то были несколько иные слова, но суть - та же. Человек, сказавший их, отважился взять всю полноту ответственности на себя.

И опять в моей душе поднимает голову обыватель. В моей памяти жив тот негромкий сентябрьский денек, когда вышел Указ «О столице республики Казахстан», имеющий силу закона. В тот день я поднялся на Кок-Тобе, именно там транзистор донес до меня эту весть. С грустью смотрел на панораму города, на невысказанные дали, тающие у горизонта.

Родился я вдали от этих мест, но за годы жизни в Алматы город стал мне родным и близким. Я был не то чтобы против переноса столицы в Акмолу, нет. Но... время ли сейчас, в 1995-м, осуществлять подобные амбициозные проекты? Есть проблемы куда насущнее и важнее. И потом - перенесут отсюда столицу, Алматы захиреет, станет неприбранным и ветхим провинциальным захолустьем.

Так думали многие. Может быть, даже так думали почти все. Кроме одного человека, который подписал Указ, имеющий силу закона. Сегодня я рад, что все оказались неправы, кроме того, кто подписал Указ. И вновь меня поражают его воля, его сила духа. И бесстрашие.

Назарбаев. Штрихи к политическому портрету

Мне нелегко писать о такой многогранной личности, как Нурсултан Назарбаев. Причина проста: невозможно объять необъятное - уж слишком велик его вклад в рождение и становление республики. К сожалению, мне не пришлось работать вместе с ним бок о бок. Более того, в свое время я был его политическим оппонентом, писал гневные статьи о власти, после чего эмигрировал в США, где получил политическое убежище и прожил несколько лет.

Я делаю лишь скромную попытку рассказать правду об этой поистине исторической личности в ответ на многочисленные публикации в западных изданиях, в том числе американских, в которых содержится много поверхностных и субъективных оценок.

Сегодня в мире интересуются Казахстаном как страной, наиболее активно продвигающей политические и экономические новации на постсоветском пространстве. Все последние годы Республика Казахстан стремительно развивается, опережая по темпам экономических реформ все страны СНГ, в том числе Россию.

Захолустная советская республика, занимавшая в союзном рейтинге скромное место, теперь растет и развивается как современная и уверенная в себе страна. Не зря совсем недавно Президент Назарбаев заявил, что благополучие народа, мир, политическая и экономическая стабильность, толерантность многонационального и многоконфессионального Казахстана, юридически оформленная государственная граница, добрые отношения с соседями - это то, что мы вместе создали за годы независимости Казахстана и чем по праву сегодня гордимся.

Время моего близкого знакомства с Нурсултаном Назарбаевым относится к началу 1990-х. Если не ошибаюсь, это случилось в конце 1992-го или в начале 1993 года. Скорее, это было даже не знакомство, а пребывание за одним столом: он - в качестве главы государства, а я - в роли журналиста.

Помню, тогда в нашу страну приехал распорядительный директор Всемирного банка Мишель Камдессю. После завершения переговоров нас, нескольких журналистов, пригласили в зал заседаний за один стол с высокими гостями и посадили почему-то на противоположной стороне.

Подробности той пресс-конференции тут ни к

чему, но к теме нашей статьи имеет отношение мой вопрос, заданный господину Камдессю. Я спросил у известного финансиста, не пора ли Казахстану переходить на свою национальную валюту, и привел ряд аргументов.

Нурсултан Абишевич, который сидел прямо напротив меня, внимательно слушал всех. И тут я услышал его негромкую реплику на казахском: «Өте дұрыс сұрақ қойдың, жарайсың!», - что означало: «Очень дельный вопрос задал, молодец!»

После этой встречи я попал в президентский журналистский пул и вместе с главой государства побывал во многих странах, таких как Австралия, Италия, Саудовская Аравия, Швейцария, Индия, США, Англия, Испания, Россия и другие.

В то тяжелейшее время я возглавлял созданную мной еще в 1993 году республиканскую газету «Новое поколение». Вследствие распада СССР, разрыва всех экономических связей Казахстан оказался на грани катастрофы. Слом привычного жизненного уклада привел к серьезному кризису морально-этических ценностей, которые попирались повсюду.

Это были годы, когда люди либо испытывали произвол на себе, либо, если им повезло и лично их насиле не коснулось, становились его свидетелями. В частности, ничто не могло защитить человека от посягательств на его имущество и даже жизнь со стороны могущественного в ту пору Рахата Алиева, который занимал высокие посты в налоговой полиции, затем в КНБ.

Это сегодня он - государственный преступник, вынужденный скрываться за границей и осужденный в общей сложности на сорок лет лишения свободы за мошенничество, кражи, похищения банкиров, организацию преступного сообщества, присвоение государственной собственности, организацию вооружен-

ного формирования, подготовку к насильственному свержению власти и разглашение государственных тайн. А тогда, в 1990-е, Алиев и ему подобные делали, что хотели, не считаясь ни с законами, ни с элементарными этическими нормами. Неприятие этого, тревога за будущее страны и моих соотечественников, надежда на перемены - вот главные побудительные мотивы появления моих гневных статей.

Своего рода водоразделом в моих политических симпатиях и антипатиях стала середина 1997 года, а окончательным толчком послужил один печальный случай. Как-то меня пригласил к себе тогдашний министр печати Алтынбек Сарсенбаев, который настоятельно порекомендовал отказаться от газеты в пользу нового собственника.

Последним оказался уже упомянутый Рахат Алиев. Мои попытки получить поддержку со стороны властных структур оказались тщетными. Позже советник Президента РК Ермухамет Ертысбаев напишет в своей книге, что власть своими же руками создавала оппозицию, и в качестве примера приведет мой случай: «если бы у Бигельды Габдуллина не отобрали его газету, то вряд ли он пополнил бы ряды радикальной демократической оппозиции».

Так я оказался по другую сторону «идейных баррикад». Потом были покушение на мою жизнь, взрыв в офисе редакции и многочисленные судебные преследования (все это организовал Рахат Алиев), затем - вынужденная эмиграция, острые статьи, направленные против власти.

Но именно в США ко мне пришло понимание того, что невозможно рассматривать тот период назарбаевской эпохи только со знаком минус, нельзя проецировать преступления, совершаемые отдельными одиозными фигурами, пусть и высокопоставленными, на весь политический режим, взявший на себя истори-

ческую и многотрудную миссию построения буквально с нуля нового государства.

Это было переломное, а потому очень сложное время, когда перед молодой республикой стояла задача выжить и отстоять свое право на независимость, а в таких условиях не может быть все «гладким и пушистым».

Ко мне постепенно пришло осознание того, что понять историческую эпоху такого масштаба - значит, уяснить сущность нового общественного организма, который созрел в ней. Для этого ее надо было рассматривать как нечто единое целое, причем, рассматривать объективно. Но человеку свойственно все оценивать через личные симпатии и антипатии, через то, что он пережил сам, то есть через частности, которые обычно заслоняют целое и главное. Не избежал такого субъективизма и я: в некоторых моих статьях тех лет присутствовали излишняя пристрастность и даже некая «запрограммированность», стремление по-кавалерийски лихо пройти по политическим оппонентам.

У меня было достаточно времени, чтобы понять это, и вот тогда-то появилось желание «остановиться, оглянуться, пробиться сквозь пену дней» к сути происходящего на моей Родине. А там, в Казахстане, жизнь действительно менялась к лучшему, планка гласности и свободы слова поднималась все выше и выше.

Я обратился к тогдашнему Послу Казахстана в США Канату Саудабаеву с просьбой посодействовать моему возвращению в страну. Он очень внимательно и с искренним желанием помочь отнесся к моему желанию и сделал все от него зависящее, чтобы я и моя семья поскорее вернулись на Родину.

Но последнее слово было за Президентом Назарбаевым! Именно он принял решение, снова круто изменившее мою судьбу.

Так вот, если характеризовать нашего Президента как человека, то я, прежде всего, отметил бы его благородство и широту его души. Только человек с большим сердцем, способный встать выше личных обид, мог простить журналисту его критические выступления, помочь ему вернуться в страну, предоставить работу, сделать все, чтобы он не чувствовал себя изгоем в своем Отечестве.

Кстати, Нурсултан Абишевич был и остается толерантным ко всем своим политическим оппонентам. Сколько раз он прощал их, приглашал к диалогу, призывал вернуться на Родину и работать на благо народа.

Особо следует сказать о Назарбаеве как о первом Президенте РК. Я думаю, что, учитывая все заслуги Нурсултана Абишевича перед страной и глубинный смысл проводимой им политики, его с полным правом можно назвать «отцом-основателем современного казахстанского государства», которое добровольно отказалось от ядерного вооружения и в котором мирно проживают представители более чем ста этносов.

Назарбаев - творец «казахстанского чуда», человек, превративший Казахстан в центр всемирного диалога всех конфессий, архитектор, благодаря воле которого выросла новая столица нашей страны - великолепная Астана. А еще он - неустанный инициатор: Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) - почти все они создавались по задуманному им плану, по его идее.

Казахстану при Назарбаеве в гораздо большей степени удалось стать полноценным государством, чем Кыргызстану - при Акаеве, Грузии - при Шеварднадзе, Украине - при Кучме. И вряд ли кто станет с этим спорить. Например, вы едва ли встретите в Москве, в

Киеве или в Бишкеке казаха-гастарбайтера - наоборот, сотни тысяч жителей стран СНГ приезжают на заработки к нам.

Сегодня политологи пытаются провести исторические аналогии, найти в череде великих личностей прошлого ту, с которой можно сравнить Нурсултана Назарбаева. Называются имена Петра Великого, Кемаля Ататюрка, Франклина Делано Рузвельта, Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Дэн Сяопина, Махатхира Мохаммада, Ли Куаня Ю и других.

Да, у каждой фигуры такого масштаба - свои заслуги перед той великой эпохой, в которую они жили. И все же, как мне думается, Нурсултан Назарбаев повторяет в известной степени гражданский подвиг Рузвельта. Конечно, США 1930-40 годов и Казахстан конца XX и начала XXI веков - страны с огромными различиями. Но их «объединяют», во-первых, тяжелейшие кризисы (Великая депрессия в США и «революции 90-е» в Казахстане) и, во-вторых (и это главное), собственно сами лидеры этих двух стран, сделавшие все, чтобы жизнь вверенных им народов стала намного более комфортной и благополучной, чем раньше.

Многое из того, что им удалось осуществить, сопоставимо и по масштабам, и по содержанию. Но, прежде всего, Рузвельта и Назарбаева роднят не детали, а такие принципы, как человеколюбие, прагматизм и опора на национальные интересы. Только такой человек, как Назарбаев, вышедший из народа и страстно любящий его, мог сказать замечательные слова: «Мы должны помнить, что именно сельское население является генетическим олицетворением любой нации!»

Меня поражает его стратегическое видение будущего и умение выбирать главное направление пути. Как тут не вспомнить середину тяжелейших 90-х: экономика - на грани развала, тысячи голодных рабочих выходили на митинги, бастовали учителя, месяцами

не получавшие зарплату. Словом, страна приближалась к краху.

Говорят, что Нурсултан Назарбаев ночами не спал, думая о том, как выйти из кризиса, как оживить экономику, как успокоить взбудораженный народ. Обстановка требовала быстрых, причем, большей частью непопулярных решений. И в этой ситуации Президент взял на себя всю полноту ответственности за судьбу страны: после роспуска Верховного Совета, тормозившего проведение реформ, он своими указами провел в жизнь те законы, без которых модернизация страны и общества были просто невозможны.

Именно тогда проявились недюжинная политическая воля и решимость главы государства, наметившего пути казахстанской модернизации, а также ее специфику, которая заключалась в следующем: сначала - экономические реформы (в банковской, пенсионной, жилищно-коммунальной и других сферах) и только потом - политические. Сам Президент так определил приоритеты: «На первом месте развития государства должна стоять экономика, а потом политика».

Забегая вперед, скажу, что результаты, достигнутые за годы независимости, красноречиво свидетельствуют о правильности выбранного пути. Казахстанцы стали свидетелями ясного, тщательно продуманного плана экономических и политических преобразований в молодой республике. Все последние реформы (конституционная, в сфере партийного и выборного законодательства) указывают на то, что сегодня наша страна вошла в число государств, уверенно и успешно идущих к своим долгосрочным целям.

Итак, в 1995-м, до принятия новой Конституции, за короткий промежуток времени было издано примерно 140 Указов Президента РК, имеющих силу закона. Блок принятых тогда рыночных законов, в числе ко-

торых - «О земле», «О недрах и недропользовании», «О нефти», «Об иностранных инвестициях», способствовал быстрому подъему экономики, ее либерализации, формированию устойчивой банковской системы. Да и с политическим кризисом было покончено.

Образно говоря, глава государства в управлении государством оказался таким искусным инженером-мыслителем, что механизм под названием «страна», с честью вышел из глубокого кризиса и заработал, набирая обороты, на успешное ее развитие, а значит, на светлое (вполне уместное здесь и сейчас, по-моему, это слово) наше с вами будущее.

Будучи сильным лидером, Назарбаев любит и ценит командную игру. И на каждом этапе формирует крепкую команду. Среди тех, кто в нее входил в разные годы, - когорта премьер-министров, возглавлявших правительство: Сергей Терещенко, Узакбай Караманов, Нурлан Балгимбаев и, конечно, Карим Масимов - нынешний премьер. На каком-то этапе была неплохая сыгранность с Серикболсыном Абдильдиным, Эриком Асанбаевым.

Капитан «команды» Назарбаев очень ценил и ценит надежность таких «игроков», как Нуртай Абыкаев, Аслан Мусин, Касымжомарт Токаев, Омирбек Байгельды, Оралбай Абдикаримов. В разные годы на ответственных постах у Назарбаева работали и работают Канат Саудабаев, Имангали Тасмагамбетов, Серик Умбетов, Марат Тажин, Аскар Кулибаев, Аметжан Есимов, Шалбай Кулмаханов, Темирхан Досмухамбетов, Крымбек Кушербаев, Саутбек Абдраманов, Бакытжан Жумагулов...

И еще целая плеяда людей, без которых жизнь и деятельность Назарбаева была бы неполной: Николай Макиевский, Владимир Ни, Мырзатай Джолдасбеков, Аскар Кулибаев, Нурлан Нигматулин, Алтынбек Сарсенбаев, Махмут Касымбеков, Адильбек Джаксы-

беков, Бердибек Сапарбаев, Бахтыкожа Измухамбетов, Серик Абдрахманов, Серик Ахметов, Владимир Ким, Александр Машкевич, Сергей Кулагин, Елеусин Сагындыков, Сауытбек Абдрахманов...

Назарбаев едва ли сможет отдать кому-либо из них пальму первенства, они приросли, прикипели к его душе и сердцу. Они его надежда и опора. Они помогают ему вести в неизведанное будущее подобный Ноеву ковчегу огромный корабль суверенной страны.

С первых дней независимости Казахстана Назарбаев взялся за укрепление государства - государственной власти, государственной машины. Это и понятно. После развала Советского Союза республика оказалась, как говорится, «на семи ветрах»: не было ни Конституции, ни армии, ни границ - все приходилось начинать с чистого листа.

Об этом уже говорилось чуть выше, но я повторю: необходимо было как можно скорее создать институты власти, добиться признания страны на международной арене, вступить в различные международные организации. Стратегической целью было определено построение суверенного государства с сильной президентской властью.

Известно: чем сильнее государство, тем больше у него ресурсов для развития демократических институтов и отстаивания независимости. Ведь слабое государство, в котором различные ветви власти постоянно конфликтуют между собой, и нет единства экономического, правового и политического пространств, в принципе не может быть ни демократическим, ни независимым.

За годы своего правления Назарбаев сумел выстроить четкую властную вертикаль, укрепить государственность, сформировать социально ориентированную рыночную экономику, создать правовые и другие условия для реализации принципа экономического самоопределения человека.

Как результат этого за последние годы Казахстан неузнаваемо преобразился. Люди стали другими. Нет угрюмости, исчезла печать неизбывной тревоги. Глаза озарились внутренним светом духовности, лица стали приветливей. И походка людей обрела упругость и целеустремленность.

Они живут в стабильной и отнюдь не бедной стране. Если хотите, это политически ответственные граждане, готовые объединяться в рамках политических партий и уже не горящие желанием быть заложниками интересов каких-то родовых кланов или олигархических групп.

Спросите их, что они думают о текущем моменте, и они с уверенностью скажут, что момент для политических реформ выбран Астаной как нельзя вовремя, что с добровольной передачей Президентом своих полномочий парламенту и партийным структурам в республике появились условия для формирования более эффективных партий, способных активно влиять на политический курс государства. Они не будут угрюмо отмалчиваться, в них появился задор, в них появилась уверенность в завтрашнем дне.

И что немаловажно, за постсоветские годы в Казахстане вырос новый политический класс. Его, как рачительный садовник, взрастил Нурсултан Назарбаев и продолжает бережно опекать и взращивать дальше.

Это достойные политики, воспринимающие свою страну не в качестве полигона для своих пиар-или бизнес-проектов, а как землю, на которой будут жить их дети и внуки. Эти новые управленцы Казахстана, взращенные под сенью Байтерека и под опекой Ак-Орды, представлены в Правительстве, в национальных холдингах, в партии «Нур-Отан».

Сегодня страна вступила в новый этап политической модернизации. В чем ее суть? В том, что более значимой стала роль парламента, вес партий в поли-

тической системе стал иным. Из 107 депутатов Мажилиса 98 теперь избираются строго по партийным спискам, а оставшиеся девять делегируются Ассамблеей народа Казахстана.

Кстати, создание ее инициировал тоже Президент, она появилась у нас в стране не с декоративной целью. Это консультативно-совещательный орган при Президенте РК. А гарантированное представительство в нем этнических групп для всех нас принципиально важно, поскольку является залогом стабильности в такой многонациональной стране, как Казахстан.

Логика политических реформ в Казахстане вполне очевидна и прозрачна. Сильный действующий Президент, каким является Назарбаев, имеет очень широкое поле для созидательной работы и может весьма разумно распоряжаться своим преимуществом во власти как Президент.

Он на деле доказал, что готов пойти и дальше в продвижении политических реформ в стране. Об этом глава нашей страны заявил 2 сентября 2011 года, на открытии второй сессии Парламента РК, подчеркнув, что стране необходимо сделать еще ряд шагов, которые позволят усовершенствовать политическую систему. В частности, он отметил, что необходимо создать правовой механизм, позволяющий формировать Парламент с участием представителей не менее двух партий, даже если вторая партия не преодолет 7-процентный барьер.

По мнению Президента, следующие важные шаги, которые может сделать страна, - это создание более благоприятных условий для регистрации политических партий, совершенствование Закона «О выборах», дальнейшая либерализация в сфере средств массовой информации.

Деятельность Нурсултана Назарбаева на международной арене вообще заслуживает искреннего

восхищения. В нынешней ситуации, когда многие республики бывшего СССР умудрились испортить отношения между собой, Казахстан сохраняет наработанные связи и находит новых союзников.

Назарбаев не позволил превратить страну в арену открытого геополитического противостояния современных сверхдержав. А ведь именно подобную картину мы наблюдаем сегодня в Грузии и Украине.

Кстати, и тут пришлось начинать с чистого листа, поскольку не было никакого опыта самостоятельного ведения международных дел. За короткое время наша страна проделала путь, по выражению самого Назарбаева, «равный столетию».

Независимый Казахстан с самого начала своей государственности осознанно строил себя как национальный проект в формате региональной державы, поэтому страна имеет четко артикулированные внешнеполитические цели. Министерство иностранных дел правильно расставляет приоритеты внешней политики: укрепляет союзнические отношения с Россией, развивает стратегическое сотрудничество с КНР, развивает партнерский диалог с США и государствами ЕС.

Теперь в поле зрения нашего политического руководства присутствуют не только Западная Европа и США, но и такие мощные незападные державы, как Китай, Индия, Сингапур, Пакистан, Турция, Бразилия, ведущие арабские страны.

Эксперты уверены, что именно последовательность в проведении внешнеполитического курса и продуманность во внутренней политике являются основой дальнейшего успешного развития экономики Казахстана.

Можно еще и еще перечислять заслуги Президента Назарбаева, но, наверное, самое важное заключается в том, что он на протяжении всех этих лет сумел со-

хранить в своей стране гражданский мир и политическую стабильность, дружбу между народами. Он едва ли не единственный из глав постсоветских государств, несмотря ни на какие сложные ситуации, не обратился к помощи штыка, не пролил кровь своего народа. А это очень дорогого стоит!

«... Назарбаев самый вменяемый, самый ответственный политический лидер. -считает Александр Дугин, известный российский ученый и политик.- Он действительно провел корабль новой казахстанской государственности между Сциллой и Харибдой, он постоянно выступает инициатором евразийской государственности и является маяком евразийцев... Его миссия, на мой взгляд, заключается в том, что, несмотря и вопреки некоему фатальному ходу истории, ведущему к распаду постсоветского пространства, Назарбаев противостоит этому процессу и предлагает альтернативный сценарий. Так могут действовать только великие исторические фигуры...»

Истинный ученик своих великих предков Назарбаев, во всем, что он делал и делает, руководствуется именно гибким «казахским методом» решения сложных управленческих государственных задач, - методом, который основан на ментальности самой казахской среды. Присущая ему стратегия по существу является национальной, народной и уходит своими корнями в глубину веков, в самую суть нации.

Порой думаешь: все-таки правы соседи, которые завидуют нам, казахам, говоря: «Вам повезло с Президентом. На ваше счастье, Аллах наградил вас Нурсултаном!»

Пусть завидуют! По-хорошему. Нам это только приятно...

Классический костюм на нем смотрится столь же гармонично, как военная форма, а военная форма - так же красиво, как фрак или чапан. Он изъясняется

на нескольких языках, его политический образ как бы опровергает известное, ставшее классикой утверждение Киплинга о том, что «Восток и Запад никогда не сойдутся».

Народ Казахстана в подавляющем большинстве своем видит в Президенте Назарбаеве человека и Лидера, без которого республика просто могла бы не состояться.

P.S. Очень личное

В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОГО РАЯ

Кто-то из великих сказал, что у каждого есть второй и даже третий шанс. В реальности этой жизненной формулы я убедился на собственном опыте. Когда я принял решение уехать в Америку - страну с вековыми демократическими традициями, мне тоже думалось, что это - шанс, реальный шанс вырваться из обстоятельств и начать новую жизнь.

Поначалу мне казалось, что я на верном пути, что у меня все получилось. Я преподавал русский и казахский языки, читал в институте Inlingua офицерам Пентагона и дипломатам, собирающимся ехать на работу в Центральную Азию, лекции о культуре, истории, традициях и обычаях центральноазиатских стран. Жена тоже работала, дочь поступила в один из лучших университетов Вашингтона. Жили мы в трехкомнатной квартире, и особых проблем не испытывали, ни в чем не нуждались. Объективно мы, казалось, смогли перестроиться, приспособиться к новым реалиям, но...

По ночам мне снилось, как ветер колышет начавшие желтеть листья берез в родном живописном Северном Казахстане, чудилось, будто наяву слышу, как

сладко звучат струны домбры и кобыза, и так ясно вижу себя, можно сказать, совсем еще несмышлениша... Босиком бегаю по мягкому травяному ковру в ауле, куда на каникулы приезжал каждое лето из школы-интерната.

Просыпался в холодном поту с бешено колотящимся сердцем, но пытался сам себя убедить, что все это пустяки, что переболею, и все пройдет. Но не прошло. Ностальгия - штука серьезная, и тоска по Родине - не инфекция, которая уходит, стоит лишь принять убойную дозу антибиотиков. Это заболевание - неизлечимое и мучительное, причиняющее физическую боль. Это все равно, что пытаться вздохнуть полной грудью и задохнуться, так как вокруг только вакуум, а не кислород.

С каждым днем этот груз давил все сильнее, и сама жизнь в Америке превращалась в муку. Я же хотел жить полнокровно, достойно, как гражданин своей страны, а не существовать. Мы с женой и дочерью долго обсуждали возможность возвращения на Родину. И приняли единодушное решение, тем более что нам выпал еще один шанс...

Я обратился в Посольство РК в США. Замечу, что это было рискованным шагом. В 2001 году я получил в США политическое убежище, и мое пребывание в здании казахстанского посольства могло привести к каким угодно последствиям, вплоть до задержания или ареста. Но все обошлось без эксцессов.

Канат Саудабаев, занимавший тогда должность Посла Республики Казахстан в США, находился в служебной командировке по стране. Сотрудники посольства заверили, что по возвращении он обязательно меня примет.

И, действительно, спустя несколько дней раздался телефонный звонок. Еще через пару дней Канат Саудабаев принимал меня в своем кабинете. Должен

заметить, вел себя он как радушный хозяин, угощал блюдами родной казахской кухни. Никакой недоброжелательности с его стороны я не почувствовал.

Обстановка нашей встречи располагала к искренности и честности. Я откровенно высказал ему свое желание вернуться на Родину. На что Саудабаев не менее откровенно, без витиеватостей и ненужных прикрас, ответил: «Бигельды, я Вас хорошо знаю. Будучи министром иностранных дел и председателем Госкино, несколько раз приглашал Вас к себе на работу. Знаю Вас как смелого главного редактора газет «Новое поколение» и «XXI век», талантливого журналиста. Потом наши дороги разошлись. Вы ушли в оппозицию, и вот уже несколько лет живете в США, пишете гневные статьи о казахстанской власти. Недавно у меня побывал один большой и влиятельный человек из Казахстана, сказавший мне, что было бы полезно для страны, и это зачтется мне как послу, если я сумею вернуть на Родину Бигельды Габдуллина. Но, к сожалению, мои полномочия не позволяют мне этого сделать, и я не в силах Вам помочь. Вы это и сами прекрасно понимаете».

Впрочем, этим наша беседа не ограничилась. Именно тогда я понял, насколько грамотен Канат Саудабаев как политик и стратег. На прощание он дал мне совет: «Напишите коротенькое письмо Нурсултану Абишевичу. Дипломатической почте я не доверяю. Через 10 дней буду в Астане. Лучше я сам лично передам Президенту Ваше письмо. Мне верится, что Нурсултан Абишевич с пониманием отнесется к Вашей просьбе, и Вы получите положительный ответ».

МЕЖДУ СНОМ И ЯВЬЮ

Великие мастера художественного слова, обычно, живописуют в книгах переживания своих героев, в мельчайших подробностях раскрывая, насколько

ко сильно натянута та или иная душевная струна. Я думал, что после встречи с Саудабаевым мое сердце разорвется от какофонии чувств и переживаний. Но ничего подобного не произошло.

Сердце, как будто перестало биться вовсе, умерло, а я, как робот, подчиняясь выбранной программе, взялся за письмо. Оно получилось небольшим, всего несколько строк, в которых я просил Нурсултана Абишевича помочь мне вернуться на Родину, простив мои «грехи» в оппозиционной деятельности. Письмо было тут же передано в надежные руки Каната Саудабаева.

После того, как дело было сделано, и я понял, что обратной дороги нет, начались томительные минуты ожидания. Казалось, что время не просто остановилось, а издевается надо мной, намеренно тормозя ход стрелок на моих часах.

Я до сих пор вспоминаю каждое мучительное мгновение тех пятнадцати дней, когда неопределенность была моей сущностью. Когда же в нашей квартире раздался очередной звонок, телефонная трель произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Мир разлетелся на тысячи осколков, и как будто из другого, параллельного мира, донесся голос сотрудника посольства, который беспристрастным тоном, лишенным всяческих эмоций, сообщил, что меня ждет господин Саудабаев.

Запомню, как и на чем добирался до здания посольства, даже не помню, о чем мы разговаривали с Канатом Бекмурзаевичем. В память врезалось только письмо, которое он держал в руках, и положительная резолюция-ответ Президента.

Но только в голливудских блокбастерах все быстро бывает. Америка просто так меня не отпускала, да и Родина с космической быстротой не открывала своих объятий. На подготовку к возвращению ушло

полгода. Это был один из самых трудных периодов моей жизни, но вместе с тем, я чувствовал небывалую легкость и ни с чем несравнимое ощущение свободы. И не казалась мне напыщенной аналогия с бурлаком (к которому я мысленно себя приравнивал на тот момент), тянувшим по реке тяжеленную баржу, - вот веревка оборвалась, и ты счастлив просто потому, что не нужно тянуть на своих плечах тяжелый груз.

В то время у меня состоялось несколько телефонных разговоров: с Маратом Тажиным, Абдижамилем Нурпеисовым, представителями посольств и Верховного суда РК. Надо было закрыть возбужденное уголовное дело по статье «Оскорбление чести Президента РК». Да и свои дела в Америке следовало довести до логического конца - выполнить обязательства перед работодателями, сдать квартиру, уладить все финансовые вопросы. Не дай Бог уедешь из США должником! Потом никогда не сможешь въехать в эту богатую страну.

И вот, в конце лета 2004 года вся наша семья вернулась на Родину. Вскоре я дал пресс-конференцию в Астане, в ходе которой ответил на все вопросы о причинах моего возвращения. Задумываться о собственных ощущениях, заглядывать себе в душу, ища ответ на вопрос, счастлив ты или нет, просто времени не оставалось. У меня были постоянные встречи в администрации Президента, в правительстве, в различных ведомствах - не все сразу гладко получалось у принимающей стороны, так что пришлось ждать еще несколько месяцев.

Полностью осознать то, что я все-таки вернулся, смог только к концу 2004 года. И, заглядывая в недалекое прошлое, все чаще приходил к мысли о том, что совершил главный поступок в своей жизни - вернулся на Родину. Человек без Родины перестает быть человеком...

Да, на первых порах мне пришлось нелегко, порой возникало такое ощущение, что одной ногой я твердо стою на вершине скалы, а вторая занесена над пропастью, но я ни на миг не усомнился в правильности сделанного выбора, в эффективности выпавшего на мою долю шанса. Тем более что вскоре мне удалось почувствовать под ногами твердую почву - в декабре 2004 года, я сумел выпустить первый номер своей новой газеты «Central Asia Monitor», которая на днях отмечает свое 7-летие.

БЛИЗКОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

От всей души благодарен Президенту страны за то, что тогда он не отмахнулся от моей просьбы и чисто по-человечески понял меня. Сам я до сих пор не до конца понимаю, как человек такого масштаба, на котором ежечасно, ежеминутно лежит ответственность за судьбу целой страны, мог оторваться от государственных дел и обратить свой взор на судьбу отдельного взятого человека.

Но именно так все и произошло, и это свидетельствует только об одном - о том, что Нурсултан Назарбаев человек с большим сердцем, которое точно также кровоточит от переживаний, как у любого из нас. Вернувшись на Родину, я окончательно понял, как заблуждался, пытаюсь отнять у него это право - быть, в первую очередь, человеком, а не только главой государства.

То, что Президент все это время очень живо интересуется моей судьбой, помогает, иногда встречается со мной - подарок судьбы. И я искренне горжусь тем, что могу пожать крепкую руку этого мужественного человека. За последние годы он дважды назначал меня главным редактором больших газет... Наградил орденом «Курмет», присудил в 2008 году премию Президента РК в области СМИ.

Я не знаю, как сегодня сложилась бы моя жизнь на чужбине. Думаю, вряд ли скатился бы на ее обочину, но сомнительно, что, оставшись в Америке, я чувствовал бы себя состоявшимся человеком, гражданином. Нурсултан Абишевич, человек большой души и мудрец тюркского мира, дал мне такой шанс, он вернул мне меня самого...

Каждый человек имеет право на ошибку, как говорится, «не ошибается только тот, кто не работает». Президент нашел в себе силы простить мне мои заблуждения, пригласить на Родину, помочь обустроиться и начать жить по-новому. Так может поступить только сильный человек!

Мне приятно осознавать, что в самый сложный исторический момент для нашего независимого государства во главе страны оказался такой Лидер, как Нурсултан Назарбаев. И я уверен, что его большого и благородного сердца хватит на всех!

Март-сентябрь 2011 г.

ЛЕТОПИСЬ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ОРДЫ*

Даты	События
1456	Образование Казахской Орды. Ханы Керей и Жанибек со своим народом обосновались в долинах рек Чу и Талас.
1456 – 1470	Приблизительно годы правления Керей-хана. Орда окрепла.
1460	Керей и Жанибек в союзе с ханом Моголистана Есен-Бугой отразили нашествие калмаков (ойратов).

* В летописи могут быть разночтения с авторским текстом в датах и событиях

- 1465 Численность населения, подвластного Керей-хану, достигла двухсот тысяч.
- 1470 Керей и Жанибек возвратились на земли вдоль Сырдарьи. Значительная часть Туркестанского края вошла в состав Казахской Орды.
- 1471 - 1480 Приблизительно годы правления Жанибек-хана. Орда усиливается. Началась борьба за города, расположенные по берегам Сырдарьи.
- 1480 - 1510 Правление Бурундук-хана. Орда расширяется. Начались кровопролитные бои за долины Сырдарьи, Туркестанский край.
- 1486 Казахи нанесли сокрушительное поражение Шейбани-хану, оттеснив его к Хорезму.
- 1491 В двух больших битвах казахи победили моголов.
- 1510 В зимней войне султан Касым полностью разгромил Шейбани-хана, который был вынужден бежать за пределы страны. Большинство городов, относящихся к Туркестанскому уаяляту, вошло в состав Казахской Орды.
- 1511 - 1520 Годы правления Касым-хана. Подавляющая часть земель древней Кок-Орды и Жетысу вошли в Казахскую Орду, численность населения превысила полтора миллиона, а войска - почти 300 тысяч.
- Около 1511 Касым-хан принял самый первый Свод законов Казахской Орды, известный под названием «Касқа жол» («Светлая дорога»).
- 1512 Касым-хан захватил Сайрамскую крепость, предпринял военный поход на Ташкент.
- 1521 - 1522 Годы правления Момыш-хана.
- 1523 - 1533 Годы правления Таир-хана.
- Около 1525 Начало двухсотлетней казахско-ойратской войны.
- 1533 - 1537 Годы правления Тогум-хана.

- 1537
27 июля В битве четырех народов под Сан-Ташем наголову были разбиты казахско-киргизские войска, Тогум-хан вместе с 9-ю сыновьями и 37-ю султанами погиб в этом бою.
- 1537 - 1559 Годы правления Буйдаш-хана. Орда стала поправляться. Война с ойратами приняла затяжной, более жестокий характер.
- 1556 Буйдаш-хан присоединил восточную часть Ногайской Орды к Казахской Орде.
- 1558 Казахская Орда стала теснить Бухарское ханство.
- 1559 Погиб Буйдаш-хан.
- 1560 - 1580 Годы правления Хакназар-хана. Казахская Орда восстановила свою былую мощь.
- 1569 Хакназар-хан разгромил Ногайскую Орду.
- 1570 Часть ойратов стала зависимой от Казахской Орды.
- 1579 Хакназар-хан вернул Туркестан и Сауран, ряд других населенных пунктов на юге.
- 1580
23 апреля Погиб Хакназар-хан.
- 1580 - 1582
1582, июнь Годы правления Шигай-хана. Султан Тауекел под Туркестаном разбил правителя уалаята Баба-султана.
- 1583 - 1598 Годы правления Тауекел-хана. Казахская Орда достигла своего военного и политического могущества.
- 1586 Первое нашествие Тауекел-хана на Мавераннахр.
- 1594 - 1595 Тауекел-хан направил послов в Россию; ответное посольство.
- 1598, февраль Тауекел-хан под Ташкентом разбил основные силы Абдолла-хана.

1598, лето	Победный поход Тауекел-хана в Среднюю Азию.
1598, осень	Погиб Тауекел-хан.
1598 - 1643	Годы правления Высокородлого Храброго Есим-хана. Героический период казахской истории.
1598, осень	В результате заключения Бухарско-Казахского договора весь Южный Казахстан и Ташкентский уалаят вновь вошли в состав Казахской Орды.
Около 1599	Есим-хан ввел новую систему законов под названием «Ескі жол» («Древняя дорога»). Перенес столицу Казахской Орды в Туркестан.
1603	Начало второй казахско-бухарской войны. В Айгыржарской битве победу одержали казахи.
1604	Есим-хан наголову разгромил ойратов.
1613	Есим-хан под Самаркандом разбил бухарско-афганские войска.
1619 - 1624	Есим-хан вел борьбу за Восточный Туркестан.
1620	Есим-хан одержал очередную победу над ойратами.
1624	Есим-хан выиграл Ферганскую битву, завершив тем самым вторую казахско-бухарскую войну.
1627	Есим-хан возглавил великий поход всех сынов алаша, в результате чего наголову был разбит Ойратский Союз.
1627	Правитель Ташкентского уалаята Турсун-хан совершил гнусное предательство, захватив Туркестан. Этим была начата гражданская война в Казахской Орде.

- 1627 Под Сайрамом произошла кровопролитная битва между войсками Турсун-хана (казахи рода катаган) и Есим-хана, который возглавил казахов остального алаша. Победил Есим-хан, Турсун-хан же, потеряв армию, отступил к Ташкенту и спрятался за его стенами.
- 1627 Есим-хан взял Ташкент, отрубил голову Турсун-хану и жестоко расправился с родом катаган, оставшиеся в живых которого были рассеяны среди других родов. Есим-хан заболел тяжелой, неизлечимой болезнью.
- 1635, лето Султан Жангир совершил набег на торгоутов, которыми правил Хо-Ерлик-тайчи, оттеснил их на запад, за реку Жем.
- 1643 Умер Есим-хан.
- 1643 - 1652 Годы правления Салкам Жангир-хана.
- 1643 декабрь Батур-хунтайджи во главе огромной армии, состоящей из ойратов, халха, торгоутов и других монгольских племен, вступил в киргизские пределы, которые входили в состав Казахской Орды.
- 1644 Широкомасштабная казахско-монгольская война.
январь-май
- 1644, июнь, июль Салкам Жангир-хан в двух крупных сражениях разбил объединенные халха-ойратские силы. В последнем особо отличились шестьсот стрелков, вооруженных огнестрельными ружьями,- совершенно новое боевое подразделение в казахской армии.
- 1644, осень Салкам Жангир-хан принял участие в войне между Великой Могольской империей и Бухарским ханством, направил на афганский фронт стотысячное войско; в результате 50-дневной кровавой сечи под Балхом казахи изменили ход войны и закончили ее в пользу узбекско-бухарского ханства.

1652, январь-февраль	Хошауты внезапно напали на киргизские земли. Гибель Салкам Жангир-хана.
1676 - 1680	Казахи вмешались в борьбу за власть в Бухарском ханстве.
1680 - 1715	Годы правления хана Аз-Тауке.
1681 - 1684	Сайрамская битва. Казахская Орда потерпела серьезное поражение от Дурбун-Ойрата.
Около 1690	Аз-Тауке-хан, обновив своды законов Касым-хана «Касқа жол» и Есим-хана «Ескі жол», ввел новую правовую систему «Жеті жарғы» («Семь уложений»). Представители торе стали ограничиваться в правах, а управленческие дела были возложены на биев.
1698	Набеги Дурбун-Ойрата на долину Чу и Таласа, Казахской Орде нанесены ощутимые удары.
1710 - 1711	Новое нашествие ойратов.
1712	Попытки казахов противостоять ойратскому нашествию.
1713	Родился Абылай-хан.
1714	Очередное тяжелое поражение Казахской Орды от Дурбун-Ойрата.
1715	Умер Аз-Тауке-хан.
1715 - 1718	Годы правления Каип-хана.
1717, лето	Казахское войско под руководством Каип-хана и Абулхаир-султана потерпели сокрушительное поражение в Аягузском сражении.
1718	Ойраты вновь разбили казахские отряды на берегах рек Арысь, Буген, Чаян, потопили в крови весь Юг.
1718 - 1729	Годы правления Болат-хана.
1723 - 1725	Казахи потерпели страшное поражение, потеряли Туркестан, Сауран, Ташкент, весь юг. «Ақтабан шұбырынды» («Годы великого бедствия»).

- 1728 Булантинское сражение, ойраты отброшены от Сары-Арки.
- 1730 Аныракайская битва, отражение ойратского нашествия, казахи оправились от первых ударов врага.
- 1730 Казахская Орда разделилась на самостоятельные улусы; в родах, жузах усилилось влияние биев.
- 1731 Правитель части Младшего жуза и ряда родов Среднего жуза Абулхаир-хан открыл дорогу к заключению договора с Россией о военном и политическом подданстве.
- 1733 Казахское войско под руководством Абылмамбет-хана разгромило ойратов; своей храбростью и мужеством прославился двадцатилетний султан Абылай.
- 1740, сентябрь-декабрь Набеги ойратов на Сары-Арку.
- 1741 январь-март Продолжение нашествия ойратов.
- 174,1 весна, лето Абылай-хан отразил нашествие ойратов и предпринял ряд удачных контрпоходов во внутренние районы Джунгарии.
- 1752 октябрь Переломный период в двухсотлетней ойратско-казахской войне; Абылай-хан в Аягузско-Нарынском сражении разбил основные силы ойратов.
- 1753 Регулярные победные походы казахских полков на джунгарские земли под предводительством легендарных батыров Кабанбая, Жанатая, Утегена, Ер Жанибека, Богенбая.

1754, осень	Абылай-хан одержал внушительную победу над Дурбун-Ойратом; казахи окончательно выиграли двухсотлетнюю войну.
1755, весна	Поход Абылай-хана на Джунгарию для окончательного усмирения ойратов.
1756 - 1757	Китайско-казахская война.
1756	В Калмак-Толагайском, Аягузском сражениях Абылай-хан нанес сокрушительное поражение китайско-цинской армии и в летней кампании одержал серьезную тактическую и стратегическую победу.
1757	Новый поход Цинской империи на казахские земли; Абылай-хан понес большие потери, но, сохраняя основные силы своей армии, отступил.
1757 15 мая	Между доверенным лицом Абылай-хана Абылайпеиз-султаном и китайским полководцем Фу Дэ заключено Айдын-Суское соглашение о временном мире.
1757 7 июня	Заключение Аягузского мира между Абылай-ханом и представителями Цинской империи.
1757, сентябрь-октябрь	Абылай отправил послов в Пекин. Достигнута договоренность о взаимном уважении и независимости.
После 1760	Казахи мирным путем вновь начали переселяться в Восточный Туркестан и обосновываться там.
1765, октябрь-ноябрь	Победный поход Абылай-хана против киргизов.
1766 - 1768	Абылай-хан объявил войну Кокандскому ханству, покорил Ташкент.

- 1770 Абылай-хан разгромил Киргизский улус, определил казахско-киргизскую границу. Конец двухсотлетней войны.
- 1771 В результате «Пыльного похода» Абылай-хан окончательно победил торгаутских калмаков.
- 1771 В Туркестане Абылай был поднят на белой кошке и объявлен ханом всей Казахской Орды.
- 1781, начало мая Умер Абылай-хан.
- После 1781 В Западном и Центральном Казахстане усилилось влияние России. Начало дробления единой Казахской Орды на отдельные улусы. Российский царизм приступил к всеобщей колонизации Западного и Центрального Казахстана.
- 1801 В результате мирных переговоров с царской Россией Букей-хан вернул земли предков между Волгой и Яиком, образовалась Букейская Орда.
- 1801 - 1822 Южный Казахстан стал зависимым от Кокандского ханства.
- 1822 Указом русского царя объявлено об упразднении в Среднем жузе ханской власти.
- 1835 - 1865 Годы жизни правнука Абылай-хана, великого ученого Шокана Уалиханова.
- 1838 - 1847 Борьба внука Абылая Кенесары-хана за сохранение Казахской Орды.
- 1841 Кенесары избран ханом трех жузов.
- 1845 - 1904 Годы жизни великого казахского поэта и мыслителя Абая (Ибрагима Кунанбаева).
- 1847 Погиб Кенесары-хан. Падение Казахской Орды. Начало 144-летней колониальной эпохи в истории казахского народа.

Составитель Мухтар МАГАУИН

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога длиной в шесть веков	4
Глава I.	
САГА О КАЗАХСКОМ ХАНСТВЕ	7
Заветы Керей и Жанибека.....	8
Шаги истории: неумолимая предопределенность.....	20
Точка невозврата или отсчет для нового взлета?	24
Сказание о Есим-хане или Шекспировские страсти в казахской Степи	28
История не знает сослагательного наклонения, или От какого наследия мы хотим отказаться.....	33
Глава II.	
КАЗАХСТАН ЭПОХИ МЕЛКИХ ХАНСТВ	38
Нелирическое отступление.....	39
Единство и борьба противоположностей.....	42
Абылай-хан: жажда мифа. Удачный PR-проект Толе би	47
Абылай-хан. Post scriptum	56
Река исчезает в песках.....	59
Мятежный хан	63
Глава III.	
В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	75
Институт ханской власти. Перегрузка	76
Мощный источник интеллекта. «Алаш-Орда»	79
Исламская идея. Туркестан	91

Глава IV.

ПОД ВЛАСТЬЮ СЕРПА И МОЛОТА	105
Красные наркомы и секретари ЦК.....	106
Станислав Пестковский. Определение системы координат.....	108
Сейткали Мендешев. Председатель КазЦИК. Дубль первый	125
Филипп Голощекин. Царубийца. Архитектор голодомора	139
Левон Мирзоян. Немного солнца в холодной воде.....	154
Николай Скворцов. Геннадий Борков. Противостояние коричневой чуме и ее последствиям	171
Жумабай Шаяхметов. Несмотря и вопреки Пантелеймон Пономаренко, Иван Яковлев, Николай Беляев, Исмаил Юсупов. Следуя директивам Центра. Когорта хрущевских назначенцев	193
Динмухамед Кунаев. В дружеских тисках Кремля.....	212
Геннадий Колбин в роли Николая I	231

Глава V

КАЗАХСТАН. СВОЙ ПУТЬ.

Эпоха Назарбаева	240
Немного предистории	241
Годы свершений.....	248
В поисках потерянного рая	268
Между сном и явью	270
Близкое видится на расстоянии	273
Летопись знаменательных событий в истории Казахской Орды	275

Бигельды ГАБДУЛЛИН

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЭССЕ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

Фото В.Аляпьева

Реакторы:

Адольф Арцишевский, Светлана Сеницына

В книге использованы работы художников
Г.Сидорова, Е.Сидоркина, М.Бексултанова и Е.Оспанова

ISBN 978-601-03-0358-4

ИБ 148

Формат 84/108 ¹/₃₂. Шрифт “Cambria”

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 15, 0 усл.п.л. Тираж 2000. Заказ № 148

Қазақстан Республикасы, Алматы қаласы
Жангелдин–Мұхамеджанов көшесі, 30/26.

“Хантәңірі” баспа корпорациясы

Тел: (8-727) 397-41-63, 397-41-62

Эл. почта: Kazakparat@inbox.ru

“ҚАЗАҚПАРАТ” баспа корпорациясының баспаханасы